

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

**Международная научно-практическая конференция
(1 декабря 2023 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2024

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2024
ISBN 978-5-9694-1553-9

УДК 347.1
ББК 67.404
А43

Рецензенты:

начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук,
доцент **И. В. Куртяк**; начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент **С. К. Жилыева**

Составители *А. В. Тумаков, Н. А. Малышева*

А43 **Актуальные вопросы гражданского права и процесса** : Международная научно-практическая конференция, 1 декабря 2023 г. : сборник научных трудов / [сост. А.В. Тумаков, Н.А. Малышева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. – 253 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске. ISBN 978-5-9694-1553-9

В сборнике научных трудов, подготовленном по итогам Международной научно-практической конференции, проходившей 1 декабря 2023 г. на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, представлены статьи, освещающие широкий спектр актуальных вопросов гражданского права и процесса, касающихся в том числе цифровизации, защиты цифровых прав, правового регулирования использования искусственного интеллекта.

Издание адресовано преподавателям, докторантам, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России. Может представлять интерес для практических сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка Жукова О. И.

Подписано к изданию 13.06.2024
Объем издания: 2,66 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1553-9

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<https://мосу.мвд.рф>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алатарцева Е. А.

Проблемные аспекты гражданско-правовой ответственности
эксперта в договорных отношениях 8

Алишина Д. К.

Цифровой рубль как объект гражданского права 11

Багян А. В.

Государство как участник гражданских правоотношений:
особенности и специфика 14

Балдина Е. В.

Судебная экспертиза в гражданском и арбитражном процессе 20

Баринов А. Г.

Вопросы гражданско-правовой ответственности распространения
рекламы в сети Интернет.....25

Белецкий Д. А.

Об авторском надзоре и смежных договорных конструкциях 28

Богачева К. С., Гвозденко А. С.

Правовое регулирование биометрической идентификации 31

Булыжкин Д. А.

Особенности участия государства в гражданских правоотношениях 36

Быкова С. П.

Команда стартапа и коммерческая тайна. Судебная практика.....39

Васильев М. М.

Правовое регулирование интеллектуальной собственности
в игровой индустрии 43

Вельянинова М. Т.

Этические аспекты и юридическая защита суррогатных матерей:
анализ прав и обязанностей женщин, участвующих
в суррогатном материнстве 48

Видишева А. Н.

Признание совместной собственностью имущества,
нажитого в «гражданском браке»: за и против 54

Герасимова В. С.

Особенности защиты интеллектуальных прав 58

Гомозова О. Ю.

Категория добросовестность как мерило оценки поведения субъектов
обязательственных правоотношений 62

Гоманова А. Д.

Международные практики установления правового режима
с целью законодательного разграничения видов криптовалюты 65

<i>Гужвинский Н. М.</i> Правовая природа цифровых активов	71
<i>Ермакова В. А.</i> Цифровой рубль, как третья форма средства платежа в Российской Федерации	76
<i>Игнатенкова А. Ю.</i> Способы защиты гражданских прав в системе российского законодательства	79
<i>Игнатова С. А.</i> Промежуточные итоги реформы гражданского законодательства о наследственных и личных фондах	82
<i>Ким А. Д., Богданов А. М.</i> Проблемы рассмотрения дел о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении его умершим	86
<i>Ковалева Д. А.</i> Судебная защита чести и достоинства наследодателя при распространении недостовверных сведений в интернете	94
<i>Козлова М. Ю.</i> Потенциал цифровизации при разрешении споров	98
<i>Деревянко В. Э., Корчагина Е. А.</i> Цифровые права в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации	102
<i>Косолапова К. С.</i> Защита нематериальных благ граждан, нарушенных в сети Интернет	106
<i>Криушина А. В.</i> Особенности защиты прав потребителей в условиях электронной коммерции	110
<i>Крюкова Е. С., Рязанова В. В.</i> Жилищные кооперативы в системе управления многоквартирными домами	115
<i>Кудашева П. С.</i> Проблемы правового регулирования ответственности медицинских работников	118
<i>Кузнецова О. А.</i> О моменте, с которого нормативные правовые акты признаются недействующими	122
<i>Кукушкина Е. А.</i> Способы устранения выявленных проблем и совершенствования процесса заключения гражданско-правовых договоров	128
<i>Лай Шон Тунг, Фам Вьет Кхоа</i> Правовые основы регулирования ответственности субъектов предпринимательской деятельности: сравнительный анализ между российскими и вьетнамскими законами	131

<i>Ланитин М. Д.</i> Частные экспертные учреждения в гражданском процессе. Проблемы регулирования и перспективы развития	138
<i>Левченко К. Е.</i> Значение и возможности систем электронного правосудия в Российской Федерации	141
<i>Матвеева Е. Ю.</i> Специальные договорные конструкции, устанавливающие требования к порядку исполнения договора.....	145
<i>Мачинский Н. А.</i> Лизинговые отношения в России в условиях санкционного давления	150
<i>Мжаванадзе В. Э.</i> Особенности законодательного закрепления термина «искусственный интеллект» в отечественном и зарубежном праве	155
<i>Мирикова И. В.</i> Договор международной купли-продажи товаров с участием российских организаций	159
<i>Метелица К. А.</i> Роль цифровых технологий в ускорении процедуры разрешения споров в гражданском процессе	163
<i>Мут К. Д.</i> Частноправовые формы защиты потребителей от навязанных услуг	168
<i>Назарова Д. О.</i> Юридические аспекты электронной коммерции: оформление договоров и защита потребителей в сети Интернет	173
<i>Несвитова В. А.</i> Перспективы развития искусственного интеллекта в гражданском праве	176
<i>Ошуркова П. О.</i> Правовые проблемы использования товарного знака	179
<i>Павлова К. С.</i> Смарт-контракт как способ цифровизации отношений по договору поставки.....	183
<i>Панова Д. С.</i> Защита прав потребителей в современном гражданском праве.....	187
<i>Пильникова А. С.</i> Гражданско-правовые вопросы наследования аккаунтов в социальных сетях после смерти их владельца	190
<i>Политкин И. А.</i> Понятие и виды объединений юридических лиц.....	195

<i>Поломошнова А. А.</i> К вопросу соотношения предмета регулирования гражданского и семейного права	201
<i>Помыкалова К. Г.</i> Особенности защиты авторских прав умерших владельцев аккаунтов в социальных сетях	205
<i>Рузанова В. Д.</i> Расширение сферы влияния частноправового регулирования	208
<i>Рузанова Е. В.</i> Соотношение публично-правового и частноправового регулирования в сфере государственной поддержки семьи	212
<i>Рысбекова Б. Р.</i> Компенсация морального вреда, причиненного незаконными действиями сотрудников ОВД в России и Кыргызстане	215
<i>Симонова А. А.</i> Правоотношение в механизме правового регулирования.....	219
<i>Тихонина А. С.</i> Искусственный интеллект в практике юристов: прогресс или регресс в правовой сфере	223
<i>Трушина И. О.</i> Актуальные вопросы использования искусственного интеллекта в корпоративном праве	226
<i>Филиппова В. А.</i> Правовые аспекты идентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных	230
<i>Хаврошина А. А.</i> О некоторых актуальных мифах современного искусственного интеллекта	234
<i>Шелетина В. А.</i> Вынужденное пиратство – принудительное лицензирование: возможности использования исключительных прав в условиях санкций	238
<i>Шкатова К. А.</i> Правовые основы внедрения цифрового рубля	242
<i>Шуришина А. А.</i> Наследование цифровых прав.....	246
<i>Яготинцева Т. Ю.</i> Государство как потерпевшая сторона в обязательствах вследствие причинения вреда в результате совершения коррупционного правонарушения.....	251

*Алатарцева Е. А.¹,
соискатель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Семенова Е. Г.,
профессор кафедры гражданского
и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЭКСПЕРТА В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Согласно ст. 37 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить экспертные исследования на договорной основе [6]. Судебно-экспертную деятельность также могут осуществлять лица, не являющиеся государственными судебными экспертами (ст. 41 указанного Федерального закона), но которые также работают на договорной основе.

Несмотря на то что эксперт является самостоятельным участником гражданско-правовых отношений, в Гражданском кодексе Российской Федерации, отсутствуют специальные нормы об ответственности эксперта за нарушение договора. За не подготовку или некачественную подготовку экспертного заключения применяются общие нормы, предусмотренные ст. 401 ГК РФ [5, с. 37; 6].

В правовой доктрине вопрос гражданско-правовой ответственности эксперта обсуждался в научных трудах Е. Р. Россинской, М. И. Ивановой, М. Ю. Харитоненко, Д. А. Соболева и др. Д. Ю. Затонова, в свою очередь, рассматривала внедоговорную гражданско-правовую ответственность эксперта. Вопросы специфики и анализ проблем договорной имущественной ответственности эксперта в трудах ученых не раскрыты.

Анализируя особенности договорной ответственности эксперта, необходимо отличать ее от деликтной ответственности. Договорной ответственности присущ диспозитивный характер, многое зависит от согласования условий сторонами, заключившими договор.

По мнению Е. А. Суханова, внедоговорная ответственность является более строгим видом ответственности, так как она связана с обязательствами, возникающими в связи с причинением вреда, совершением деликта [3, с. 220].

¹ © Алатарцева Е. А., 2024.

О. С. Иоффе отмечал, что договорная ответственность, в отличие от деликтной, не порождает обязательства по возмещению причиненного вреда, а в случае неисполнения обязательства из договора добавляется новая обязанность нарушившего его (возмещение убытков и т. п.) [4, с. 494].

В. В. Витрянский указывает, что главным отличием договорной ответственности от деликтной является более широкий спектр случаев ее наступления, т. е. помимо случаев, предусмотренных законом, она может возникнуть в случаях, предусмотренных сторонами договора, ими могут быть установлены дополнительные меры имущественной ответственности при неисполнении или ненадлежащем исполнении договорного обязательства [1, с. 623].

В основании правоотношений между экспертом и заказчиком услуг лежит гражданско-правовой договор, соответственно, заказчик может защитить свои права посредством предъявления иска к эксперту, не исполнившему или ненадлежаще исполнившему такой договор.

На сегодня общепринятым в юридической литературе является положение, что ответственность за нарушение договорного обязательства наступает при наличии ряда условий: факта нарушения обязательства, возникновения неблагоприятных последствий у стороны, несущей в связи с этим убытки в определенном размере, а также причинно-следственной связи между первыми двумя условиями.

Меры ответственности, применяемые к эксперту за нарушение договорного обязательства: возмещение убытков, неустойка, компенсация морального вреда (только в отношении физических лиц). Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенной мерой ответственности эксперта, нарушившего договор, является возмещение убытков.

Так, по решению Центрального районного суда г. Волгограда от 1 марта 2018 г., вступившего в законную силу от 6 июня 2018 г. (дело № 2-1440/18), в связи с совершением процессуальных ошибок при проведении экспертизы (требования ч. 3 ст. 85 ГПК РФ и ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ) с ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет» в пользу истца Е. А. Бочаровой были взысканы убытки в размере 54 620 р. 43 коп. [2; 5]. Между указанными сторонами был заключен договор о проведении экспертного исследования. Заключение по данной экспертизе было признано судом недопустимым и недостоверным доказательством из-за отсутствия квалификации у эксперта, привлечения к проведению экспертизы посторонних лиц без соответствующего ходатайства, а также без их предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Таким образом, в результате нарушений договора организацией истцу был причинен убыток в размере понесенных расходов на проведение экспертизы, которая была признана недопустимым доказательством. Ни причинение морального вреда, ни упущенная выгода во внимание судом приняты не были. Истец не смогла доказать наличие причинной связи между противоправным поведением организации и понесенными ей убытками.

Такое же решение вынесено судом Центрального районного суда по делу № 2-1981/2020 от 12 октября 2020 г., вступившего в силу 11 января 2021 г., где экспертиза признана недопустимым доказательством.

Анализ судебной практики в отношении экспертов, нарушивших договорные обязательства, позволяет выделить ряд проблемных аспектов гражданско-правовой ответственности:

1. В законодательстве отсутствует перечень доказательств, подтверждающих убытки потерпевшей стороны. В случае нарушения экспертом договорного обязательства, если потерпевшей стороной является, например, юридическое лицо, предлагается ввести обязательный список документов, в которых будет регламентирован порядок учета и фиксации факторов, подтверждающих убытки.

2. Отсутствует единая методика определения размеров убытков, механизм расчета убытков, возникших вследствие неисполнения экспертом договорного обязательства. Целесообразно каждый вид убытков рассчитывать отдельно, после чего их суммировать.

3. Отсутствует методика определения размера компенсации морального вреда. Необходимо разработать ее базис взыскиваемых сумм в случае неисполнения договорного обязательства.

Применение данных рекомендаций будет способствовать развитию института ответственности за неисполнение договорных обязательств, в том числе института гражданско-правовой ответственности эксперта.

Список литературы

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М. : Статут, 2005.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Гражданское право: Том 1 : учебник, 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Волтерс-Клувер, 2006.

4. Иоффе О. С. Избранные труды : в 4 т. Т. 3. СПб. : Пресс, 2004.

5. Новикова Е. А. Специфика юридической ответственности эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 36–40.

6. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

*Алишина Д. К.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Актуальность статьи выражается в анализе установления в экономической сфере государства третьей формы национальной валюты и ее начальное закрепление в гражданско-правовых актах.

Цифровые технологии в настоящее время внедряются во все сферы жизни общества, что отражается на законотворческой и правоприменительной деятельности и приводит к возникновению новых объектов гражданских правоотношений.

Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) была дополнена новым видом объекта гражданских правоотношений. В результате реформы цифровой рубль выступает видом безналичных денежных средств. После внесенных изменений ст. 140 ГК РФ устанавливает, что платежи на территории Российской Федерации производятся как наличными, безналичными денежными средствами, включая цифровой рубль, что способствует введению в гражданский оборот данного способа платежа [1].

Центральный Банк Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) в своем Докладе дает понятие Цифрового рубля, под которым подразумевается цифровой код, хранящийся на электронном кошельке, выступающий средством платежа наравне с существующими наличными и безналичными деньгами [4]. Эмитентом выступает ЦБ РФ, на платформе которого будет осуществляться приобретение и конвертирование представленной формы национальной валюты. Однако коммерческие банки также будут осуществлять участие в обороте данного объекта гражданских правоотношений в виде посредников между ЦБ РФ, физическими и юридическими лицами.

В апреле 2021 г. ЦБ РФ опубликовал Концепцию цифрового рубля, в которой подробно отразил порядок оборота цифрового рубля, определил этапы реализации Концепции и ее влияние на кредитно-финансовую политику страны. Согласно Концепции, массовое использование новой формы рубля гражданами

¹ © Алишина Д. К., 2024.

начнется только с 2025–2027 гг. Важно обратить внимание на гл. X документа, которая посвящена перспективе внесения изменений в ГК РФ в части установления правового режима цифрового рубля, определения порядка регулирования расчетов с помощью представленной формы рубля и его особенностей при исполнении обязательственных правоотношений.

В ст. 7.1 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ № 161) установлены особенности совершения операций с цифровыми рублями, которые определяет перевод рубля только на платформе ЦБ РФ по установленным правилам [2]. В ст. 30.7 Федерального закона установлены требования к организации и обеспечению функционирования цифрового рубля, закрепляющие то, что Банк России, являющийся оператором платформы цифрового рубля, в соответствии с Положением Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля», устанавливает правила совершения операций, предоставления доступа к платформе, контроль порядка, установленного системой и защита переводов, высокий уровень кибербезопасности счетов и системы в целом [3]. С открытием счета предоставляется доступ к платформе цифрового рубля, действия по переводам, пополнению и выводу, и иным операциям производится свободно в рамках программы.

К тому же в ст. 30.8 ФЗ № 161 закрепляется понятие договора счета цифрового рубля, вследствие заключения которого граждане могут открывать и вести цифровые кошельки, конвертировать наличные или безналичные денежные средства в цифровой рубль и имеют право требовать производства определенных операций в рамках платформы ЦБ РФ [2]. Также будет создана возможность заключения смарт-контрактов с использованием данной формой национальной валюты.

Автор считает, что одним из ведущих преимуществ введения цифрового рубля является контроль за расходованием денежных средств целевого назначения, так, из федерального или местного бюджета выделенные средства для государственных нужд, например, строительства домов, школ, ремонта дорог будет производиться в рамках платформы ЦБ РФ, и регулирование операций с представленными цифровыми рублями будет усилен. Вследствие чего данный факт уменьшит риски «отмывания» и нецелевого расходования денежных средств. Также возможно выполнение государственных закупок с помощью представленной формы средств платежа, что обезопасит все операции, связанные с оплатой договорных обязательств. Также преимуществом может стать уменьшение затрат на печать наличных денег, так как офлайн операции без возможности выхода в интернет будут также доступны с использованием цифрового рубля. Сделки базируются на фиксации операций в централизованном нераспределенном реестре.

Также новое средство платежа легализовано в гражданском обороте как форма национальной валюты, что по сравнению с актуальными денежными суррогатами является легальным и доступным.

Цифровой рубль как материальное благо является поводом для вступления участников, пользователей и оператора платформы в гражданские правоотно-

шения, у субъектов которых возникают права на открытие счета, производства операций, совершения сделок и заключения договоров с использованием цифрового средства платежа.

Таким образом, вследствие того, что запуск цифрового рубля находится на стадии тестовых версий гражданско-правовое регулирование также предстоит модернизировать и дополнять, так как в концепции и докладе ЦБ РФ указана экономическая сущность, а юридическая природа до конца не ясна, что требует законотворческой доработки и постепенной практической базы. К тому же следует рассмотреть внедрение фундаментальных норм регулирования и формы защиты прав исключительно для цифровой сферы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023) // Российская газета. 2011. № 139.
3. Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с Порядком урегулирования споров и разногласий) // Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 №74716.
4. Доклад для общественных консультаций // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/

Багян А. В.¹,

*студент магистратуры юридического факультета
Волгоградского института управления филиала РАНХиГС*

Научный руководитель:

Иловайский И. Б.,

*доцент кафедры гражданского
и международного частного права
Волгоградского института управления филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук*

ГОСУДАРСТВО КАК УЧАСТНИК ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА

Гражданские правоотношения являются основной сферой взаимодействия между людьми в обществе. Они регулируются гражданским законодательством и представляют собой отношения, основанные на равноправии, свободе договора и защите интересов сторон. Субъектами в гражданских правоотношениях принято выделять граждан и юридических лиц, в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) определены и другие участники, таких как, Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. В п. 2 ст. 124 ГК РФ законодатель отмечает, что к ним применяются нормы, определяющие участие в гражданском обороте юридических лиц, если иное не указано в законе, либо особенностях подобного субъекта. Помимо обозначения равенства государства с субъектами гражданского права, в отечественном законодательстве нет иных признаков таких субъектов, и отсутствует определение понятия «публично-правовое образование» применительно к их участию в гражданском обороте.

Несмотря на то что законодатель указывает на их равноправие с физическими и юридическими лицами, в силу их публичного характера возникает неясность в определении правового статуса такого рода субъектов. Так, они не могут принимать непосредственное участие в предпринимательских отношениях. Особенности участия государства в гражданском обороте наиболее актуальны в современной цивилистике, так как на сегодняшний день нет единой концепции участия публично-правового образования в гражданских правоотношениях, и привлечения его к гражданско-правовой ответственности.

Если обратиться к правоведам дореволюционного времени, можно проследить, что они рассматривали государство в рамках учения о юридических лицах. К тому времени законодательство не определяло отчетливой классификации юридических лиц, но правовая доктрина выделяла их на публичные и частные. К публичным юридическим лицам относились государство, ведомства и учреждения, обладающие обособленным имуществом, и органы местного самоуправления. Отмечалось, что возникновение публичных юридических лиц

¹ © Багян А. В., 2024.

не зависит от воли частных лиц, создаются исторически или в установленном законом порядке.

Правоведы того времени рассматривали государство через призму имущества, которое было у него, и выделяли отдельный вид юридического лица – казну. Она не обладала преимуществами, а имела те же права, какие принадлежат ей по праву собственности: распоряжение своим имуществом наравне с частными лицами. Будучи юридическим лицом, казна действовала через своих представителей (государь, должностные лица и т. п.) и приобретала права и обязанности через свои органы [7, с. 129].

В советской России отношение к положению государства в гражданских правоотношениях значительно изменилась. Государство представляла собой единый фонд государственной социалистической собственности, а также политического и хозяйственного руководства, которое мыслилось представителем всего общества.

Советское государство, участвуя в гражданском правоотношении, было в роли непосредственного субъекта имущественных прав тогда, когда выступало в качестве казны, под которой подразумевался государственный бюджет. Это юридическое понятие было ограниченнее по своему содержанию, чем в представлении дореволюционных правоведов, так как тогда в казну включалось все государственное имущество, а теперь только государственный бюджет.

Социалистическая экономика стала примером введения иных форм хозяйствования вместо рыночных отношений. Несмотря на целостность государства как хозяйственного субъекта, производство и распределение общественного продукта были опосредованы деятельностью государства. Статус юридического лица ставился в зависимость от финансово-бухгалтерских категорий (самостоятельная смета и возможность распределять кредиты), которые предоставляли не только права на совершение сделок, но и полномочия быть истцом и ответчиком по имущественным спорам [3, с. 82].

Таким образом, в советской системе государство не рассматривалось как юридическое лицо публичного права, а рассматривалось, как стоящее над субъектами гражданского права явление, которое осуществляло функции хозяйственного управления через многообразие своих органов. При этом юридическими лицами именовались учреждения и предприятия, которые в свою очередь являлись органами советского государства.

Отсутствие теоретической ясности в определении статуса государства в гражданских правоотношениях и неиспользование к нему понятия юридического лица повлияли на современное российское регламентирование участия государства в гражданском обороте.

Впервые в истории отечественного законодательства (вслед за Основами гражданского законодательства СССР и республик 1991 г.) законодатель в гл. 5 ГК РФ предусмотрел участие государства в гражданских правоотношениях в качестве третьего варианта субъекта гражданского права. Вместе с тем, регламентация этих правил в ст.ст. 124–127 ГК РФ не разрешила всех проблем в этой области, а наоборот, вызвала дальнейшую остроту теоретических дискуссий среди современных цивилистов [6, с. 5].

Между тем, как уже отмечалось, определение правового статуса государства как участника гражданских правоотношений и привлечения его к гражданско-правовой ответственности, так и остались дискуссионными и не до конца решенными вопросами. На наш взгляд, создание эффективного института гражданско-правовой ответственности государства стоит рассмотреть в совокупности с совершенствованием такого института во всех отраслях отечественного права. Если ограничиться только цивилистическим аспектом рассматриваемой проблематики, то вряд ли можно будет добиться полноценного правового результата.

Государство в сфере гражданских отношений играет роль особого субъекта. Его специфическое место определяют такие компоненты, как равные начала участия в гражданском обороте с другими участниками и использование властных полномочий для определения правил регулирования общественных отношений в этой области. Обозначение правил не освобождает государство от обязанности их соблюдения, что обусловлено самой природой рассматриваемых отношений. Недопустимо использование государством своей власти для изменения гражданско-правовых норм или навязывание контрагентам личной воли в конкретных правоотношениях [4, с. 71].

Отечественная правовая система нуждается в разработке института правосубъектности государства и его органов, как участников гражданского оборота, совместно с созданием непосредственно механизма осуществления их гражданско-правовой ответственности. Проблемными в этой части являются такие вопросы, как отсутствие (1) закреплённого определения гражданско-правовой ответственности государства; (2) перечня субъектов в виде органов, принимающих участие в гражданских правоотношениях от его лица и отвечающих по его обязательствам; (3) единства взглядов на объем публичных функций государства при его участии в гражданских правоотношениях и др. Сложностью в области участия государства в гражданских правоотношениях является и точное определение конкретных субъектов или публично-правовых образований в виде ответчиков или выступающих от их имени органов. Законодатель в некоторых случаях прямо определяет такие органы. В ст. 1071 ГК РФ установлено, что в случаях, когда в соответствии с законами РФ причиненный вред подлежит возмещению за счет казны РФ, казны субъекта РФ или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если в соответствии с п. 3 ст. 125 ГК РФ это обязательство не возложено на другой орган, юридическое лицо или гражданина [2, с. 93].

В нашей стране Федеральное казначейство выступает от имени казны, но законодатель определил эту роль и другим органам, выступающим от имени государства. Федеральное казначейство представляет собой централизованную систему органов, которая состоит из Главного управления, входящее в состав Министерства финансов РФ и территориальных органов. Все органы Федерального казначейства в форме бюджетных учреждений являются юридическими лицами. «Федеральное казначейство один из органов, который действует от имени казны в гражданском обороте. Вместе с тем закреплённый законодательно принцип единства казны в гражданском обороте является лишь функцией распределения бюджетных средств. Федеральное агентство по управлению

государственным имуществом (Росимущество) – государственный орган, который распоряжается движимым и недвижимым имуществом РФ и представляет государство в гражданском обороте в области управления государственным имуществом, за исключением бюджетных средств» [5, с. 81].

В ст. 71 Конституции Российской Федерации определены сферы, регулирование которых отнесено исключительно к компетенции Российской Федерации, а именно: «управление федеральной собственностью, установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки, определения порядка оборота оружия и боеприпасов и другого военного имущества» [1]. Стороной сделок в указанных сферах может выступать только РФ. Вместе с тем Россия обладает исключительным суверенным правом и осуществляет свою юрисдикцию на исключительной экономической зоне и в континентальном шельфе. Таким образом, государство может взаимодействовать с иными участниками гражданских правоотношений непосредственно и опосредованно.

Опосредованное участие государства в гражданском обороте достигается участием созданных государством юридических лиц, принимающих обязанности и приобретающих права для себя, а не для государства. К таким юридическим лицам относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, имущество которых является государственной собственностью. Благодаря им государство косвенно участвует в гражданском обороте. Примечательно, что в различных случаях они могут действовать как от своего имени, так и от имени государства. Так, Министерство внутренних дел РФ может представлять Российскую Федерацию и представлять себя в гражданском обороте (например, приобретение товаров личного пользования в виде канцелярских принадлежностей).

Участие государства в гражданских правоотношениях наступает тогда, когда в законодательстве определено полномочие какого-либо его органа действовать от его имени в этой сфере. Представлять государство в таких случаях могут как представительные, так и исполнительные органы Российской Федерации – Президент, Федеральное Собрание, Правительство, Министерство финансов, Федеральное казначейство, а также соответствующие им органы государственных и муниципальных образований. Вместе с тем по специальному поручению государства от его имени могут выступать любые лица – государственные органы, органы местного самоуправления, юридические и физические лица (п. 3 ст. 125 ГК РФ). Примером могут служить действия физических лиц, которые на основе соответствующего договора представляют интересы государства в органах управления акционерных обществ (хозяйственных товариществ), часть акций (доли, вклады) которых закреплена в федеральной собственности.

Таким образом, «отечественное правовое поле исходит из плюралистической модели роли государства в гражданском обороте, когда оно представляется не одним, а несколькими различными органами, при этом структурированность и порядок взаимодействия у таких органов отсутствуют. «Такой подход

облегчает деятельность государственных органов, однако снижает эффективность и защиту прав лиц, которым был причинен вред» [6, с. 71].

В заключение можно сделать вывод, что после перехода на новую систему хозяйствования (рыночные отношения) отечественное законодательство, в части формирования правового статуса государства, в гражданском обороте продолжает реализовывать правовую концепцию со взглядом на государство и его органы, как некую разновидность юридического лица. Стремления создать симбиоз из новых рыночных отношений и социалистической экономики, привели к появлению проблем, указанных в настоящем исследовании. Полагаем, что в этом аспекте было бы целесообразным вернуться к теоретическим воззрениям на государство как участника гражданских правоотношений, разработанных правоведами дореволюционной России, адаптировав их к современным реалиям. Подобный подход выражен во многих научных трудах, в которых прямо предлагается признать Российскую Федерацию, субъекты РФ и муниципальные образования участниками гражданских правоотношений в качестве публичных юридических лиц и в этой роли называть их казной [8, с. 8]. В постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июля 2014 г. № 15АП-9805/2014 по делу № А53-28842/2013 «О взыскании задолженности и процентов за пользование чужими денежными средствами по договору подряда» была отражена именно такая точка зрения.

Одним из решений существующих проблем может стать наделение гражданской правоспособностью только трех субъектов, отмеченных в гл. 5 ГК РФ, а именно: Российскую Федерацию, субъектов РФ и муниципальные образования. Юридические лица (комитеты, министерства и т. д.), создаваемые этими субъектами, не должны обладать гражданской правоспособностью. Их участие должно быть только от имени вышеотмеченных субъектов. На наш взгляд, подобная норма внесет ясность в правоприменение и упростит построение системы государственных органов, которые участвуют в гражданских правоотношениях, и сам процесс реализации гражданско-правовой ответственности, связанный с деятельностью этих органов.

Таким образом, существует необходимость и выработка общей концепции в исследуемой области с дальнейшим переносом ее на нормативную плоскость, т.е. принятие соответствующего федерального закона и законов субъектов федерации, что значительно внесет ясность в статус государства в гражданском обороте и гражданских правоотношениях.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Багян А. В. Отдельные аспекты гражданско-правовой ответственности государства // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023) : сборник материалов Международной научно-практической конференции памяти М. Ф. Медведева / под общей ред.

Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского. Волгоград : Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. С. 92–94.

3. Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Советское государство и право. 1940. № 6. С. 79–87.

4. Голубцов В. Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Теоретические проблемы российского права и государственности. 2016. № 1.

5. Гражданское право : учебник для юрид. вузов. Часть первая/ под ред. Я. Ф. Миколенко, П. Е. Орловского. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

6. Кириллова Е. А. Формы участия государства в гражданских правоотношениях // Социальные и политические науки. 2020. № 2. С. 3–5.

7. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Петроград : Двигатель, 1914.

8. Смородинов М. В. Особенности гражданской правосубъектности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Балдина Е. В.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Сафонов А. А.,
доцент кафедры технико-криминалистического
обеспечения экспертных исследований
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В современном обществе точное, грамотное и четкое рассмотрение дел играет важную роль в регулировании общественных отношений, в том числе и гражданско-правовых. Судебная экспертиза, как важный инструмент обеспечения правосудия, занимает особое место в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации. Она направлена на получение объективной и независимой оценки фактических обстоятельств дела с участием экспертов и становится все более актуальной по следующим причинам:

1. Растущее число гражданско-правовых споров и экономических конфликтов.
2. Усложнение юридических и технических вопросов, возникающих при рассмотрении дел.
3. Развитие и эволюция методов преступников.
4. Внедрение новых технологий и методов экспертизы и методы совершения преступления.
5. Расширение международного сотрудничества в области правосудия, а также принятие и ратификация международных договоров, в которых особое внимание уделяется судебно-медицинской экспертизе.

К традиционным видам экспертиз добавляются все новые, затрагивающие новые аспекты научных знаний и технологий. Развитие науки в целом, развитие и новые взаимосвязи между конкретными отраслями науки, все это расширяет объем необходимых знаний и умений и позволят более точно, более конкретно давать выводы, основываясь на научных фактах.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2000 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследования и дачи экспертного заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые передаются эксперту судом, судьей, органом дознания, ли-

¹ © Балдина Е. В., 2024.

цом, производящим дознание, следователем или прокурором с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [2].

Заключение эксперта – это письменный документ, отражающий ход и результаты исследования, проведенного экспертом, его личные выводы, мнение о рассматриваемом вопросе.

Судебная экспертиза играет важнейшую роль в правовой системе, поскольку позволяет получать точные заключения, основанные на научных знаниях и профессиональном опыте экспертов. В гражданском и арбитражном судопроизводстве судебная экспертиза также имеет свою специфику. Сходство судебной экспертизы в гражданском и арбитражном судопроизводстве:

Цель: получение объективных, достоверных и независимых заключений по вопросам, которые требуют специальных знаний в определенной области.

Инициация экспертизы: и в гражданском, и в арбитражном процессах судебная экспертиза может быть проведена по инициативе суда или по просьбе сторон. Эксперт может быть назначен судом или выбран сторонами в зависимости от своей компетенции.

Порядок проведения: судебная экспертиза в гражданском и арбитражном судопроизводстве проводится в соответствии с процедурой, предусмотренной законом. Эксперт оформляет свои выводы в виде заключения в установленной законом форме.

Заключение эксперта: в обоих судебных процессах заключение эксперта является доказательством и принимается судом во внимание при принятии решения. Однако суд не обязан следовать заключению эксперта, если есть веские основания считать его недостоверным или неполным. Суд может потребовать проведения дополнительной экспертизы или принять во внимание другие доказательства, представленные сторонами.

Обжалование результатов экспертизы: в гражданском и арбитражном судопроизводстве стороны имеют право обжаловать результаты судебной экспертизы, если они считают, что эксперт допустил ошибки или его заключение является предвзятым. В этом случае суд в праве назначить повторную экспертизу или принять во внимание другие доказательства [7].

Отличия судебной экспертизы в гражданском и арбитражном судопроизводстве:

Законодательная база: в России судебная экспертиза в гражданском и арбитражном судопроизводстве регулируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ГПК РФ) и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (АПК РФ РФ), соответственно. Некоторые положения об экспертизе также содержатся в Федеральном законе «О судебной экспертизе в Российской Федерации» [6].

Сфера применения: гражданский процесс регулирует негосударственные отношения между физическими и юридическими лицами, а арбитражный процесс занимается разрешением споров между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в экономической сфере.

Процедура назначения: в гражданском судопроизводстве судебная экспертиза назначается судом по инициативе сторон или судом в случае необходимо-

сти. В арбитражном процессе судебная экспертиза может быть назначена только по ходатайству сторон или по инициативе суда при наличии оснований.

Эксперты: в гражданском судопроизводстве эксперты назначаются судом из числа специалистов, обладающих соответствующими знаниями и опытом. В арбитражном процессе стороны могут договориться о выборе эксперта из числа признанных специалистов, обладающих определенным авторитетом и репутацией в своей области.

Ответственность эксперта: в гражданском судопроизводстве эксперт несет административную и уголовную ответственность за заведомо ложные заключения и прочие правонарушения. В арбитражном процессе эксперт также может нести административную и уголовную ответственность, но, кроме того, между сторонами и экспертом может быть предусмотрена договорная ответственность в соответствии с условиями соглашения об экспертизе.

Возможность повторной экспертизы: в гражданском судопроизводстве суд может назначить повторную экспертизу, если сочтет, что результаты экспертизы неверны или не полны. В арбитражном процессе суд также может назначить повторную экспертизу, но только в особых случаях, например, при нарушении порядка проведения, указанного в нормативных правовых актах.

На сегодняшний день одной из самых активно развивающихся является химическая экспертиза. Она часто назначается как в гражданском, так и в арбитражном процессе для определения составляющих того или иного вещества.

Сегодня очень активно развивается наука в области химических соединений, их проектирований, создания новых моделей и химических цепочек, а вместе с тем и судебно-химическая экспертиза, результаты которой используются для определения состояния вещества. С помощью исследований можно выявить все скрытые свойства любого вещества.

В настоящее время наиболее распространенными являются:

- экспертиза лакокрасочных покрытий и материалов, лакокрасочные материалы в чистом виде и в большинстве случаев предметы с окрашенной поверхностью;
- экспертиза металлов, их сплавов и изделий из них;
- экспертиза нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов;
- экспертиза изделий из стекла;
- экспертиза полимерных материалов, каучуков, пластмасс, резинотехнических изделий и изделий из указанного сырья;
- экспертиза химических продуктов, таких как косметика и парфюмерия;
- экспертиза жидкостей, содержащих алкоголь;
- исследование химического состава волокнистых материалов.

Химическая экспертиза может потребоваться в случаях, когда другим способом невозможно выяснить информацию, необходимую для верного и полного рассмотрения дела. Благодаря химическим исследованиям можно обнаружить яды или другие вредные вещества в бытовых и пищевых продуктах.

Помимо интенсивного развития химической экспертизы, на практике все чаще назначается и судебно-биологическая экспертиза, которая необходима для

определения причастности подозреваемых к преступлению. Например, в случаях изнасилования или убийства, ДНК-экспертиза может помочь установить наличие или отсутствие генетических следов подозреваемого на месте преступления.

В гражданско-правовых делах судебно-биологическая экспертиза может быть использована для решения различных вопросов. Например, при установлении отцовства экспертиза ДНК может помочь определить, есть ли генетический материал отца у ребенка. Это может быть важно для решения вопросов о наследовании или установления обязательств по содержанию.

Также судебно-биологическая экспертиза может применяться для определения пригодности продукта. Например, при подозрении в контаминации продукта, экспертиза может помочь установить наличие вредных веществ или микроорганизмов.

Но независимо от вида, частоты назначения и сферы применения экспертизы неправильное использование оборудования, незнание или несоблюдение экспертом методики проведения, а также возможность допущения неверной интерпретации результатов может повлечь за собой большое количество серьезных последствий: результаты могут быть искажены, неверно поняты, интерпретированы, вследствие чего наказание могут нести невинные люди.

Для этого необходимо, чтобы эксперт соблюдал все требования методики проведения экспертизы, правила обращения с оборудованием и т. д. Помимо этого, систематический контроль работы, проверка качества экспертиз и своевременное повышение квалификации также являются важными составляющими качественной экспертизы.

Поэтому для обеспечения надлежащей интерпретации результатов экспертизы важно иметь квалифицированных и опытных экспертов, которые обладают соответствующими знаниями и навыками в своей предметной области. Кроме того, проведение коллегиального анализа и контроля результатов экспертизы помогает минимизировать вероятность ошибок в интерпретации и обеспечить надежность и достоверность выводов.

Таким образом, судебная экспертиза в гражданском и арбитражном процессах занимает важное место для разрешения споров. Но в зависимости от сферы применения ее результатов, в каком, гражданском или арбитражном процессе ее результаты станут доказательствами, процесс назначения, круг лиц, выполняющих судебную экспертизу, имеет и свои особенности, подчеркивая тем самым характерные черты, цели и задачи как гражданского, так и арбитражного процесса.

Важной чертой самой судебной экспертизы является ее научная обоснованность и закрепление процесса получения верных выводов в методиках, которые необходимо соблюдать эксперту, научных разработках и обоснованиях, на которые необходимо опираться. И независимо того в каком суде экспертиза будет доказательством, важно понимать, что некачественно проведенная экспертиза, маленькая, едва заметная, но упущенная в ходе исследования частица, может привести к неверному доказательству и как следствие – наказание может понести невинный человек, чего абсолютно нельзя допускать, а значит нужно

следить за качеством проведения, за соблюдением требований и соблюдать процессуальные особенности экспертизы, так как от этого действительно многое зависит.

Список литературы

1. Гергов А. З. Судебная экспертиза в арбитражном процессе // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. 2019. С. 213–217.
2. Зубанова К. В. Судебная экспертиза как доказательство в гражданском процессе // Социосфера. 2021. С. 97–101.
3. Скобина Е. А. Значение химической экспертизы при расследовании // Инновации. Наука. Образование. 2021. С. 168–185.
4. Эшонова Н. Б. Некоторые вопросы проведения судебно-биологической экспертизы // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее, взгляд в будущее. 2021. С. 348–352.
5. Шамонова Т. Н. Подготовка судебно-биологической экспертизы тканей и выделений человека // Криминалист. 2009. С. 94–101.
6. Орлова М. А. Эксперт и некоторые вопросы о его экспертном заключении в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 437–439.
7. Лазуков М. А. Проблемы развития института судебной экспертизы в России // Студенческий. 2020. № 164. С. 58–60.

Баринов А. Г.¹,
*соискатель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Дерюгина Т. В.,
*профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РЕКЛАМЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В современной действительности реклама выступает как продукт массового потребления и одновременно без нее немыслимо продвижение на рынок коммерческих структур, товаров и услуг, формирование положительного имиджа и репутации компаний. Размещение рекламы в средствах массовой информации (далее – СМИ) является традиционным инструментом и каналом продвижения как компаний, так и материальных и нематериальных активов. При этом настоящее время характеризуется развитием не только СМИ, но и интернета, что напрямую влияет на развитие рекламы, в том числе возникновение новых отличительных признаков.

Действующее законодательство обеспечивает правовую регламентацию требований, предъявляемых к участникам, вступающим в рекламные правоотношения, предоставляет и гарантирует права потребителям рекламы, устанавливает ответственность за нарушения, допущенные при осуществлении рекламной деятельности.

Так, в 2022 г. совокупный объем рынка рекламной деятельности в сети Интернет достиг размера в 259 млрд рублей, что больше на 14 %, чем в 2021 г. и на 21 % больше, чем в 2020 г. В 2022 году по объему в денежном эквиваленте реклама в сети Интернет вышла на первое место в сравнении с рекламой на телевидении [2]. При этом динамика развития рекламы в сети Интернет указывает на то, что сложившаяся тенденция не только сохранится, но и будет увеличиваться. Данный факт приводит к тому, что возникает ряд вопросов, связанных с необходимостью совершенствования контроля за интернет-рекламой со стороны государства.

Исходя из положений Федерального закона № 38-ФЗ «О рекламе», под ненадлежащей рекламой понимается «реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации» [5]. При этом ненадлежащая реклама подразделяется на недостоверную, недобросовестную и рекламу запрещенных

¹ © Баринов А. Г., 2024.

товаров. За совершение правонарушений в сфере рекламной деятельности предусмотрена гражданская и административная ответственность, которая представлена рядом статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), такими как: ст. 14.3, ч. 4 ст. 14.3.1, 14.37–14.38, 19.31 [3].

Гражданско-правовая ответственность выражается в возмещении причиненных убытков или вреда. Она делится на договорную (например, при нарушении договора на изготовление и/или распространения рекламы) и деликтную, т. е. внедоговорную ответственность. Если договорная возникает между конкретными субъектами, связанными договором (рекламодателем, изготовителем рекламы, рекламораспространителем), то внедоговорная распространяется на широкий, неопределенный круг лиц. Она может затрагивать самых различных субъектов, к примеру, несовершеннолетних. Или наносить ущерб производителям конкретного товара.

Мерой гражданско-правовой ответственности, как правило, является возмещение убытков, то есть расходов, которые лицо, чье право было нарушено, должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Специальными мерами, применяемыми в сфере рекламы, являются возмещение убытков, компенсация морального вреда и контрреклама (публичное опровержение рекламы, признанной недостоверной).

Отметим тот факт, что лицу, обращаясь в суд с исками о возмещении убытков, необходимо представить доказательства, свидетельствующие о наличии конкретных отрицательных последствий от размещения спорной рекламы для своей экономической деятельности.

Что касается административной ответственности, важным обстоятельством является невозможность привлечения по всем статьям КоАП РФ за нарушения рекламного законодательства в сети Интернет. В данном случае возможно применение только ст. 14.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства о рекламе», что связано с официальной позицией Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее – ФАС РФ).

ФАС РФ выступает органом, осуществляющим от имени государства надзор за законностью рекламной деятельности, в том числе в сети Интернет. Основными направлениями ее деятельности являются:

- надзор за производством, размещением и распространением рекламы;
- предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы;
- защита от недобросовестной конкуренции в рекламной сфере;
- привлечение субъектов рекламной деятельности к административной ответственности за нарушение рекламного законодательства.

Юридическая ответственность как гражданско-правовая, так и административная, законодателем разграничена в зависимости от субъекта: ответственность производителя рекламы, рекламодателя и рекламораспространителя.

По нашему мнению, в сфере интернет-рекламы за допущенные нарушения подлежат гражданско-правовой ответственности так же и владелец информационного ресурса, на котором происходит размещение ненадлежащей рекламы.

Возможна и его административная ответственность. На практике к административной ответственности привлекается лицо, которое заключает договор с владельцем сайта на размещение рекламы, т. е. рекламодатель. Администратор доменного имени, т. е. владелец сайта, не признается рекламораспространителем, за исключением случаев, которые прямо прописаны в ФЗ «О рекламе».

Примером такого случая является решение Комиссии Кемеровского УФАС РФ по делу № 28/Р-2016 от 20.05.2016. Комиссией проведена проверка по заявлению о наличии признаков нарушений при распространении рекламы алкогольной продукции на сайте *moskidka.ru*. При проведении проверки установлены факты размещения рекламы алкоголя на указанном сайте, что противоречит п. 8 ч. 2 ст. 21 ФЗ «О рекламе», а именно запрету на размещение рекламы алкогольной продукции в сети Интернет. Администратором доменного имени *moskidka.ru* является «Субъект N», который был признан рекламораспространителем и привлечен к административной ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ [4].

С целью защиты и охраны потребителя от ненадлежащей рекламы важным является вопрос отличия администратора доменного имени (сайта), когда его следует признавать рекламораспространителем и когда он не привлекается к ответственности. Законодателем таких разграничений в законе не дается. Это вызывает необходимость более детально проработать механизм привлечения к ответственности субъектов правоотношений за нарушение рекламного законодательства в сети Интернет.

На это указывают представители ученого сообщества, так И. Акимова и Э. Гаспарян говорят о необходимости включения в ФЗ «О рекламе» отдельного раздела, посвященного особенностям распространения отдельных способов рекламы [1, с. 33].

Таким образом, для реализации целей государственного надзора за соблюдением законодательства в сфере рекламы законодателю необходимо установить особенность распространения рекламы в сети Интернет, а также закрепить специальные нормы, направленные на регулирование интернет-рекламы.

Список литературы

1. Акимова И., Гаспарян Э. Digital-реклама: запретить нельзя узаконить // Конкуренция и право. 2016. № 6. С. 30–34.
2. Исследование рынка рекламы в сети «Интернет» // PPC World. URL: <https://ppc.world/news/obem-rynka-internet-reklamy-v-2021-godu-vyros-na-12/>.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.02.2019) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
4. Решение Кемеровского УФАС России от 20 мая 2016 г. по делу № 28/Р-2016 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. № 51. 15.03.2006.

Белецкий Д. А.¹,
*преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Омской академии МВД России*

ОБ АВТОРСКОМ НАДЗОРЕ И СМЕЖНЫХ ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Невзирая на то, что авторский надзор получил широкое распространение в законодательстве, на сегодняшний день говорить о его научной проработанности не представляется возможным. Ученые-цивилисты обозначали данную проблему и писали о необходимости углубленного изучения данного института [1, с. 312]. Вместе с тем, данному вопросу и по сей день уделяется недостаточно внимания. Не углубляясь в причины недостаточной проработанности института авторского надзора, лишь обозначим одну из существующих на сегодняшний день проблем, решение которой, на наш взгляд, необходимо как для теории гражданского права, так и практики.

Так, остается неясным место договора об осуществлении авторского надзора в системе гражданско-правовых договоров, что позволяет судам применять при квалификации отношений нормы иных правовых конструкций. Ситуация усугубляется тем, что авторский надзор регламентируется довольно обширным перечнем нормативно-правовых актов различного уровня, которые не находятся в логической согласованности друг с другом.

В частности, в п. 2 ст. 1294 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) закреплено, что автор произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства имеет право на осуществление авторского надзора за процессом реализации его проекта [2]. Однако в нормах ГК РФ не содержится ответ на вопрос о том, на основании какого договора осуществляется авторский надзор и каков порядок его осуществления. Вместо этого в той же статье закреплено, что порядок осуществления авторского надзора устанавливается федеральным органом исполнительной власти по архитектуре и градостроительству.

В силу абз. 7 ст. 12 Федерального закона «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» также установлено право архитектора на осуществление авторского надзора за строительством архитектурного объекта [3]. Однако в данном законе также не содержится ответ на обозначенный нами вопрос.

Нормативные правовые акты подзаконного характера также не вносят ясности в обозначенный нами вопрос. В частности, в п. 6.1. «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» закреплено, что авторский надзор осуществляется на основании договора (контракта) [4]. Вместе с тем из текста данного Положения не ясно, на основании какого именно договора (контракта) должен осуществляться авторский надзор.

Письмо Министра России «По вопросу разграничений функций и определения затрат на осуществление строительного контроля и авторского надзора»

¹ © Белецкий Д. А., 2024.

содержит указание на то, что архитектор имеет право на основании договора осуществлять авторский надзор [5], однако вид договора при реализации его правомочия не указан.

В науке гражданского права также отсутствует единое мнение относительно того, на основании какого гражданско-правового договора осуществляется авторский надзор.

Так, М. Д. Воронина считает, что авторский надзор может осуществляться на основании договора строительного подряда [6, с. 37]. Г. Л. Знаменский предлагает включать авторский надзор в содержание договора на выполнение проектных и изыскательских работ [7, с. 10]. А. Н. Кайль полагает, что авторский надзор является одним из видов услуг, оказываемых автором проекта застройщику [8, с. 193]. О. Г. Ершов утверждает, что договор на осуществление авторского надзора в строительстве является самостоятельным договором в сфере интеллектуальных прав [1, с. 334].

Судебная практика также не выработала единообразного подхода к определению гражданско-правового договора, на основании которого осуществляется авторский надзор.

Так, некоторые суды при разрешении споров указывают, что к отношениям, возникшим по поводу осуществления авторского надзора, должны применяться нормы, регулирующие подрядные правоотношения [9]. Другие суды указывают, что авторский надзор осуществляется на основании договора возмездного оказания услуг [10–11]. Встречаются судебные акты, в которых суды, вовсе не вдаваясь в анализ правовой природы договора на осуществление авторского надзора, просто констатируют, что авторский надзор осуществляется на основании договора (контракта) [12].

Данные обстоятельства предопределяют необходимость научного осмысления договорной модели, заключаемой сторонами при осуществлении авторского надзора, и отделении его от иных, смежных, договорных конструкций.

Решение обозначенной нами проблемы имеет как теоретический, так и практический характер. В частности, если будет установлено, что договор авторского надзора осуществляется на основании какого-либо известного нашему законодательству договора, мы исключим применение к отношениям по осуществлению авторского надзора норм, относящихся к иным договорным конструкциям.

В случае, если будет установлено, что договор на осуществление авторского надзора является самостоятельным договором, который не известен нашему законодательству, это будет свидетельствовать о необходимости дальнейшего изучения данного института, в том числе определения его существенных условий.

Список литературы

1. Ершов О. Г. Договорные отношения в строительстве и их гражданско-правовая форма : монография. Омск : Омский государственный университет, 2012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Свод правил СП 246.1325800.2016 «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» утвержден Приказом Минстроя России от 19 февраля 2016 г. № 98/пр «Об утверждении свода правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Письмо Минстроя России от 15 октября 2020 г. № 41307-ИФ/09 «По вопросу разграничений функций и определения затрат на осуществление строительного контроля и авторского надзора» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Воронина М. Д. Права автора произведения архитектуры на авторский контроль и надзор // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2021. № 29.
7. Знаменский Г. Л. Ответственность по договору на выполнение проектных и изыскательских работ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986.
8. Кайль А. Н. Право и порядок осуществления авторского надзора при строительстве объектов недвижимости // Закон. 2007. № 12.
9. Решение Арбитражного суда Магаданской области от 15 июля 2020 г. по делу № А37-561/2020 // ГАС РФ «Правосудие».
10. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29 сентября 2020 г. № 06АП-4027/20 по делу А37-561/2020 // ГАС РФ «Правосудие».
11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 октября 2010 г. № 15300/08 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2021 г. № 09АП-29540/21 по делу № А40-214029/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

Богачева К. С.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Гвозденко А. С.²,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса*

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В настоящее время востребованными становятся способы идентификации лиц на основании присущих им физиологических или психологических характеристик. В связи с этим актуализируются вопросы четкого правового регулирования применения технологий биометрической идентификации, которая представляет собой способ распознавания человека по индивидуальным физическим или психологическим признакам [8]. Суть биометрической идентификации состоит в том, что искусственный интеллект при первоначальном входе считывает образ пользователя и при последующем входе сопоставляет характеристики данного человека с уже имеющимся образом благодаря программно-техническим средствам. Под характеристиками автор понимает черты лица, папиллярные узоры пальцев, радужку глаза, голос и иные данные как физические, так и психологические характеристики, которые позволяют отличить одного пользователя от другого. По мнению автора, первая проблема, с которой сталкивается правоприменитель в рассматриваемой сфере, является отсутствие закрытого перечня той информации, которую следует относить к персональным данным. Такой пробел имеет негативные последствия, так как без формально закреплённого перечня правоприменитель имеет возможность отнести любую информацию к такому виду данных, что влечет за собой необоснованно расширительное толкование закона.

Стоит отметить, что биометрия приобрела широкое распространение во время пандемии. В частности, она стала использоваться в трудовых правоотношениях, в области науки и образования, поскольку многие компании признали преимущества и значимость системы контроля и управления данными. Такие преимущества проявлялись в обеспечении гигиены, возможности бесконтактного осуществления контроля, а главное, в скорости его прохождения, что

¹ © Богачева К. С., 2024.

² © Гвозденко А. С., 2024.

имело особое значение в то время. После этого в деятельности многих служб стали использоваться и бесконтактные термометры, которые позволяли в считанные секунды измерить температуру тела человека и другие устройства. Таким образом, данный период стал мощным толчком для развития дистанционных каналов и сервисов, обрабатывающих биометрические данные. В настоящее время тенденция использования средств биометрической идентификации продолжается: различные средства используются в школах, высших учебных заведениях преимущественно в целях обеспечения безопасности пребывающих там лиц. В частности, в детских садах используются индивидуальные карточки, которые позволяют идентифицировать родителей и отличить их от посторонних для учреждения лиц.

Одной из важнейших причин внедрения биометрии в общественные отношения стало активное развитие цифровых и мобильных технологий, среди которых особо популярны: онлайн-банки, отпечатки пальцев для разблокировки приложений и мобильных устройств, запись голосовых сообщений, *Face-ID*, «Умный город». Подобная *Face-ID* технология находит свое применение и в оперативно-разыскных мероприятиях. Так, отечественная технология *FindFace* от *NtechLab* занимает преимущественное положение среди других разработок [7, с. 356–358]. Способность распознавать лица за долю секунды и сравнивать с данными, находящимися в базе, которая насчитывает полтора миллиарда лиц, несомненно, является прогрессивной разработкой экспертов в сфере нейронных сетей и информационных технологий. Поддержали данную систему такие транснациональные компании как *Microsoft* и *Nvidia*. Таким образом, была разработана программа *FacePay*, которая занимается идентификацией человека при больших скоплениях людей, чьи данные присутствуют в базе. Благодаря чему в период от 3 до 5 секунд система уведомляет органы власти о местоположении того или иного гражданина, который находится в розыске, что достаточно облегчает поиск данных лиц. В Российской Федерации также используется похожая система, которая называется «Сфера» и работает в метро Москвы с сентября 2020 г. В ней формируется биометрический портрет. Технология преобразовывает изображение лица пассажира, который прошел через турникет, в уникальный биометрический ключ-вектор. Если человек находится в розыске, система незамедлительно оповещает полицию [9].

Таким образом, можно прийти к промежуточному выводу о том, что, с одной стороны данная система является довольно удобным и быстрым инструментом, позволяющим устанавливать место нахождения лиц, совершивших антиобщественные деяния и скрывающихся от органов власти, с другой – приводит к контролю государства за жизнью граждан.

Несмотря на явные преимущества применения использования средств биометрической идентификации, существуют и недостатки, к числу которых относятся риски, связанные с защитой персональных данных. К числу таких рисков относится, в первую очередь, уязвимость «облачных» хранений, несанкционированный доступ к которым может повлечь незаконное использование или распространение информации о физических лицах. Для недопущения таких рисков один из немецких банков ввел систему распознавания речи, которая запуска-

лась в начале заполнения формы по онлайн-платежу [6]. Сама запись хранится в системе банка зашифрованной, ключ от которой находится у самого пользователя. По мнению автора, шифрование в данном случае является одним из самых надежных способов защиты информации.

Ввиду того, что применение биометрических данных напрямую связано с конституционными правами граждан, то осуществление последних в полном объеме напрямую зависит от степени полноты правового регулирования первых. По нашему мнению, в условиях активного использования средств биометрической идентификации законодательство должно содержать некие уточнения, согласно которым правоприменитель мог бы отнести ту или иную информацию к персональным и биометрическим данным [5]. На данный момент законодательство Российской Федерации содержит ряд понятий, но ни одно из них в полной мере не раскрывают их содержания. Так, в Федеральном законе «О защите персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) говорится о том, что биометрические данные характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность и которые используются оператором персональных данных для установления личности субъекта [1]. Однако понятие «биометрические данные» в данном случае используется в общем виде. Представляется, что эффективность правоприменительной практики может быть достигнута только при установлении перечня биометрических данных на законодательном уровне. Такой подход позволит учесть как интересы пользователя, так и оператора персональных данных.

Вместе с тем автором выявлены и более существенные недоработки данной области. Так, в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» указано, что органы государства, реализуя свои полномочия по обработке данных, должны действовать в определенных законом рамках [3]. Такое дополнение к общему правилу свидетельствует о том, что государство в некоторых случаях может беспрепятственно обрабатывать персональные данные граждан. Таким образом, должны предусматриваться гарантии безопасности обработки такой информации [6]. По мнению автора, биометрические данные могут обрабатываться без соответствующего разрешения только при соблюдении некоторых правил: конфиденциальность устройства, с которого происходит обработка данных; наличие права выбора у лица – объекта обработки, между биометрической идентификацией или иным способом своей идентификации; биометрические данные должны храниться в недоступной для передачи среде; должны быть зашифрованы с применением ключей.

Далее следует отметить, что разработчик не отвечает за обработку биометрических данных в системе, но обязан обеспечить ее безопасность. Например, выявить и проверить ложные попытки входа лиц; устойчивость системы к подмене, а именно фальсификации. Для корректного массового применения данных правил необходимо рассмотреть вопрос о создании определенной организации, которая бы решила упущение данных проблем, касающихся безопасной обработки биометрических данных каждого гражданина. Данная организация

должна создаваться силовыми ведомствами по решению задач, связанных с конфиденциальностью личной информации граждан.

Еще одной проблемой использования системы биометрической идентификации являются ограничения, с которыми лицо может столкнуться при получении различных травм. В первую очередь, это касается травмы руки, когда система может не пропустить пользователя по отпечатку пальца той руки, которая в конкретный момент находится в гипсе. Одновременно с этой проблемой появляется и иная – степень надежности самой системы безопасности. Зачастую для преодоления системы безопасности в обход биометрии (в данном случае при получении травмы руки), достаточно знать пин-код, служащий способом защиты данных.

В настоящее время в России рассматриваемая сфера общественных отношений регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который разъясняет основные вопросы данной области. Вместе с тем сохраняется проблема отсутствия четких критериев, категорий и правил обработки информации несколькими операторами как государственными, так и частными, о которых говорилось ранее.

Подводя итоги, можно сказать следующее: во-первых, Закон о персональных данных требует существенной доработки в части определения биометрических данных и их защиты. Для решения обозначенной проблемы автор предлагает принять следующие меры:

1. Следует создать единую законодательную базу, которая будет включать все перечни недостающей информации (относящейся к персональным и биометрическим данным).
2. Разработать четкие правила обработки информации, закрепить ответственность за нарушение данных требований; создать нормативную базу, которая будет касаться вопросов применения норм определенной области.
3. Обеспечить конфиденциальность устройства, с которого происходит обработка данных.
4. Разрешить возможность права выбора между биометрической идентификацией и иными способами идентификации.
5. Обеспечить хранение биометрических данных в недоступной для передачи среде; шифрование данных с применением ключей.

Практика показывает, что именно недоработки законодательства в данной области приводит к огромному количеству факторов риска нарушения их целостности и хищения [4].

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Коновалов С. М. Обеспечение безопасности биометрических персональных данных на законодательном уровне, общие принципы и Российская практика // Вестник науки. 2023. № 6 (63).
6. Платонова Н. И. Современный подход к пониманию персональных данных // Право и современные государства. 2017. № 5. С. 9–16.
7. Рассолов И. М., Чубукова С. Г., Микурова И. В. Биометрия в контексте персональных данных и генетической информации: правовые проблемы // Lex Russica. 2019. № 1 (146).
8. Федорова И. А., Магомедова Н. А. Перспективы использования технологий Face ID для идентификации человека в аспекте проведения оперативно-розыскных мероприятий // Молодой ученый. 2023. № 21 (468).
9. Чурилин Г. Н., Максимова Е. А. Биометрия в информационной безопасности // NBI-technologies. 2019. № 4.
10. Лискутов М.С. Российская газета // РБК. URL: www.rbc.ru.

Булыжкин Д. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Как известно, сфера гражданско-правового регулирования крайне обширна и многообразна. Статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) устанавливает, что для признания отношений гражданско-правовыми, они, в первую очередь должны основываться на принципах равноправия, автономии и имущественной самостоятельности их участников [1]. Следовательно, последние должны обладать признаком отсутствия власти-подчинения по отношению друг к другу. В соответствии с действующим законодательством участниками отношений, регулируемых гражданским правом, кроме физических и юридических лиц, могут быть государство и другие публично-правовые образования (что прямо закреплено в п. 1 ст. 124 ГК РФ). Это, в свою очередь, вступает в некоторое противоречие с закрепленным выше положением.

Опыт российского и многих иностранных государств показывает, что обозначенный особый участник правовых отношений не может обеспечивать себя лишь посредством административного ресурса. Например, государству необходимо заключать гражданско-правовые договоры для реализации механизма решения внутриполитических и внешнеполитических вопросов и проблем, но зачастую не всегда этого можно добиться путем использования государственных ресурсов. Тогда возникает необходимость привлечения внебюджетных источников, которыми и являются различные юридические лица – главные участники рыночных отношений.

Выходит, что государство является специфическим субъектом гражданского права и его особое положение обусловлено наличием двух аспектов [7, с. 84]. С одной стороны, государство – это особый субъект гражданских правоотношений, который отличается от уже прочно закрепившихся – физических и юридических лиц. Объясняется это тем, что природа его участия весьма двойственна: государство обеспечивает правовые отношения с точки зрения законодателя, разрабатывая и принимая правовые нормы, регулирующие ту или иную область общественных отношений. В данном случае мы можем говорить о влиянии государства на гражданские отношения как главного регулятора обще-

¹ © Булыжкин Д. А., 2024.

ственных отношений, контролирующего надлежащий оборот товаров и услуг. В этом состоит одна из основных внутренних функций государства – разрабатывать и поддерживать исполнение законодательства.

С другой стороны, публично-правовые образования в лице различных государственных органов могут выступать и непосредственными участниками частных правоотношений. Как отмечает профессор Е. А. Суханов «...но в действительности – то государство может, а иногда просто обязано непосредственно участвовать в гражданско-правовых отношениях наряду с другими субъектами гражданского права (и даже по возможности на равных началах с ними, следуя экономико-правовой природе соответствующих имущественных отношений). Поэтому свое участие в гражданском обороте государство «маскирует» специальной терминологией, объявляя себя то «казной» (фиском), то «юридическим лицом публичного права», хотя в современной зарубежной литературе прямо говорится о том, что «казной называется государство как субъект частного права». В свою очередь, это наводит на мысль, что в настоящее время участие государства в гражданских правоотношениях еще не имеет наиболее корректного понятия, которое бы отражало сущность участия государственных органов от имени государства.

В качестве примера можно обратиться к любому территориальному (региональному) органу МВД России как государственному учреждению и представителю государственной власти. Оно выполняет свои функции в соответствии с волей законодателя и разрабатываемых им правовых норм. Одновременно с этим он является юридическим лицом, имеет право на участие в гражданском обороте. Территориальному органу МВД России требуется форма для обеспечения деятельности сотрудников, различные специальные и технические средства, автотранспортные средства и средства индивидуальной защиты, оплата коммунальных услуг и другое исходя из публичного характера деятельности, которой он занимается. И тут возникает вопрос: как обеспечить свои потребности подобным имуществом? Смысл заключается в том, что упомянутый ранее территориальный (региональный) орган МВД России, истинно, является государственным учреждением и «частичкой государства», но в силу того, что признается отдельным юридическим лицом и выражает свои интересы на рынке, то и в качестве участника гражданских отношений вполне обоснованно выступает на фоне остальных юридических лиц, не представляющих интересы власти в нашей стране. Получается, что государство принимает опосредованное участие в гражданских правоотношениях с помощью юридических лиц, которые приобретают права и несут обязанности не только в своих интересах, но и в интересах государства [4, с. 74].

Подводя итог нашим рассуждениям, можно выделить следующие выводы.

Государство на протяжении своей многовековой истории выступало, выступает и будет выступать участником гражданских отношений, пусть в немного неоднозначной, особой, присущей публично-правовому образованию форме.

Как правило, Российская Федерация участвует в гражданском обороте посредством органов исполнительной власти, к которым относятся Правительство, министерства и ведомства. Законодатель в вышеуказанных правоотноше-

ниях может выступать их регулятором через нормативные правовые акты, разрабатываемые и принимаемые им же. Вместе с тем государство может выступать как непосредственный участник гражданского оборота, создавая различного рода публичные юридические лица. В данном случае можно сказать, что регулирование правоотношений будет распространяться и на эти юридические лица. То есть государство не может быть участником этих отношений в качестве регулирующего звена – оно находится в этой ситуации на ином уровне, нежели другие лица, в качестве которых выступают созданные им же лица.

На государство, как на любой другой субъект гражданских правоотношений, в полной мере распространяются нормы гражданского законодательства, в том числе требования по обеспечению равенства сторон. Однако отсутствие в настоящее время разработанного понятия гражданской правоспособности государства, четкого перечня конкретных органов (субъектов), выступающих от лица государства в гражданских правоотношениях и, соответственно, отвечающих от лица государства по его обязательствам, делает невозможным создание понятного и действенного механизма правового регулирования института участия государства в гражданско-правовых отношениях и тем более осуществления механизма гражданско-правовой ответственности государства [2, с. 91].

Список литературы

1. Бабаков В. А. Участие государства в гражданских правоотношениях // Ученые записки казанского университета: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 6. С. 90–97.
2. Барышев В. А. Участие государства в гражданских правоотношениях: историко-правовой аспект // Право.by. 2015. № 3 (35). С. 88–93.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Жерелина О. Н., Цокур Е. Ф. Участие государства в гражданских правоотношениях // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 72–75.
5. Мавлиханова Р. В. Формы участия государства в гражданских правовых отношениях // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий: материалы IV международной научно-практической конференции, Донецк, 3–4 июня 2020 г. Донецк : Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, 2020. С. 98–100.
6. Намаев Т. Ф. Участие публично-правовых образований в гражданско-правовых отношениях // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 97–99.
7. Рашидова З. А. Государство как участник гражданско-правовых отношений // Закон и право. 2019. № 2. С. 84–85.
8. Садриева Р. Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 5 (54). С. 69–74.

Быкова С. П.¹,

аспирант Юго-западного государственного университета

Научный руководитель:

Богдан В. В.,

заведующая кафедрой гражданского права

Юго-западного государственного университета,

доктор юридических наук, доцент

КОМАНДА СТАРТАПА И КОММЕРЧЕСКАЯ ТАЙНА. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Инновационная идея для стартапов – это ключевой актив, ее стремятся защитить от конкурентов различными способами. В связи с тем, что бизнес-модель стартапа основана на уникальной и новаторской идее, утечка такой информации может привести не только к финансовым потерям, но к прекращению существования молодой компании.

При, казалось бы, повышенной важности идеи участникам стартапа приходится регулярно ее раскрывать как внутри стартапа (перед командой и новыми сооснователями); так и вовне (инвесторы, контрагенты: подрядчики, заказчики). Если с последней группой можно выстроить относительно понятные отношения при взаимодействии с помощью гражданско-правовых договоров и режима коммерческой тайны, то с первой группой ситуация гораздо сложнее.

Д. Г. Маркова первым и главным источником информации в компании называет именно сотрудников, связывая это с человеческим фактором, при котором разглашение потенциально важной информации для стартапа может произойти как умышленно, так и по неосторожности [2]. Именно поэтому для возможности правовой защиты от неблагоприятных последствий, а также с целью предупреждения противоправных действий необходима четкая и понятная система защиты ценной для стартапа информации.

В связи с этим особый интерес представляет режим коммерческой тайны (далее – КТ). В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне) это – режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [7].

Информация составляет коммерческую тайну, если это научно-техническая, технологическая, производственная, финансово-экономическая или иная информация (в том числе составляющая секреты производства (ноу-хау)), которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны.

¹ © Быкова С. П., 2024.

На основании ст. 3 Закона о коммерческой тайне можно выделить три признака, которые определяют, является ли информация к такой. Во-первых, информация должна иметь реальную или потенциальную коммерческую ценность, так как третьи лица не могут получить к ней доступ; во-вторых, информация должна быть защищена и недоступна для свободного распространения; в-третьих, владелец информации должен принимать меры для ее конфиденциальности.

Существует еще ряд признаков, выделяемых в теории права относительно режима коммерческой тайны:

1. Коммерческая тайна получает свой статус после одностороннего объявления, то есть, когда обладатель данной информации сообщает о ее секретности. Организация, являющаяся обладателем коммерческой тайны, самостоятельно определяет объем информации и круг лиц, которым предоставляется доступ к этой тайне [4].

2. Основная цель объявления коммерческой тайны – обеспечить секретность информации. Обладатель сведений обязан принимать меры по защите коммерческой тайны от несанкционированного доступа. Это означает, что только уполномоченное лицо (обладатель сведений) имеет право доступа к информации, составляющей коммерческую тайну.

3. Охрана коммерческой тайны обусловлена ее действительной или потенциальной коммерческой ценностью, т. е. эта информация важна для организации, и ее разглашение может нанести ущерб ее бизнесу или конкурентности на рынке. Обладатель тайны также имеет финансовую заинтересованность в ее охране, так как ее утечка или использование без разрешения может привести к значительным убыткам [1].

Согласно ст. 10 Закона о коммерческой тайне для введения в стартапе режима КТ необходим ряд условий:

- определение перечня информации, составляющей КТ, и сроков ее действия;
- разработка порядка доступа участников стартапа и других лиц к КТ, с определением обязанностей, а также ответственности этих лиц за разглашение тайны, утрату документов;
- разработка порядка работы с документами с грифом «Коммерческая тайна»;
- обеспечение сохранности этих документов.

Указанные требования к режиму КТ обуславливают необходимость выстраивания системы по защите коммерческой тайны, которая состоит из: обязательной оговорки в трудовом договоре об обязанности соблюдать режим коммерческой тайны и не разглашать любую конфиденциальную информацию; в соглашении о неразглашении, в ознакомлении с локальными нормативными актами о коммерческой тайне в компании, с объемом такой информации. Документальное оформление допуска сотрудника к коммерческой тайне обеспечивается ознакомлением под роспись с установленным работодателем режимом коммерческой тайны и с мерами ответственности за его нарушение, которые отражены в локальном нормативном акте.

Кроме того, каждый факт разглашения коммерческой тайны должен быть зафиксирован, проведена работа по общему правилу, установленному трудовым законодательством в случаях нарушения трудовых обязанностей сотрудниками.

Необходимость в проведении подобных действий подтверждается соответствующей судебной практикой. Можно разделить на несколько групп ошибки, которые допускают собственники бизнеса, когда идут в суд в надежде защитить коммерческую тайну от посягающих на нее сотрудников.

Отсутствие введенного или введенного ненадлежащим образом режима коммерческой тайны. Так, по делу № 2-1809/2020 суд отказал в иске о возмещении убытков компании, чью бизнес-модель использовала бывшая сотрудница. Девушка открыла ИП и осуществляла аналогичную с бывшим работодателем предпринимательскую деятельность. Истец не смог доказать наличие фактов введенного режима КТ, а главное, доведение его до сотрудника.

Как справедливо отмечает Т. А. Сошникова, возможность привлекать к ответственности виновных работников обусловлена необходимостью соблюдения формальностей, в частности, проставления на материальных носителях информации грифа «коммерческая тайна» с указанием ее обладателя, поскольку отсутствие такого грифа будет истолковываться судом как отсутствие и самой коммерческой тайны [5].

Представление ненадлежащих доказательств. Ярким примером служит дело № 2-7386/2020, компания обратилась в суд за взысканием с работника материального ущерба, связанного, в том числе, с разглашением коммерческой тайны. Сотрудница переманивала клиентов клиники на свое новое место работы. Суд отказал в иске, обосновав это непредставлением надлежащих доказательств, в деле были представлены объяснения свидетелей, из которых нельзя было установить обстоятельства, на которые ссылался истец.

На информацию, которая не относится к коммерческой тайне, не может быть распространен режим КТ. По делу № 2-286/2020 сотрудница была уволена за разглашение коммерческой тайны, вследствие чего, она обратилась в суд и отменила увольнение, доказав, что информация, которую она распространила, была общеизвестной.

При отнесении той или иной информации к коммерческой тайне необходимо учитывать сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну, отраженные в ст. 5 Закона о коммерческой тайне.

Отсутствие фиксации нарушения. По делу № 2-10577/2017 суд отказал в исковых требованиях компании признании незаконными действий по разглашению сведений, составляющих коммерческую тайну, возложении запрета не разглашать информацию, взыскании убытков к бывшей сотруднице за использование клиентской базы. Поскольку никак не было зафиксировано, что ответчица при выполнении трудовых обязанностей воспользовалась конфиденциальными сведениями.

Кроме того, суд сделал акцент на то, что, согласно ст. 238 Трудового кодекса Российской Федерации работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб [6]. Неполученные доходы (упу-

щенная выгода) взысканию с работника не подлежат. Пределы материальной ответственности работника установлены ст. 241 Трудового кодекса Российской Федерации – размерами его среднего месячного заработка, если иное не предусмотрено указанным Кодексом или иными федеральными законами.

По этому поводу спустя два года в Обзоре практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 декабря 2018 г.) было отмечено, при полной материальной ответственности работника (которая, в том числе, предполагается за разглашение сведений относящихся к коммерческой тайне) бремя доказывания наличия совокупности обстоятельств возложено на работодателя, который до принятия решения о возмещении ущерба конкретным работником обязан провести проверку с обязательным истребованием от работника письменного объяснения [3].

На основании вышеприведенных норм и судебной практики можно сделать вывод о том, что коммерческую тайну стартапа возможно защитить, соблюдая все требования, установленные не только Законом о коммерческой тайне, но и Трудовым кодексом Российской Федерации. При несоблюдении режима КТ в суде практически невозможно будет доказать разглашение информации, а тем более рассчитывать на возмещение убытков, связанных с таким разглашением.

Список литературы

1. Банковская и налоговая тайна в системе правовых режимов информации с ограниченным доступом // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 60–69.
2. Маркова Д. Г. Человеческий фактор в информационной безопасности // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2018. № 10. С. 149–152.
3. Обзор практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 декабря 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
4. Северин Р. В. Формирование механизма защиты прав на коммерческую тайну // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 11.
5. Сошникова Т. А. Проблемы привлечения к материальной ответственности работника за разглашение коммерческой тайны // Образование и право. 2022. № 6. С. 394–400.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне» // СПС «КонсультантПлюс».

Васильев М. М.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

Тема «Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии» остается весьма актуальной, поскольку с развитием технологий и ростом игровой индустрии возникают новые вопросы о защите авторских прав, патентов и товарных знаков в этом контексте. Судебные исключения, связанные с виртуальными мирами и контентом, также требуют внимания со стороны законодателей. Исследование правового регулирования интеллектуальной собственности в игровой индустрии обретает еще больший вес в контексте глобального роста электронного спорта, расширения виртуальной реальности и использования искусственного интеллекта в играх, что подчеркивает необходимость современной и адаптивной правовой рамки.

Интеллектуальная собственность в нашем мире имеет огромное значение. Прежде всего, оценивается сам «вес» интеллектуальной собственности, а именно, какую она может иметь себестоимость относительно внутреннего и внешнего рынка. Интеллектуальная собственность – это личные неимущественные права собственника на результат своей творческой и не творческой деятельности в реальном и виртуальном или же, если говорить другими словами, цифровом сообществе. Под цифровым сообществом автор имеет ввиду трансформированную под аутентичное настоящее время дополнительную реальность, которая сгенерирована с помощью человека и технических устройств, передатчиков, сигналов и цифровых кодов. «Дополненная реальность» содержит в себе несколько направлений своего развития, различающихся по способу и критерию применения.

Современное государство регулирует почти все области нашей жизни. Если раньше до цифровой индустрии правовые нормы не доходили из-за технической невозможности специальной аппаратуры, то в наше время, даже если конкретно рассматривать 2023 г., такие возможности имеются. Государство активно вводит в законодательную базу нормы, имеющие возможность привлечь человека к ответственности за обман или мошенничество в сети Интернет, в различных популярных мессенджерах по типу *Telegram*, *VK* и др. К данному

¹ © Васильев М. М., 2024.

списку постепенно прибавляются и объекты интеллектуальной собственности, о которых мы с вами поговорим далее.

Тем не менее, в данной статье автор предлагает рассмотреть интеллектуальную собственность в цифровой среде, а если быть точнее в игровой индустрии. Игровая индустрия сама по себе довольно сложная система, которую и без всего вышеперечисленного сложно контролировать, особенно на государственном уровне. Интеллектуальная собственность – это полноценное право на существование итога длительного труда разработчиков игр, как у художника есть право выставлять картину в продажу или на выставку в галерею.

Далее рассмотрим вопрос собственности разработчиков, а именно их право на владение и пользование своей идеей. Данное право заключается в том, что само авторское право играет ключевую роль, защищая такие элементы, как сценарий, музыка и графика. Компания обязана соблюдать правила пользования иными ресурсами (игровой движок, стилистика графики, ее обтекаемость в самой игре и т. д.), чтобы избежать нарушения прав иных разработчиков, что может также привести к судебным разбирательствам и штрафам. Интеллектуальная собственность включает в себя определенные патенты на право владения технологиями создания игр, в том числе и товарные знаки, защищающие бренды и названия продуктов [1].

Например, в США, *Digital Millennium Copyright Act (DMCA)* запрещает обход защиты в виде копирования в видеоиграх. В Европе – это «Директива об авторских правах» в цифровом рынке вводит новые нормы для платформ и дает им свод по обязательствам, в которых указано и прописано ужесточить контроль за нарушениями авторских прав [2].

Тем не менее интеллектуальная собственность в игровой индустрии поднимает и сложные вопросы. Например, как балансировать права создателей и интересы сообщества, создающего модификации и контент для игр? Как защищать от «клонирования» успешных игр, не подавляя инновации?

Ответы на данные вопросы вы не найдете практически нигде, ведь даже при условии создания новых технологий отслеживания и блокирования ресурсов и даже полноценных проектов по играм закон может не всегда всецело повлиять на возможные случаи незаконного заимствования тех или иных механик, а именно, как такового плагиата. Такие вопросы подчеркивают необходимость постоянного обновления и адаптации законодательства к быстроменяющимся тенденциям в игровой индустрии. Защита интеллектуальной собственности содействует стимулированию инноваций, но также требует баланса между правами правообладателей и общественными интересами.

Для огласки различных ситуаций, происходящих в «мире игр», разработчики и менеджеры целых корпораций за рубежом изначально принимают тактику «ораторства» и призывают общественность к помощи через социальные сети, мессенджеры и порой даже желтую прессу [3]. Такой ход порой даже хорошо сказывается на имидже самой компании, так как она, как «настоящий благодетель», не подала иск в суд и призвала к справедливости и порядку. Но порой ситуация может не зависеть от самих разработчиков, так как в данном процессе они никакого участия не принимают. Активную долю данных разбирательств

берут на себя именно спонсоры и люди, которые представляют игру и ее механики свету. Таким образом, в данном вопросе чаще всего будет прав тот, кто «первый закинул удочку» в сознание общественности, так как порой обвинения в плагиате или незаконном заимствовании персонажей, механик и так далее, может оказаться вполне ложным и сделано лишь для поднятия ажиотажа и грамотного пиар-хода, что также существенно повлияет на продажи той или иной игры [4].

Давайте разберемся, что вообще такое видеоигра, и из каких компонентов она состоит. Итак, видеоигра – это, прежде всего, сложная система и произведение, которое представляет собою компиляцию всех известных нам объектов авторского права. Сложность процесса заключается в объединении сразу нескольких важных факторов, которые призваны развлекать и не давать заскучать игроку [5]. Очень важным для успешности игрового проекта является уровень программного кода, на котором строится, по сути, вся игра; литературные произведения, под которыми можно понять описание заданий внутри самой игры и сам сценарий; музыкальная составляющая, иными словами, саундтреки; дизайнерское и визуальное оформление.

Все вышеперечисленные объекты авторского права составляют сердцевину игры, которую предстоит опробовать обычным пользователям. В продолжение мысли хочется отметить, что герои видеоигр также являются авторским правом, но если какой-либо персонаж, его характер или даже внешность имеет сходство с кем-либо в реальном или виртуальном мире (например, похожий персонаж из другой игры, но уже запатентованным другой компанией), то это будет являться веским основанием подать в суд на компанию, которая, по сути, нелегально скопировала себе в проект чужую творческую идею и пытается заработать тем самым на чужом успехе. В данном случае в США есть практически идентичный российскому «Закон об авторском праве», где также имеется целый раздел об исключительном праве и о способах и сроках его защиты при жизни автора [6]. В данном случае право на владение сохраняется, что в Российской Федерации, что в Соединенных Штатах Америки одинаковое количество времени – всю жизнь автора и 70 лет после его смерти [7].

В подтверждение своим мыслям, которые были отражены ранее, необходимо привести ряд примеров явного плагиата, который не всегда разрешался позитивным и справедливым решением для пострадавшей стороны.

Первым в пример хочется привести поистине легендарный проект от компании *Nintendo* под названием *Donkey*, которая была создана на рубеже 1970–1980 гг. Данную игру копировали и перепродавали множество тысяч и миллионов раз, что привело к огромному количеству низкокачественного переделанных копий, что привело к крушению рынка видеоигр в 1983 г. В то время разорилось очень много мелких и крупных компаний, а также было уволено большое количество сотрудников из самой компании *Nintendo* за проступок, отославший компанию к краху продаж и практически к разорению. С тех пор крупные и даже мелкие компании стали задумываться о своей защищенности не только в медиапространстве, но и фактическом, т. е., по сути, подтвержденном законодательством [1]. И уже в 1983 г. *Nintendo* выпустила приставку

Entertainment System, которая предотвращала использование игр от неофициальных разработчиков, что создало небывалый в то время тренд на покупку именно лицензированных (т. е. официальных) копий игр и не только.

Далее рассмотрим пример из нашего времени, а именно, уже из XXI в. В 2010 г. индустрия продолжила упорядочиваться и укрупняться, и разбирательства о плагиате среди разработчиков развлекательного контента стали происходить реже, но все же споры о принадлежности той или иной технологии, персонажа или механики в играх продолжили существовать на общей основе. Так, с плагиата начинается история одной из самых общеизвестных игр современности – *Dota 2*, вышедшей в 2013 г. [1].

Изначально первая часть – *Dota* была создана на основе редактора карт для игры *Warcraft 3*, от компании *Blizzard*, и сама по себе представляла собой одну из карт, которые пользователи могли выбрать сами в меню игры. В 2009 г. же компания *Valve* наняла разработчика карты *Dota* для работы над новым проектом, который по истечении сроков разработки стал называться *Dota 2*. По сути, это была перезапуск *Dota*, но на этот раз в качестве самостоятельной игры – и у другой компании.

По этому поводу велись долгие и многочисленные судебные заседания, в которых *Valve* приходилось доказывать, что авторское право на саму карту, а значит, и на ее название, может быть только у разработчика, который уже числился на тот момент в штате сотрудников компании *Valve*. Таким образом, суд был выигран, и игра *Dota 2* все же вышла в свет на радость всем юным геймерам.

Подводя итог и резюмируя указанное выше, необходимо сделать следующие выводы:

1. Игровая индустрия существует совершенно по идентичным правилам, что и любая другая, просто сами судебные разбирательства будут отличаться способами предоставления доказательств, например, суд может проверять патент на владение лицензионных товарных знаков через программный код, предоставляемый работниками компании, выступающей в свою защиту [8].

2. Правовое регулирование интеллектуальной собственности в игровой индустрии играет ключевую роль в защите творческих трудов разработчиков. Авторские права, патенты и товарные знаки обеспечивают стимул к инновациям, но также поднимают вопросы о балансе между защитой прав и стимулированием конкуренции. Необходимо стремиться к гибкости в законодательстве, чтобы способствовать развитию индустрии, сохраняя справедливость и стимулируя новаторство.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Как закон защищает компьютерные игры от плагиата: разбор кейсов и мнения юристов. Часть первая // Сайт «Habr.com». URL: <https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/712338/>.

3. Игровая индустрия: Gamedave // Сайт Высшей школы экономики. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/igrovaya-industriya-geymdev/>.
4. Индустрия компьютерных игр // Онлайн-словарь «Академик». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1378276>.
5. The Daily Telefrag // Онлайн-словарь «Академик». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/.ru>.
6. Компьютерные игры и их последствия // URL: comp.games.development.industry.
7. Международное развитие игровой индустрии // URL: InternationalGameDevelopersAssociationPlayingtheGame:TheEconomicsoftheComputerndustry.
8. Источники права интеллектуальной собственности // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/edu/center/training/ip/theme1/>.

Вельянинова М. Т.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА СУРРОГАТНЫХ МАТЕРЕЙ: АНАЛИЗ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЖЕНЩИН, УЧАСТВУЮЩИХ В СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

В современном обществе суррогатное материнство является важным и актуальным аспектом биомедицинской этики и права. Рост числа пар, столкнувшихся с проблемой бесплодия и стремящихся обрести счастье родительства с помощью суррогатного материнства, подчеркивает необходимость глубокого анализа этических проблем, связанных с участием женщин в этом процессе. Актуальность темы обусловлена также разнообразием законодательных подходов к суррогатному материнству в разных странах, что требует тщательного рассмотрения прав и обязанностей суррогатных матерей с точки зрения соблюдения баланса интересов всех участников этого процесса. В данной статье исследование этических аспектов и правовой защиты суррогатных матерей является актуальной проблемой, требующей серьезного анализа и обсуждения.

Этические аспекты суррогатного материнства включают в себя сложные вопросы, связанные с автономией и согласием суррогатных матерей. Важным моментом является обеспечение полной самостоятельности суррогатной матери в принятии решений, касающихся ее участия в программе. Это включает в себя право на информированное согласие, при котором суррогатная мать должна четко понимать все аспекты процесса, включая возможные медицинские риски, эмоциональные последствия и юридические обязательства **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Необходимо также учитывать факторы, которые могут повлиять на самостоятельность суррогатной матери, такие как социальный и экономический статус, образование и доступ к информации. Важно убедиться, что согласие суррогатной матери является результатом ее свободного выбора, невмешательства и отсутствия давления со стороны других лиц, включая будущих родителей и посредников.

Эмоционально-психологические аспекты суррогатного материнства также представляют собой важную составляющую этической дискуссии. Суррогатная мать сталкивается с уникальными эмоциональными проблемами при разрыве

¹ © Вельянинова М. Т., 2024.

отношений со своим ребенком после рождения. Исследования этих аспектов включают вопросы о долгосрочном влиянии на психическое благополучие суррогатных матерей, их семей и даже самих детей **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Необходимо также рассмотреть этические нормы, касающиеся психологической поддержки суррогатных матерей во время и после суррогатного материнства. Это включает в себя создание условий для консультирования и поддержки, а также предоставление суррогатным матерям возможности выражать свои эмоции и переживания.

Учет этих эмоциональных и психологических аспектов не только способствует благополучию суррогатных матерей, но и формирует основу для этических принципов и норм в суррогатном материнстве. Важным в этических аспектах суррогатного материнства является также вопрос о физическом благополучии суррогатных матерей. Это включает в себя обеспечение высоких медицинских стандартов во время беременности и родов с учетом как физического, так и психологического здоровья суррогатной матери **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]**.

Этический анализ требует рассмотрения вопросов, связанных с возможными медицинскими рисками для суррогатной матери, а также справедливого вознаграждения за ее услуги с учетом всех трудностей и рисков, с которыми она может столкнуться. Обеспечение доступа к качественной медицинской помощи и регулярный контроль за состоянием суррогатной матери являются ключевым элементом этического обеспечения ее физического благополучия.

Законы и нормативные акты, регулирующие суррогатное материнство, являются ключевым элементом в обеспечении правовой защиты всех участников процесса. Анализ существующих законов включает в себя: изучение национальных и региональных законов, регулирующих суррогатное материнство, выявление различий в подходах к суррогатному материнству в разных странах или регионах. Так же это соответствие международным стандартам, те оценка степени соответствия законов о суррогатном материнстве международным нормам и договорам, таким как Конвенция о правах человека и Биомедицинская конвенция Совета Европы, разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства с целью приведения его в соответствие с международными стандартами.

Защита прав суррогатных матерей включает в себя законы механизмов защиты прав суррогатных матерей от возможного давления, дискриминации или изменения условий договора в процессе, регулирование процесса выбора и утверждения суррогатной матери с учетом ее собственных прав и пожеланий.

Юридическая ответственность и возмещение ущерба: определение юридической ответственности всех сторон, включая будущих родителей, суррогатных матерей и посредников, создание механизмов компенсации и страхования суррогатных матерей на случай медицинских осложнений или других непредвиденных обстоятельств.

Обеспечение ясности, справедливости и соблюдения прав в законах о суррогатном материнстве.

Права суррогатных матерей:

1. Право на автономию и согласие: гарантия права суррогатной матери на свободное и осознанное согласие на участие в суррогатном материнстве – защита от давления или вмешательства в процесс принятия решений со стороны других участников процесса.

2. Право на медицинское обследование и уход: обеспечение доступа к высококачественному медицинскому обслуживанию и регулярному медицинскому контролю на протяжении всей беременности – право на безопасные и контролируемые условия родов.

3. Право на конфиденциальность: гарантия конфиденциальности медицинской и личной информации суррогатной матери – недопущение разглашения информации о ее участии в суррогатном материнстве без ее согласия.

4. Право на адекватную финансовую компенсацию: установление справедливой и адекватной компенсации за услуги суррогатной матери – право на четкие и понятные условия финансового соглашения.

Обязанности суррогатных матерей:

1. Соблюдение медицинских рекомендаций, таких как следование медицинским рекомендациям и предписаниям врачей для обеспечения своего здоровья и здоровья ребенка. Поддержание связи с будущими родителями, т. е. сотрудничество с будущими родителями в выполнении обязанностей, предусмотренных договором, и регулярный обмен информацией о беременности.

2. Соблюдение конфиденциальности: обязанность сохранять в тайне подробности суррогатного материнства, если иное не предусмотрено договором.

3. Сотрудничество с юридическими процедурами, таких как участие в необходимых юридических процедурах, подписание документов и утверждение правового статуса будущих родителей [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Соблюдение баланса прав и обязанностей суррогатных матерей – важный шаг на пути к созданию справедливого и этичного суррогатного материнства.

Существуют проблемы и трудности в правовой защите суррогатных матерей, например, отсутствие единых стандартов. Проблема заключается в отсутствии общепринятых международных или национальных стандартов, регулирующих суррогатное материнство, что может привести к правовой неопределенности и различным толкованиям.

Ситуации, когда будущие родители и суррогатная мать находятся в разных странах, могут вызвать трудности из-за различий в законодательстве и процедурах, что затрудняет определение правового статуса и решение юридических вопросов. Неоднозначность правового статуса. Существует неоднозначность в определении правового статуса суррогатных матерей в различных юрисдикциях, что может вызвать трудности в защите их прав и обязанностей. Сложности в регулировании финансовых вопросов. Определение справедливой финансовой компенсации суррогатным матерям может быть сложным, и конфликты в этой области могут привести к юридическим разногласиям. Недостаточная защита от медицинских рисков. Законодательство может неадекватно регулировать вопросы медицинской защиты и возмещения медицинских расходов, что

может создавать риски для здоровья суррогатных матерей и вызывать судебные споры. Этические дилеммы и социокультурные различия. Различия в этических взглядах и социокультурные различия могут привести к разногласиям при разработке правовых норм, что затрудняет создание единых и универсальных законов. Сложности в разрешении правовых конфликтов. При возникновении правовых споров между сторонами, участвующими в суррогатном материнстве, возникают сложности с определением применимого права и компетентных судебных органов. Отсутствие четких правил в отношении медицинских процедур. Неопределенность в законах, касающихся медицинских процедур, может повлиять на сферу репродуктивного здоровья и безопасности суррогатных матерей. Правовые ограничения на использование технологий. Развитие новых технологий в репродуктивной медицине может столкнуться с отсутствием четкой нормативной базы, что приведет к возникновению юридических проблем. Проблемы с присвоением материнства. Могут возникнуть сложности с присвоением юридического материнства, особенно если генетическая мать не совпадает с суррогатной матерью, что усложняет правовой статус участников процесса [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Сравнение международного и национального опыта суррогатного материнства. Если рассматривать модели регулирования суррогатного материнства, то он включает в себя полный запрет, полную легализацию или промежуточные варианты. Эти варианты рассматриваются с точки зрения защиты интересов суррогатных матерей и будущих родителей.

Сравнение того, как в разных странах определяется правовой статус суррогатных матерей, включая их права, обязанности и возможности участия в принятии решений, касающихся беременности и родов. Также их дальнейшая финансовая компенсация и страхование – это анализ правил материального вознаграждения суррогатных матерей в различных юрисдикциях и изучение требований к страхованию для обеспечения покрытия медицинских расходов и возможных осложнений.

В сравнении идет оценка степени учета этических норм в законодательстве о суррогатном материнстве, включая правила получения согласия и защиты интересов всех участников процесса.

Сравнительный анализ такого рода позволяет выявить лучшие практики и недостатки различных подходов, что создает основу для оптимизации законодательства в интересах всех сторон.

Оптимизация законодательства с целью обеспечения баланса интересов при суррогатном материнстве. Учет интересов суррогатных матерей, т. е. разработка законодательства, учитывающего права и интересы суррогатных матерей, предоставляющего им самостоятельность в принятии решений и защиту от возможных негативных последствий. Защита прав будущих родителей: обеспечение ясности и справедливости законодательства в отношении прав будущих родителей, включая правовой статус, доступ к информации о беременности и участие в принятии решений. Установление четких финансовых стандартов, регулирование финансовых аспектов суррогатного материнства для обеспечения справедливого и адекватного вознаграждения суррогатных матерей без

возможности их эксплуатации. Внесение в законодательство этических норм, предотвращающих давление на суррогатных матерей, гарантирующих конфиденциальность и учитывающих медицинские и этические стандарты. Закрепление в законодательстве механизмов участия квалифицированных специалистов и советов в процессе суррогатного материнства, обеспечивающих осознанный выбор участников. Закрепление в законодательстве механизмов адаптации к новым научным и медицинским технологиям, включая редактирование генов и другие инновации. Создание механизмов судебной защиты интересов суррогатных матерей и будущих родителей, а также эффективных механизмов разрешения возможных конфликтов. Развитие международного сотрудничества и разработка стандартов, которые могли бы облегчить ситуацию, когда участники суррогатного материнства проживают в разных странах.

Оптимизация законодательства в этой области требует сбалансированного подхода, учитывающего все стороны интересов и обеспечивающего этическую, правовую и медицинскую прозрачность [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Итак, суррогатное материнство представляет собой сложную область, находящуюся на стыке этики, медицины и юриспруденции. В данной статье проанализированы этические аспекты и правовая защита суррогатных матерей с акцентом на права и обязанности участников этого процесса.

Обобщая основные результаты, можно отметить многообразие подходов в мировой практике к регулированию суррогатного материнства. Обеспечение баланса интересов суррогатных матерей и потенциальных родителей – задача, требующая взвешенного и гармоничного подхода в законодательстве.

В контексте перспектив развития и дальнейших исследований необходимо углубленное изучение влияния суррогатного материнства на благосостояние его участников и разработка международных стандартов для создания единых правовых норм.

Суррогатное материнство продолжает оставаться предметом острых дискуссий, и дальнейшие исследования в этой области могут способствовать выработке более этических, справедливых и учитывающих культурные особенности подходов в законодательстве.

Список литературы

1. Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. Oxford : Oxford University Press, 2019.
2. Blyth E., Frith L., Jones C. Взгляды и переживания людей, зачатых от доноров, о своем генетическом происхождении // Journal of Law and Medicine, 2012, no. 20 (1), pp. 106–121.
3. Закон об оплодотворении человека и эмбриологии (2008). Великобритания.
4. Pennings G. Правовая гармонизация и репродуктивный туризм в Европе // Reproductive Biomedicine Online, 2014, no. 29 (2), pp. 143–148.
5. Shenfield F. and etc. ESHRE Working Group on Cross Border Reproductive Care. Трансграничная репродуктивная помощь в шести европейских странах // Human Reproduction, 2010, no. 25 (6), pp. 1361–1368.

6. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <https://www.unesco.org/en/ethics/bioethics>.

Видишева А. Н.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРИЗНАНИЕ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ ИМУЩЕСТВА, НАЖИТОГО В «ГРАЖДАНСКОМ БРАКЕ»: ЗА И ПРОТИВ

Гражданский брак, или независимый брак, становится все более популярным выбором проживания для пар, желающих создать общую жизнь, но не обремененных дополнительными правами и обязанностями, присущими традиционному браку. Однако, как и в любом общественном отношении, у гражданских партнеров возникают вопросы о владении, пользовании и распоряжении имуществом. С правовой точки зрения такое понятие, как «гражданский брак» отсутствует. По мнению Ю. Ю. Чурилова, этот термин часто встречается в юридической среде в контексте незарегистрированных брачных отношений. Иначе говоря, гражданский брак – это отношения между двумя людьми, которые заключаются без официальной регистрации брака в органах загса.

Во многих юрисдикциях существуют различные подходы к определению прав на имущество, приобретенное во время гражданского брака. Некоторые страны автоматически признают такое имущество совместной собственностью обоих партнеров (в таких странах, как Соединенные Штаты, Канада и Австралия, применяется так называемая система общего имущества (*community property*), которая предполагает, что все имущество, полученное во время брака, считается совместной собственностью обоих партнеров), в то время как в других требуется заключение отдельного договора или соглашения (к числу таких стран относятся Великобритания и Германия) [2].

В России совместная собственность в гражданском браке не является автоматической и может быть урегулирована договором между партнерами, их соглашением или по решению суда.

Признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, – это спорный вопрос, который вызывает разные мнения и аргументы как за, так и против.

Если говорить о положительных аргументах, следует отметить следующее:

1. Отражение усилий обоих партнеров. В гражданском браке имущество, нажитое одним из супругов, часто является результатом совместной работы

¹ © Видишева А. Н., 2024.

и усилий обоих партнеров. Признание такого имущества совместной собственностью позволит справедливо учесть вклад каждого из супругов.

2. Защита более уязвимого партнера. В гражданском браке один из партнеров может оказаться более уязвимым или зависимым от другого. Признание совместной собственностью нажитого имущества поможет обеспечить защиту этого партнера и предотвратить возможные неравенства и несправедливые действия.

3. Создание стабильности в отношениях. Признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, способствует созданию стабильности и уверенности в отношениях двух партнеров. Это позволяет установить четкие правила и распределение имущества, что является основой для долгосрочного партнерства.

4. Упрощение процедуры раздела имущества. В случае разрыва отношений признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, может значительно упростить процедуру раздела имущества и уменьшить возможные конфликты.

5. Поддержка экономической независимости. Признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, способствует поддержке экономической независимости каждого из партнеров. Это особенно важно в случае разрыва отношений, когда один из партнеров может оказаться наиболее уязвимым.

6. Является инструментом защиты детей. В случае расставания, наличие совместной собственности может обеспечить надлежащую финансовую поддержку детей, позволяя обеспечить им жилье, образование и другие необходимые нужды.

Несмотря на положительные аспекты признания совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, существуют и отрицательные, такие как:

1. Личная свобода и автономия. Одной из главных причин, по которой люди выбирают гражданский брак, является сохранение свободы и автономии в отношениях. Признание совместной собственностью имущества может сужать эти рамки, ограничивая возможности управлять собственным имуществом.

2. Финансовая нестабильность. В гражданском браке, особенно на начальных стадиях, финансовая стабильность может быть менее уверенной, чем в законном браке. Признание совместной собственностью имущества может означать, что каждый партнер несет ответственность за долги и обязательства другого партнера, что может быть финансово рискованным.

3. Неправедливость и неравенство. Предполагается, что каждый партнер вносит свой вклад в образование и наживание имущества в гражданском браке. Однако в ряде случаев один партнер может вносить больший вклад, чем другой. Признание совместной собственностью такого имущества может привести к несправедливым и неравным результатам.

4. Проблемы при расторжении отношений. В случае разрыва гражданского брака раздел имущества может стать сложным и конфликтным процессом. В случае признания совместной собственностью имущества между партнерами могут возникать разногласия по поводу справедливого распределения имущества.

5. Учет личных пожеланий и целей. В гражданском браке обычно отсутствуют юридические обязательства и формализация отношений. Вместо этого партнеры могут делать выборы и принимать решения, основываясь на личных предпочтениях и целях. Признание совместной собственностью имущества может ограничить эту свободу и учет личных пожеланий.

В настоящее время данный вопрос активно изучается и рассматривается на законодательном уровне. Депутатами Государственной Думы Российской Федерации разработан законопроект, который предполагает внесение изменений в Семейный кодекс Российской Федерации с целью признания совместной собственностью имущества, нажитого лицами в гражданском браке [3]. Данная инициатива направлена на поддержку гражданских браков, приоритетным образом защищая интересы детей. Определение такого брака будет основываться на наличии общих детей, совместного хозяйства и факта совместной жизни. В таком случае, даже если семья не официально зарегистрирована в загсе, деление имущества будет осуществляться. Такое решение будет справедливо по отношению к детям.

По мнению Д. А. Мальбина, это утверждение вызывает юридические сомнения, так как семья является более сложным явлением, нежели формула: «совместное проживание + регистрация брака = семья» [4]. В случае отсутствия официальной регистрации брака граница между имуществом двух сожителей остается неопределенной и нельзя однозначно определить, считается ли имущество общим для них или нет.

Признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, является одним из спорных вопросов семейного права. Существуют различные аргументы как в пользу, так и против такой практики.

Приверженцы признания совместной собственности в гражданском браке указывают на практические преимущества этого подхода. Во-первых, это способствует защите экономических интересов обоих партнеров в отношениях, их детей, что особенно важно при разрыве отношений. Во-вторых, это создает более стабильную основу для семейного благополучия и обеспечивает равенство перед законом для всех граждан, независимо от их семейного статуса.

Однако противники признания совместной собственности в гражданском браке считают, что это может стимулировать беспечное отношение к имуществу и подрывать индивидуальные права и свободы партнеров. Кроме того, это может создать конфликты и споры в случае разрыва отношений, особенно если имущество было приобретено только одним из партнеров.

В ходе исследования автором были проанализированы различные подходы к решению вышеуказанной проблемы. Исходя из произведенного исследования, автор делает вывод о том, что признание совместной собственностью имущества, нажитого в гражданском браке, является необходимым нововведением в законодательстве, поскольку сможет обеспечить законную защиту интересов партнеров, их детей, а также способно предостеречь от возможных конфликтов при распределении имущества.

Однако вопрос признания совместной собственности имущества, нажитого в гражданском браке, остается спорным и требует дальнейших исследований

и обсуждений. Необходимо учитывать различные факторы, такие как социально-экономический контекст и культурные особенности общества, при принятии решения по этому вопросу.

Список литературы

1. Чурилов Ю. Ю. Гражданский брак // ЭЖ-Юрист. 2014. № 32.
2. Глушенкова С. С. Правовой режим имущества супругов в Германии, Франции и Великобритании // Молодой ученый. 2022. № 32 (427).
3. Слуцкий предложил признать нажитое в сожительстве имущество совместной собственностью // Сайт «Тасс». URL: <https://tass.ru/obschestvo/18214717>.
4. Совместная собственность сожителей // Сайт «Закон». URL: https://zakon.ru/discussion/2023/07/07/sovmestnaya_sobstvennost_suprugov.

Герасимова В. С.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Актуальность вопроса защиты интеллектуальных прав на современном этапе общественного развития не вызывает сомнений. В условиях глобализации экономики и информатизации соблюдение интеллектуальных прав имеет достаточно большое значение. Ввиду постоянного развития науки и технологий, рынка интеллектуальных прав, роста случаев плагиата сфера защиты интеллектуальных прав требует к себе особого внимания. В связи с непродолжительностью существования института правовой защиты интеллектуальной собственности наблюдаются некоторые пробелы в практике применения закона и противоречивости судебной практики.

Ярким примером нарушения интеллектуальных прав последних лет является спор между московской кондитерской фабрикой «Красный Октябрь» и белгородской кондитерской фабрикой «Славянка». Первая подала иск с требованием взыскать компенсацию в размере более 310 млн руб. за нарушение исключительных прав на товарный знак. «Славянка» выпускала шоколад под названием «Алина» в упаковке, выполненной в аналогичной цветовой гамме и с изображением девочки. Спор дошел до Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и был направлен на новое рассмотрение в первую инстанцию, где разбирательство завершилось подписанием мирового соглашения: «Славянка» обязалась прекратить выпуск шоколада в схожем оформлении и выплатить истцу 15 млн руб., а «Красный Октябрь» отказался от взыскания остальных 37 млн руб. компенсации, рассчитанной судом.

В России органом, осуществляющим государственную поддержку в осуществлении охраны интеллектуальной собственности, является Роспатент (Федеральная служба по интеллектуальной собственности). Он реализует функции по контролю и надзору в области охраны и пользования интеллектуальной собственностью. Наиболее ярко функции защиты осуществляет Суд по интеллектуальным правам [7, с. 25].

Вопрос, касающийся непосредственно защиты интеллектуальной собственности, имеет в наши дни большое значение как внутри страны (для развития

¹ © Герасимова В. С., 2024.

внутренних экономических связей), так и для успешного развития внешней экономики и политики, в том числе, при защите интересов государства.

Юридическая защита интеллектуальной собственности включает две формы: общую (в судебном порядке) и специальную (в административном порядке). Представленные формы представляют собой определенный порядок, регулирующий защиту нарушенных гражданских прав. Общий порядок подразумевает собой обращение в суд, то есть подачу гражданского иска; специальный – обращение в органы государственной власти, т. е. в Роспатент, а в некоторых случаях обращение может быть подано в ФАС (Федеральную антимонопольную службу). В случаях обжалования действий указанных органов обращение также подается в суд [4, с. 78].

Согласно ст. 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), [2] защита любых интеллектуальных прав может осуществляться судом, в то время как органами исполнительной власти защита может осуществляться только в отдельных случаях. Такими случаями могут быть: подача заявки на выдачу патента, государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности и др. Данные споры рассматриваются непосредственно Роспатентом, но бывают также случаи, относящиеся к предмету рассмотрения Росатома или Роскосмоса, поскольку объекты интеллектуальной собственности имеют секретный характер [1, с. 129]. Способы, применяемые при защите интеллектуальной собственности, аналогично подразделяются на две группы. Общие способы, содержащиеся в ст. 12 ГК РФ, как известно, используются для защиты любых гражданских прав, в число которых входят и интеллектуальные. Специальные способы, применяемые при защите интеллектуальных прав, содержатся в части четвертой ГК РФ, которая и регулирует общественные отношения в сфере права интеллектуальной собственности.

Существуют несколько видов интеллектуальных прав. В соответствии со ст. 1226 ГК РФ выделяют исключительное право, личные неимущественные и иные права. Под исключительным понимается право, носящее имущественный и абсолютный характер, например, право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (п. 1 ст. 1270 ГК РФ); личные неимущественные права, в свою очередь, являются неотчуждаемыми, они принадлежат человеку с момента его рождения и никак не связаны с принадлежащими ему материальными благами, а только непосредственно с его личностью, например, право признаваться автором произведения и при каждом его использовании требовать ссылку на автора; иными признают все права, которые могут быть как имущественными, так и неимущественными, но которые по своей природе никак не квалифицируются как предыдущие два вида, к примеру, право автора на получение вознаграждения в виде процентных отчислений в случае перепродажи его произведения.

Право интеллектуальной собственности может быть нарушено разными противоправными действиями субъектов гражданско-правовых отношений. Ими могут быть физические, юридические лица, государственные учреждения и др. Так, например, интеллектуальные права граждан могут быть нарушены посредством действий или бездействия со стороны органов государственной

власти. Например, таким нарушителем может являться Роспатент, необоснованно отказавший гражданину в защите его нарушенных прав.

Обратим внимание на активно развивающуюся в настоящее время проблему в интернете. Сегодня крупнейшая компьютерная сеть порождает огромное накопление информации, которая включает, в том числе, объекты интеллектуальной собственности. В результате бесконтрольного распространения информации зачастую фиксируется большое количество фактов нарушения прав на интеллектуальную собственность. В связи с этим необходимо применять меры по усилению правовой охраны и защите интеллектуальных прав в сети Интернет. К сожалению, множество из совершаемых правонарушений являются латентными, к примеру, авторы произведений не считают нужным и правильным бороться за правомерное использование интеллектуальной собственности, принадлежащей им, что напрямую влияет на скрытый характер нарушений в сфере интеллектуальных прав. Низкий уровень развития правовой культуры зачастую становится причиной отсутствия знаний в сфере своих прав и возможностях доказательства их нарушения [5, с. 78].

В настоящее время существуют разные формы защиты интеллектуальной собственности в глобальной сети. В соответствии со ст. 1301 ГК РФ, при обнаружении нарушения, обладатель вправе связаться с правонарушителем, выдвинув требования об устранении обстоятельств, нарушивших его интеллектуальные права, также он имеет право требовать возмещения убытков. Автор устанавливает разумный срок, в который нарушитель добровольно восстанавливает нарушенные права автора, но если он не выполняет данные требования, правообладателю представляется возможным подать исковое заявление в суд, где будут указаны требования о признании нарушенных прав, пресечении действий, их нарушающих, а также о возмещении убытков и компенсации морального вреда. Форма такого заявления регламентируется гражданским процессуальным кодексом [3].

По окончании судебного разбирательства соответствующее решение, вступившее в законную силу, публикуется в сети Интернет и является обязательным для исполнения лицами, которым оно адресовано. Оно приводится в исполнение в порядке, установленном законодательством. Прекратить (удалить, заблокировать) доступ к информационному объекту, признанному судом незаконным, – прямая обязанность провайдера, поскольку после получения судебного решения он будет осведомлен о незаконности распространения информационного объекта [6, с. 97].

Список литературы

1. Баттахов П. П. Особенности защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (169). С. 128–132.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 52. 25.12.2006. Ст. 5496.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. 18.11.2002. Ст. 4532.

4. Гринь Е. А., Оганезов Э. М. К вопросу о способах защиты интеллектуальных прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-3 (52). С. 78–81.

5. Демьянец М. В., Елин В. М, Жаркова А. К. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография. М. : Юркомпани, 2014.

6. Черкасова О. В. Защита интеллектуальной собственности : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский университет, 2017.

7. Новоселова Л. А. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации : монография. СПб. : Проспект, 2015.

Гомозова О. Ю.¹,
адъюнкт Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кузбагаров А. Н.,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент

КАТЕГОРИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК МЕРИЛО ОЦЕНКИ ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Категория добросовестность была введена в жизнь социальных и правовых взаимоотношений еще в римской действительности. Римские юристы толковали добросовестность как некое правообразующее явление, поскольку добросовестность являлась одним из условий приобретения права собственности и защиты права по публицианову иску. При этом публицианов иск – это разновидность ныне существующего виндикационного иска, понимаемая как способ защиты добросовестного приобретателя в виде права истребования вещи на том же основании, как если бы он был собственником.

Общеизвестным фактом является то, что нравственные категории выполняют основную функцию в виде регулирования социального поведения участников правоотношений путем установления параметров осуществления субъективных прав [8]. В связи с тем, что буква гражданского законодательства имеет тесную связь с категорией добросовестности в виде установления основных начал отрасли права, стоит обратиться к обоснованию такого тезиса. Так, п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) обязывает участника цивилистических отношений действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. При этом п. 5 ст. 10 ГК РФ устанавливает, что добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается. Таким образом, законодатель прямо не относит выполнение требования добросовестности нравственного поведения к основополагающему принципу, не формулируя «принцип добросовестности» как таковой [1].

При этом справедливо отметить, что исполнение обязательства «надлежащим образом, в обусловленное время в обусловленном месте» не может раскрывать понятие добросовестности [4]. В связи с этим стоит обратиться не только к мнению юристов, но и к юридической практике по вопросу оценки добросовестного поведения участников цивилистических отношений. Автор отмечает разносторонность рассмотрения категории добросовестности юристами.

¹ © Гомозова О. Ю., 2024.

И. Б. Новицкий указывает, что добрая совесть является внешним мерилем, отмечая при этом объективность при определении минимального стандарта поведения в обществе [5]. А. А. Малиновский рассмотрел добросовестность с позиции соотношения с нравственностью, отметив их тождественность через призму внутреннего предела осуществления права. По мнению автора, в цивилистике добросовестность зачастую рассматривается в качестве синонима виновности – субъективной составляющей юридически значимого поступка [3]. Л. И. Петражицкий уверяет, что категорию добросовестность (*bona fides*) нельзя отождествлять с честностью и иными нравственными категориями, поскольку недобросовестность (*mala fides*) не является синонимом безнравственности. По мнению правоведа, *bona fides* можно отождествлять лишь с незнанием – извинительным заблуждением [7].

Таким образом, считаем, что добросовестность напрямую можно назвать неким проводником нравственных категорий в право, что подтверждается соответствующими требованиями законодателя к осуществлению субъективных прав и обязанностей.

Категория добросовестность позволяет рассмотреть новые грани в правовом регулировании цивилистических отношений, в том числе, и в сфере регулирования отношений участием потребителей. В соответствии с Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Закон) потребителем является гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Наделяя потребителя правами и обязанностями, законодатель признает его слабой стороной правоотношений относительно продавца (изготовителя) по объему прав субъектов правоотношения [2].

В то же время обе стороны способны действовать в собственных интересах на основе несоблюдения простых моральных правил социума. Как показывает практика, факты недобросовестного поведения со стороны потребителя бывает трудно доказуемы. Потребители, пользуясь своим положением, нацелены на получение дохода от своей недобросовестной деятельности. При этом суды, рассматривающие гражданские споры данной категории, опираются на нравственное представление категории добросовестность.

Так, очевидный признак недобросовестного поведения со стороны потребителя может не сразу усматриваться судом при оценке его действий. Нередки случаи, когда при подозрении на такое поведение продавец (изготовитель) обязан обратиться в судебный орган с целью защиты своих прав:

1. В 2022 г. покупатель приобретает отдельными заказами запчасти для автомобиля через интернет-платформу. Спустя время оформляет возврат, отправляет обратно товары и получает денежные средства в полном объеме обратно.

2. В 2023 г. продавец обнаруживает пропажу денежных средств со счета, предполагая, что никаких судопроизводств в отношении него не велось.

3. В ходе анализа ситуации выясняется, что в отношении продавца вынесены несколько заочных судебных решения, на основании которых с продавца была

повторно взыскана сумма тех запчастей для автомобиля, учитывая возмещение морального вреда, потребительский штраф, неустойку и судебные расходы.

4. Позже выяснилось, что потребитель указывал заведомо ложный адрес продавца при отправке судебной корреспонденции, что послужило поводом к неявке продавца в судебное заседание без уважительных причин.

5. Ввиду оповещения суда о таком поведении потребителя и учитывая обстоятельства, что полная сумма по запчастям была возвращена покупателю, было принято решение вновь возобновить производство по делу.

6. В результате рассмотрения дела суд установил наличие признаков недобросовестного поведения в действиях истца, опираясь при этом на п. 3 ст. 1 ГК РФ и п. 2 ст. 10 ГК РФ. Более того, суд подчеркнул факт злоупотребления правом со стороны покупателя [6].

Таким образом, следует отметить, что несмотря на «слабое» положение потребителя по Закону, в практике нередки ситуации признания действий потребителя недобросовестными. Решением таких споров могло бы стать внесение изменений в Закон путем установления положения о соблюдении добросовестного поведения при равенстве перед законом и судом как определяющего требования в отправлении правосудия по потребительским спорам о добросовестности поведения участников.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Малиновский А. А. Нравственность в гражданском праве // Нотариус. 2007. № 5.
4. Мамедов М. М. Категория добросовестности в гражданском праве // Закон и право. 2008. № 11.
5. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 6.
6. Потребитель не всегда прав // Сайт «Advgazeta.ru». URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/potrebitel-ne-vsegda-prav/>.
7. Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М., 2002.
8. Рыжих И. В. К вопросу о категории добросовестность в гражданском праве // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6.

*Гоманова А. Д.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Деревянко В. Э.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА С ЦЕЛЬЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВИДОВ КРИПТОВАЛЮТЫ

Рассмотрение практик разграничения криптовалюты на законодательном уровне начнем с Соединенных Штатов Америки. Изначально данное государство мало интересовалось вопросом нормативного регулирования данной сферы правоотношений. С течением времени государству все же пришлось начинать разрабатывать законодательные инициативы. При этом на уровне штатов создавались различные варианты отношения государственных органов к электронным денежным средствам.

На федеральном же уровне в Соединенных Штатах в первое время цифровые деньги считали лишь способом не позволить распространить экономические преступления, в то же время одной конкретной общей стратегии действий государства по регулированию криптовалюты не присутствовало. Эта сфера оставалась в ведении штатов, которые сами решали вопросы, связанные с ее использованием.

Именно поэтому там возникли различные подходы к пониманию и отношению к электронной валюте. Так, существовал так называемый либерализм в данной сфере, при котором субъект государства позволял производить любые операции с криптовалютой. Существовал также и «криптоэтизм», при котором штат занимался выдачей лицензий, позволяющих производить операции с валютой.

В первую очередь изучение этой отрасли производилось для того, чтобы снизить риски инвесторов в криптовалюту, избежать наличие мошенников в данной сфере и дать гарантии субъектам, занимающимся электронной валютой, в части защиты и обеспечения их прав, связанных с вложенными ими денежными средствами. На сегодняшний день существует уже более масштабное нормативное регулирование сферы электронных денежных средств, в том числе и на уровне всего государства. Так, в январе 2019 г. был проведен 116-й созыв Конгресса США, члены которого разработали и представили на рассмотрение 32 законопроекта в данной сфере.

Большинство из них были связаны не непосредственно с криптовалютой, а касались разработке мер, позволяющих не допустить развитие преступлений

¹ © Гоманова А. Д., 2024.

с ее использованием, например, при торговле людьми или терроризме, которые финансировались с ее использованием, так как она является анонимной.

В то же время на уровне штатов также принимаются законы, которые касаются ужесточения и ограничения использования цифровой валюты. Так, в штате Техас за 2018 г. было принято 16 запрещающих нормативных актов в данной сфере. Главной причиной их введения являлось мошенничество с криптовалютой, так как по причине ее анонимности часто люди, обменивающие свои денежные средства на нее, оказывались обманутыми.

Однако существуют и примеры того, как штаты законодательно разрешали использование цифровых денежных средств. Например, в Калифорнии в 2015 г. был утвержден закон, который позволял любому субъекту, будь то обычный человек, организация или корпорация, принимать участие в обороте денежных средств, отличных от доллара США. Тем самым власти разрешили и любые операции с электронными деньгами.

Отмечаем, что тенденции в данном вопросе в различных штатах могут значительно отличаться. Так, в штате Нью-Джерси в 2020 г. был создан законопроект, который обязывает компании, которые проявляют желание участвовать в обороте криптовалюты, получать лицензию от органов власти на ее использование. Также законопроект имеет указание на штрафы при отсутствии таких лицензий, которые достигают 500 \$.

А в штате Аризона, например, в 2020 г. конгрессмен Пол Госар представил собственный проект акта, который будет регулировать общественные отношения, связанные с криптовалютой.

Его предложение имеет несколько видов цифровых активов, которые должны будут регулироваться и считаться электронными активами. Ими являются товары, криптовалюта и ценные бумаги. Госар предлагал создать властные органы по каждому из видов активов, которые будут регулировать их, регистрировать при их создании и вести реестр лиц и организаций, которые ими владеют.

Еще одним примером законодательного опыта регулирования криптовалют можно назвать Канаду. Она являлась одной из первых стран, в которых на государственном уровне было введено данное понятие. Это случилось 19 июня 2014 г., когда в стране был утвержден законопроект С-31. Он содержал в себе поправки в Закон страны о доходах от преступной деятельности, а также в закон о финансировании терроризма.

С этого момента вопрос о цифровых денежных средствах затрагивался законодателями страны множество раз, регулирование этого явления усиливалось, в то время как контроль за ним со стороны власти увеличивался.

Так, в 2020 г. появилось нововведение, согласно которому биржи, на которых используется криптовалюта, обязываются проходить регистрацию в специализированном учреждении – *FinTRAC*.

В настоящее время Канада разрешает использование криптовалют, однако они не считаются официальным и установленным законом средством платежа в Канаде. Такое средство в стране только одно, и это канадский доллар.

А это означает, что сделки с использованием цифровых денежных средств в Канаде официально разрешены, но только между конкретными лицами или

организациями, в то же время постановка на производственный уровень криптовалюты незаконна.

Канадское налоговое агентство определяет криптовалюту как товар. Оно определило, что использование криптовалюты для оплаты товаров или услуг должно рассматриваться как бартерная операция. То есть каждая цифровая монета – это товар, который используется для обмена на другие товары. В остальном на операции с криптовалютой распространяются те же законы и правила, что на сделки с наличными денежными средствами, в том числе на них распространяется и подоходный налог. Несмотря на активное регулирование, исходя из политического курса Канады, мы можем сказать, что государство является сторонником использования криптовалют. Она занимает второе место в мире после США по количеству установленных биткоин-банкоматов, а в настоящее время в стране ведется активное изучение технологии блокчейн.

Кроме того, Центральный банк Канады разработал и ввел в оборот собственную криптовалюту, которая получила название *CADcoin*, и хотя она не сильно распространена в мире, все же до настоящего времени она используется.

Наконец, еще одной страной, в которой на законодательном уровне существует криптовалюта и которая регулирует ее, является Великобритания. На первом этапе, который проходил до 2014 г., цифровые денежные средства считались в стране сделками, на которые распространялся НДС. После этого ситуация изменилась. Британское управление по налогам и таможенным пошлинам высказалось о том, что биткоин не является денежным средством. По этой причине на него не действовали многие нормативные акты страны, которые регулировали финансовую деятельность.

Такое положение дел изменилось в 2020 г. после того, как *FCA (Financial Conduct Authority)* стал государственным органом, получившим право регулировать общественные отношения, связанные с цифровыми валютами. Изначально данный орган занимался поиском и пресечением операций, связанных с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма, а после введение изменений он также получил право анализировать операции с криптовалютой, выявлять потенциальные угрозы в данной сфере, а также изучать и развивать инновационную сферу в данном вопросе.

В то же время исследователи рынка цифровых валют проводят собственное изучение в данной области, так в 2020 г. они представили отчет *Cryptoasset consumer research 2020*, согласно которому около 89 % лиц, которые владеют и пользуются цифровыми денежными средствами понимают, что совершаемые ими сделки недостаточно защищены от кибератак, а их денежные средства могут быть потеряны, так как законодательное регулирование в данной сфере находится не на должном уровне.

Таким образом, мы рассмотрели зарубежный опыт использования криптовалют, который указывает на то, что данное явление в последние годы все больше проникает в жизнь общества, из-за чего требует к себе внимания со стороны властных структур и законодательных органов.

При рассмотрении опыта европейских стран приведем пример Европейского союза, так как это позволит рассмотреть сразу несколько стран, которые входят

в ЕС. Руководства ЕС демонстрирует больше консервативное отношение к цифровым активам, особенно тревожно отнеслись к разработки корпорацией *Facebook* (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*) собственной криптовалюты.

Властные органы Европейского Союза с 15 декабря 2017 г. ввели в действие решение о том, что все субъекты, которые пользуются цифровыми денежными средствами, в том числе на биржах, должны быть идентифицированы, т. е. все их операции будут связаны с конкретным пользователем, который их производит. Кроме того, обязательным стало являться наличие у организаций, которые владеют криптокашельками, а также криптовалютными биржами, лицензии на производство действий в данной сфере.

Как и во всех странах, в которых существует угроза отмывания денег с помощью криптовалюты, ЕС принял решение о разработке мер, которые состояли в создании чистоты на рынке цифровых денег, что означает наличие учетов пользователей и их операций, а также возможность получения информации о конкретной операции, произведенной с цифровой валютой.

Так, с января 2020 г. вступила в силу Пятая директива о борьбе с отмыванием денег (*5AMLD*), которая ликвидировала анонимность участников операций с цифровой валютой. В ней имелось указание на то, что компании обязаны хранить информацию о своих клиентах, которые совершают операции в цифровой среде. Формально эта мера призвана остановить использование токенов для нелегальных деятельности. Организации, деятельность которых связана с криптовалютой, должны вести учет своих клиентов, а также при необходимости предоставлять информацию о них в соответствующие органы. Например, криптобиржа, базирующаяся в Испании, должна быть официально зарегистрирована у государственного органа этой страны, имеющего полномочия по регулированию правоотношений в данной сфере.

В ноябре 2015 г. Европейский суд (*European Court of Justice*) вынес решение, согласно которому биткоин необходимо считать именно валютой (средством платежа), а не товаром, если это касается сферы налогообложения. Таким образом, операции с применением биткоинов за традиционные валюты не должны облагаться НДС, так как они перестали считаться товарами. Это стало важным международным решением, так как до этого времени различные государства имели собственную позицию по данному вопросу, что приводило к разногласиям в правоприменительной практике.

В Евросоюзе криптовалюты не попадают под действие директивы «О рынках финансовых инструментов» (*MiFID II*) и *EMD2* в отношении электронных денег, а также не подвержены финансовому регулированию Евросоюза.

На территории Евросоюза также не существует официально принятой классификации цифровых активов, хотя над этим обещают поработать. Так, вице-президент Еврокомиссии Валдис Домбровскис пообещал представить новые правила регулирования криптовалютной индустрии. Поэтому ориентироваться следует на их статус в отдельно взятой стране, где данное регулирование будет возложено на местные законодательные органы.

Следующей страной для рассмотрения данного вопроса является Республика Беларусь. Беларусь была в числе ранних лидеров цифровой экономики. 22 декабря 2017 г. президент Александр Лукашенко подписал Декрет о развитии цифровой экономики. В нем были узаконены биржи криптовалют, операторы обмена криптовалют, майнинг, смарт-контракт, блокчейн, токены и т. п. Операции с токенами (майнинг, хранение на счетах, покупка, обмен) с момента принятия Декрета не считаются предпринимательской деятельностью и еще два с половиной года, до 1 января 2023 г., будут освобождены от налога на прибыль и НДС. Данными действиями криптовалюта в данной стране была полностью легализована и является объектом для совершения ряда операций, которые в других странах преследовались бы по закону. Таким образом, Беларусь стала одной из первых стран, полностью урегулировавших криптосферу. Спустя год – 15 января 2019 г. – была открыта первая в Беларуси биржа криптовалюты.

Первым государством для рассмотрения законодательных инициатив латиноамериканских стран выступит Венесуэла. Венесуэла находится на совершенно другом полюсе интереса к криптовалюте: стране в отчаянном экономическом положении совсем не до регуляций объектов IT-сферы — их интересует потенциал блокчейн-технологий для привлечения инвестиций в обход санкций США. 20 февраля 2018 г. Президент Венесуэлы Николас Мадуро выступил на церемонии запуска национальной криптовалюты *Petro* в Каракасе. *Petro* обеспечена запасами природных ресурсов страны, а цена привязана к баррелю нефти. Всего было выпущено 100 млн *Petro*, но в продажу должны были поступить только 82 млн, а остальное должно быть на хранении у венесуэльского правительства.

Эксперты отнеслись к *Petro* скептически, в основном потому, что основное преимущество криптовалют – децентрализация – в этом случае не действует, а управление криптовалютой находилось в руках лидеров страны, уже запомнившихся национализацией нефтяных компаний при предшественнике Мадуро – Уго Чавесе.

Однако в 2020 г. крупнейшая государственная нефтегазовая компания Венесуэлы, *PDVSA*, объявила о том, что продаст впервые 4,5 млн баррелей нефти из своих резервов за *Petro* (подчиняясь требованиям руководства страны).

В декабре 2019 г. в *Petro* были переведены новогодние пособия пенсионерам и госслужащим, а в 2020 г. криптовалютный платежный оператор *Cryptobuyer* объявил о партнерстве с компанией *Megasoft*, в рамках которого жители Венесуэлы смогут расплатиться криптовалютами в 20 тыс. торговых точек в стране. Это не значит, что криптовалюта чрезвычайно популярна среди населения – скорее наоборот, здесь инициатива идет не снизу, а сверху; но весной, после введения коронавирусного карантина, количество криптовалютных транзакций в стране увеличилось. В конкретном случае можно заметить, что, помимо легализации всех типов расчетов с помощью криптовалюты, государство дополнительно организовало ряд предприятий и единичных точек, в которых на законном основании можно расплатиться криптовалютой за вполне реальные товары.

Следующей страной из ряда латиноамериканских государств выступает Аргентина. В 2017 г. государственные власти Аргентинской Республики легализовали криптовалюты. На сегодняшний день цифровые монеты в стране приравниваются к фиатным деньгам. В соответствии с местным законодательством цифровые денежные средства рассматриваются не как валюты конкретных государств, но могут применяться как денежные средства.

Согласно аргентинским законам криптовалюты также могут выступать, как ценный товар или вещь (в рамках Гражданского кодекса). После легализации криптовалют Аргентинским Центральным банком, местный банк *Odyssey Group* выпустил около 4 тыс. биткоин банкоматов, которые и сегодня работают в стране. В октябре 2017 г. *Odyssey Group* установили первые 250 криптобанкоматов, которые позволяют совершать операции не только с биткоином, но также и с другими криптовалютами. К слову, стоимость одного такого банкомата до 9 тыс. \$. Внешне банкомат похож на обычный терминал, функционал – перевод крипто, обмен криптовалюты на обычные денежные средства государств. Кроме цифрового золота, банкоматы также поддерживают работу с Лайткоинами и Эфириумом. С февраля 2019 г. в Аргентине можно оплатить проезд биткоином. Это стало возможным благодаря сотрудничеству местного оператора услуг *Alto Viaje* со стартапом *Bitex*. Теперь проездные карточки *SUBE* можно пополнить криптовалютами в 37 городах Аргентинской Республики. Важно, что это первая страна, где можно расплатиться за проезд, используя цифровые денежные средства.

Список литературы

1. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152).
2. Ершов М. В. О некоторых проблемах цифровизации // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. № 6.
3. Ключникова И. П., Волгушева А. С., Корчагина Я. Ю. Проблемы правового регулирования виртуальной валюты в России // *Молодой ученый*. 2018. № 11.
4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Консультант-Плюс».
5. Сулова С. И., Филатова У. Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // *Пролог: журнал о праве*. 2019. № 2 (22).

Гужвинский Н. М.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в 2021 г. Россия обрела крупнейший в Европе рынок по объему операций с использованием цифровых кошельков и стала мировым лидером по переводам с использованием уникального токена [6, с. 26]. Цифровые активы, также известные как цифровые средства, представляют собой дискретные, численные представления права собственности на какие-либо ценности или ресурсы, существующие исключительно в электронной форме, т. е. имущественные права. Эти активы обладают особенностью быть цифровыми и могут быть сохранены, переданы и обменяны с использованием современных цифровых технологий преимущественно на основе криптографических методов и распределенных реестров, включая технологию блокчейн.

Цифровые активы охватывают разнообразные формы и виды, включая криптовалюты (такие как биткоин), цифровые токены, цифровые секьюрити, смарт-контракты и другие подобные формы. Они обладают интегрированной ценностью и способностью использования в различных сферах, включая инвестиции, обмен, проведение финансовых операций и управление правами собственности в цифровой среде. Цифровые активы стали фундаментальным элементом современных финансовых и информационных экосистем, вызывая интерес как со стороны частных инвесторов, так и со стороны государства и иных регуляторов.

В настоящее время в России нет специального закона, который бы регулировал все аспекты работы с цифровыми активами. Однако существует несколько законов и нормативных актов, которые регулируют отдельные аспекты. Например, Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» (далее – Закон о ЦФА) [1] определяет понятие цифровых финансовых активов и цифровой валюты, а также устанавливает требования к их выпуску, обращению и учету. Кроме того, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) есть положения, которые касаются использования электронных средств платежа, электронных денег и цифровых прав [3].

¹ © Гужвинский Н. М., 2024.

Также стоит отметить, что Центральный банк России выпустил рекомендации по работе с цифровыми активами [9], которые включают в себя рекомендации по идентификации клиентов, противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, а также по обеспечению информационной безопасности.

Цифровые активы занимают важное место в системе гражданского права, так как они являются объектами гражданских прав и могут быть предметом сделок и других юридических действий. Российское законодательство демонстрирует дуализм в вопросе конструкции цифровых финансовых активов. Так, в ч. 2 ст. 1 закона о ЦФА указано, что они выступают в качестве оборотоспособных объектов гражданских прав, являющихся разновидностью имущественных прав. При этом в ч. 4 ст. 1 закона о ЦФА указывается, что ЦФА является способом удостоверения таких прав. Следовательно, если рассматривать вопрос о юридической сущности ЦФА, можно заключить, что они могут быть отнесены к уже известным имущественным правам в рамках цивилистической науки. Таким образом, ЦФА не представляют собой какие-либо новые (оригинальные) права, которые требовали бы особой классификации как объекты гражданских прав, а скорее, представляют собой известные имущественные права (цифровые права), которые могут быть удостоверены с использованием новых технологий.

При определении сущности цифровых финансовых активов (ЦФА) важным фактором является их классификация, представленная в ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА и их соотнесение с уже известными объектами гражданских прав. В качестве первого вида цифровых финансовых активов закон определяет денежные требования. Эти права, являющиеся основой денежных требований в соответствии с Законом о ЦФА (цифровых финансовых активах), не отличаются от других денежных требований, которые возникают в рамках других обязательств. Это подтверждается, например, ст.ст. 147.1 и 149.3 ГК РФ. Основным отличием является способ фиксации этих требований. Раньше принадлежность и объем денежных требований были зафиксированы в текстах договоров, доверенностях, завещаниях и других традиционных формах выражения воли участников гражданско-правовых отношений. С развитием цифровых технологий новые денежные требования не возникли. Изменилась лишь форма выражения воле сторон гражданско-правовых отношений, то есть новшеством является не само право, а способ закрепления притязаний правомочного субъекта.

Цифровые активы являются новым и быстроразвивающимся сегментом гражданского оборота, и законодательство продолжает адаптироваться к новым условиям и потребностям. Такая деятельность включает в себя разработку новых механизмов регулирования оборота цифровых активов, таких как смарт-контракты, токенизация активов и децентрализованные автономные организации (DAO). Таким образом, цифровые активы занимают важное место в системе гражданского права России, обеспечивая возможность для участников гражданского оборота использовать и передавать цифровые активы на основе законодательно закрепленных прав и обязанностей.

В научном пространстве нет доктринального понимания правовой природы цифровых активов и того понятия, которое является фундаментом для определения сущности рассматриваемого правового явления. Так, например, А. А. Ти-

тов считает, что цифровые активы разделены на три категории, и исходя из этого определяется их правовая природа [12, с. 108]. Он выделяет цифровые финансовые активы, электронные деньги и криптовалюту как наиболее фундаментальные цифровые активы. Само понятие «ЦФА» охватывает три компонента (актив, финансовые активы и цифровые технологии), которые в своей совокупности свидетельствуют о комплексном характере понятия [7, с. 116]. При анализе каждой категории цифровых активов А. А. Титов выделяет их особенности. Однако ряд ученых выделяют следующие виды активов:

1. Информационные активы.
2. Цифровые финансовые активы.

3. Цифровые нефинансовые активы [8, с. 90]. К данной категории активов следует относить права доступа к платформам и виртуальное цифровое имущество. Такую позицию выражает А. А. Татоян, при этом относя к таким активам права на доступ к электронным сервисам [11, с. 108].

Также встречается позиция, согласно которой, цифровые активы, в первую очередь, представляют собой криптовалюты, экономический оборот которых стал объективным явлением, требующим создания оптимальных правовых условий для своего развития [10, с. 195]. Исходя из «технической природы» цифровых активов, некоторые ученые считают их исключительно электронными деньгами. По мнению С. П. Гришаева, они обладают элементами функций, которые характерны для данной разновидности денег [5, с. 90]. Впрочем, в юридической литературе существуют позиции, которые приравнивают цифровые активы к бездокументарным ценным бумагам. Однако особенность цифровых активов заключается в том, что для учета и обращения, для записи транзакций и хранения информации используют технологию блокчейн. В этом случае данные об активах и операциях записываются в блоках, которые образуют цепочку. Это делает процесс прозрачным, безопасным и децентрализованным. В отличие от бездокументарных ценных бумаг, в случае транзакции вносятся записи на счет.

В современной судебной практике не наблюдается единства в интерпретации понятия цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Встречаются случаи, когда ЦФА воспринимаются как разновидность имущества, включенного в конкурсную массу несостоятельного должника (как, например, в кейсе № А40-124668/2017) [3]. Но также имеют место прецеденты, когда ЦФА не причисляются к объектам гражданского права, а также не рассматриваются как имущественные права [4].

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что цифровые финансовые активы являются способом учета цифровых прав, который не относится к новой категории имущества или прав. Они обладают свойствами, которые отличают их от других видов активов и требуют специального подхода к регулированию.

Сравнив цифровой финансовый актив с наиболее близкими объектами, мы выявили, что он обладает следующими свойствами:

1. Цифровой финансовый актив является объектом гражданского оборота, не имеющим физического воплощения и существующим только в виде цифрового кода.

2. Цифровые финансовые активы могут быть легко переданы и преобразованы в другие формы активов, что делает их более гибкими и мобильными по сравнению с традиционными активами.

3. Без наличия аппаратно-программного комплекса в составе компьютера или смартфона с доступом к интернету и без подключения к системе, где выпускаются, учитываются и обращаются цифровые финансовые активы (ЦФА), заключить сделку с правами, удостоверенными ЦФА, невозможно.

4. Правовой режим цифровых финансовых активов отличается от правового режима других активов, так как они регулируются специальными законами и нормативными актами, а также требует доступа к информационной системе участников сделки.

5. Цифровые финансовые активы имеют высокий потенциал для развития и трансформации, что делает их перспективным направлением для инвестиций и инноваций.

Принимая во внимание все эти свойства и особенности цифровых финансовых активов, мы считаем, что они являются способом учета принадлежности определенных прав конкретным правообладателям и фиксируют в информационной системе.

Список литературы

1. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (с изменениями на 28 июня 2022 г.) (редакция, действующая с 1 января 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: // <http://pravo.gov.ru>.

3. Решение Арбитражного суда г. Москва по делу № А40–124668/2017 от 24 октября 2017 г. // Судебная практика. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/20ENFIeNovUP/>.

4. Приговор Петроградского районного суда Петербурга от 30 июня 2020 г. № 1-95/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гришаев С. П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // НПП «Гарант-сервис».

6. Князева Е. Ю. Цифровые финансовые активы: правовые аспекты регулирования на современном этапе // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 22–26.

7. Кошелев К. А. Определение категории «цифровые финансовые активы»: экономический, правовой и учетный аспекты // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 114–117.

8. Мотовилина А. В. Правовая природа цифровых активов // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 90-2. С. 89–91.

9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (подготовлено Банком России) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/403296145/>.
10. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 3. С. 195–199.
11. Татоян А. А. Экономико-правовая природа цифровых финансовых активов // Образование и право. 2022. № 1. С. 107–111.
12. Титов А. А. Понятие, признаки и правовая природа цифровых финансовых активов: уголовно-правовой аспект // Пролог: журнал о праве. 2022. № 4 (36). С. 105–113.

Ермакова В. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ, КАК ТРЕТЬЯ ФОРМА СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Национальная платежная система предусматривает различные способы средства платежей в Российской Федерации, такие как наличные и безналичные деньги. Однако Банк России вводит в дополнение к наличным и безналичным деньгам третью форму национальной валюты – цифровой рубль.

Нормативно-правовое регулирование данного понятия не закреплено. А вот правила пользования цифровым рублем рассматривается в «Договор счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и участником платформы цифрового рубля» (Письмо Банка России от 08.08.2023) [1, с. 10]. 20 июня 2023 г. Государственная дума Российской Федерации одобрила законопроект, признающий цифровую валюту объектом договора, собственности и наследования, а 11 июля во втором и третьем чтениях приняла закон о введении цифрового рубля. Закон был подписан президентом Российской Федерации 24 июля 2023 г.

Цифровая валюта регламентируется во многих нормативных правовых актах, таких как Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2], Федеральный закон Российской Федерации «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ, Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1, Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [4], Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля».

Простыми словами, цифровой рубль – это обычный российский рубль, но представленный в виде специального цифрового кода, который можно перемещать от одного человека к другому, – из одного виртуального кошелька в другой. Эмитируется цифровой рубль Центральным банком Российской Федерации, он также выступит гарантом сохранности средств. Хранится цифровой рубль на индивидуальных электронных кошельках, привязанных к системе Банка России, доступ к которым будут предоставлять обычные банки через мо-

¹ © Ермакова В. А., 2024.

бильное приложение или онлайн-банкинг. Использовать цифровой рубль могут, как физические и юридические лица, так и государство для проведения дотаций, субсидий, оплаты контрактов и т. д. [4, с. 55].

Отличие цифрового рубля от безналичных средств платежей состоит в следующих критериях:

1. Привязка к единой системе – все кошельки привязаны к Банку России, безналичные средства находятся на счетах отдельных банков.
2. Один пользователь – для хранения цифрового рубля открыть может только один кошелек, на хранение безналичных средств ограничений нет.
3. Оффлайн оплата – для безналичных платежей нужен доступ к интернету, цифровым рублем можно расплачиваться оффлайн.
4. Уникальность – каждый цифровой рубль уникален и помечен специальным признаком, все его перемещения можно отследить.

Преимущества цифрового рубля состоят не только в своей виртуальной форме, но также в:

1. Возможности обмениваться денежными средствами без привязки к банкам и системам перевода.
2. Высокая скорость перевода – деньги перемещаются в одной системе, поэтому транзакции станут быстрее, а нагрузка на банки меньше.
3. Возможность совершения онлайн и оффлайн платежей с одного устройства; большие лимиты на переводы без комиссии – сейчас клиент банка может перевести в месяц без комиссии около 100 тыс. рублей, при переводе цифровых рублей лимитов не будет.
4. Уменьшение зависимости от доллара и возможных санкций, и тем самым улучшение финансовой стабильности в Российской Федерации.

Помимо плюсов цифрового рубля, выделяются значительно важные недостатки:

1. Увеличение вероятности блокировки счетов – все платежи будут проверяться и если транзакции покажутся Центральному банку подозрительным, то счет могут заблокировать без объяснения причин.
2. Невозможность рассчитаться за рубежом.
3. Тотальный контроль за любыми операциями – все доходы, расходы, переводы, покупки будут автоматически отслеживаться и анализироваться государственным аппаратом Российской Федерации.

Разработка нормативно-правовой базы началось в 2020 г. В 2022 г. цифровой рубль – новая валюта, проходила тестирование на финансовом рынке Российской Федерации и активно дорабатывалась. В 2023 г. в августе Центральный банк Российской Федерации объявляет о старте пилотного проекта по внедрению новой валюты.

В настоящий момент тестирование цифрового рубля проходят некоторые банки и их клиенты. В 2024 г. к данному тестированию присоединятся еще 19 банков. В 2025 г. цифровой рубль будет внедрен на финансовый рынок в повседневную практику граждан Российской Федерации.

Председатель Центрального банка Российской Федерации высказала свою точку зрения по внедрению цифрового рубля в систему финансового рынка.

«Это абсолютно добровольное использование, это дополнительная возможность для людей: хотят – пользуются, хотят – не пользуются. Но мы действительно рассчитываем на то, что это будет удобнее, дешевле и для людей, и для бизнеса, и они начнут этим пользоваться», – сказала глава регулятора.

Таким образом, можно подвести итог вышесказанному. Цифровой рубль, как новая форма средства платежа в Российской Федерации, представляет собой множество как преимуществ, так и недостатков для населения, государства, предпринимательской деятельности и т. д. Удобство пользования, возможность совершить переводы без комиссии, оплата оффлайн, а также некоторые недостатки, такие как отсутствие кэшбэка, начисление процентов, а также возможность монополизации финансовой системы Центральным банком Российской Федерации.

Третья форма средства платежа является современным и инновационным финансовым инструментом. Но для более точной оценки внедрения цифрового рубля нам необходимо время, а именно в 2025 г. мы сможем дать личное мнение цифрового рубля. У населения России остаются вопросы, один из них: «Стоит ли доверять цифровому рублю», поэтому не все детали еще остаются нам понятными. Это переход к новому этапу финансового рынка Российской Федерации.

Это сложный и многогранный процесс развития новой валюты. Со временем мы сможем понять и выделить для себя наиболее лучший вариант средства платежа в Российской Федерации. Увидим, впишется ли цифровой рубль в финансовую жизнь России и насколько успешно он сможет решить вопросы как государства, так и населения Российской Федерации.

Список литературы

1. Договор счета цифрового рубля между оператором платформы цифрового рубля и участником платформы цифрового рубля (приложение к письму Банка России от 7 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Свечникова Н. В., Шильдина М. В. Цифровой рубль: теория и перспективы правового регулирования // Экономика. Право. Общество. 2021. № 3. С. 54–60.
3. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Игнатенкова А. Ю.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В Российской Федерации права человека признаются высшей ценностью, что придает исследованию особую актуальность. Одна из важнейших задач государства – защита законных прав и интересов участников гражданских правоотношений. Конституция Российской Федерации является гарантом такой защиты [1]. В ситуациях повышенной опасности граждан и при наличии высокого уровня различных угроз, изучение темы защиты гражданских прав не может оставаться незамеченной.

Каждый участник гражданских правоотношений обладает правом на защиту, которое является частью субъективного права таких лиц. В настоящее время различные способы защиты гражданских прав закреплены в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

К ним законодатель относит:

- признание права (право собственности на объект недвижимости через суд, в результате чего имущество подлежит государственной регистрации);
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
- признание недействительным решения собрания;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащита права;
- присуждение к исполнению обязанности в натуре;
- возмещение убытков;
- взыскание неустойки;
- компенсация морального вреда;
- прекращение или изменение правоотношения;

¹ © Игнатенкова А. Ю., 2024.

– неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, и иные способы.

Отметим, что ст.ст. 12–16.1 ГК РФ во многом посвящены разъяснению вопроса защиты гражданских прав, в них поясняется суть отдельных способов такой защиты, содержится их подробное описание. Данный перечень носит открытый характер, является неокончательным и дает право на применение иных способов защиты, не противоречащих законодательству Российской Федерации.

Ученые-цивилисты не дают единого определения способам защиты, существуют разные мнения и взгляды на этот счет, обобщая которые можно сформулировать, что в рамках гражданского права «способ защиты» представляет собой различные воздействия, указанные законодателем, на отношения между людьми в обществе, цель которых – восстановление имущественных и личных неимущественных прав, которые были нарушены или оспариваются.

Далее, можно сформулировать группы в виде отдельных категорий защиты гражданских прав, которые возникают в зависимости от сложившихся обстоятельств, особенностей ситуации, цели применения защитных мер и т. д. Отдельные обстоятельства, специфика применяемого права, характер совершенного правонарушения, цель, преследуемая в ходе применения мер защиты – это те критерии, от которых зависит выбор способа гражданско-правовой защиты. Важно, что каждая рассматриваемая ситуация имеет индивидуальный характер, именно поэтому единого и универсального способа защиты не существует. Однако некоторые теоретики придерживаются мнения о том, что возмещение убытков представляет собой ту самую универсальную меру защиты. Например, такую позицию освещает в своих трудах кандидат юридических наук, доцент Н. Г. Айдарова, отмечая, что такая мера наиболее полно обеспечивает восстановление прав и интересов лиц, которые понесли определенные имущественные потери. При этом, по мнению Е. М. Клименковой, способ защиты зависит от конкретного нарушения, что опровергает универсальность такого способа, как возмещение убытков. Кроме того, важно обратить внимание на существование ряда других обременений для правонарушителей, выделенных законодателем, которые необходимы для применения в отдельных случаях: уплата неустойки, потеря задатка, уплата неустойки, возмещение морального вреда и иные. С ними также сочетается возмещение убытков для более эффективного достижения результата защиты.

Следует отметить также важность выбора конкретного способа защиты прав, который будет являться самым подходящим в сложившейся ситуации и, конечно, правильность его применения. В юридической литературе можно найти два подхода к выбору способа защиты: субъективный (любой способ по убеждению истца) и объективный (порядок и пределы применения конкретного способа защиты зависят от содержания защищаемого субъективного права, характера его нарушения, правового статуса нарушителя) [7]. В соответствии со ст. 148 ГПК РФ или ст. 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора [3]. В ситуации, когда суд принимает решение о том, что из-

бренный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, отказать в принятии искового заявления – неправомерно.

Способы защиты гражданских прав могут осуществляться как в юрисдикционной, так и неюрисдикционной формах. Юрисдикционная форма осуществляется через уполномоченные органы, такие как суды, арбитражные суды, третейский суд и т. д. Она может быть реализована в общем (рассмотрение дела в судах районных, областных и иных судах общей компетенции) и специальном порядке (административная защита через рассмотрение поданных жалоб). Кроме того, законом предусмотрена возможность смешанной формы защиты прав. В данном случае участник, чьи права и интересы нарушены, обращается в государственный орган управления с жалобой, а затем уже в суд.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод о том, что многообразие способов защиты гражданских прав предоставляет субъектам гражданских правоотношений широкие возможности для восстановления нарушенных прав. Наличие такой вариации помогает эффективнее решить сложившуюся ситуацию, поскольку правильный выбор способа является определяющим аспектом для успешного рассмотрения сложившегося спора. Важно помнить, что основная цель государства – защита прав и свобод человека и гражданина, поэтому федеральное законодательство закрепляет различные способы защиты нарушенных прав, что помогает субъектам правоотношений действовать быстро и верно в возникшей ситуации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ), от 14.03.2020 № ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.12.2020. № 52. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.
4. Четвертаков И. М. К вопросу об общей теории систем // Организатор производства. 2009. Т. 43. №. 4. С. 24–26.
5. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма ; Инфра-М, 2010.
6. Российское гражданское право: учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011.
7. Максимов В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 76–83.

Игнатова С. А.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАСЛЕДСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ ФОНДАХ

С 2001 г. российское наследственное право значительно трансформировалось, отражая развитие различных концепций, включая семейную диспозитивность и «мистическое оживление» наследства. Важнейшей из них является концепция диспозитивности, которая укрепились в законодательстве России, представляющая наследодателям обширные возможности для распоряжения своим имуществом после смерти (с приоритетом завещательного наследования).

До 2001 г. в Гражданском кодексе РСФСР было только две очереди наследников. С мая 2001 г. число очередей увеличилось до четырех, а с марта 2002 г. – до восьми, причем очередность наследования теперь основывается на степени родства. В 2013 г. были внесены дополнительные уточнения, касающиеся наследования выморочного имущества.

Далее, были внесены дополнительные масштабные изменения, расширяющие возможности распоряжения имуществом на случай смерти, что значительно улучшило и упростило процесс наследования [4].

В соответствии с Федеральным законом от 29.07.2017 № 259-ФЗ [10] в ГК РФ были внесены изменения, затрагивающие создание и управление наследственными фондами. Эти правовые новации вызвали обсуждения в юридическом сообществе, связанные с теоретическими и практическими аспектами их применения.

Статья 123.20-1 ГК РФ [9] устанавливает основные принципы управления наследственными фондами, определяя их как структуры, созданные на основе завещания для управления имуществом умершего. Управление этим имуществом может быть как бессрочным, так и временным, в зависимости от условий завещания.

Анализируя взаимосвязь между нормами о наследственном фонде и общими принципами корпоративного права, важно рассмотреть юридические аспекты функционирования наследственных фондов. С. Ю. Поваров [8] отмечает, что из-за особых правил, регулирующих наследственные фонды, общие положения

¹ © Игнатова С. А., 2024.

о фондах не могут быть применены к ним напрямую. Это связано с тем, что, хотя наследственные фонды формально включены в раздел ГК РФ, посвященный некоммерческим унитарным организациям, их особая природа вызывает дискуссии о соответствии этой категории.

М. А. Карташов поднимает вопрос о присущих наследственным фондам корпоративных механизмах управления. Тем не менее необходимо провести четкое различие между корпоративными методами управления наследственным фондом и корпоративной природой правоотношений, возникающих в процессе его создания [2]. Права, характерные для участников корпораций, не распространяются на унитарные юридические лица, к которым относятся все фонды, согласно п. 5 ст. 123.17 ГК РФ [9] и Федеральному закону № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [13]. Следовательно, права выгодоприобретателей напрямую зависят от юридического статуса наследственного фонда.

Важно рассмотреть роль наследственного фонда в наследственных правоотношениях, которая определяется завещанием. В процессе формирования фонда особое внимание уделяется условиям его управления. Законодательство определяет, что в случае неисполнения нотариусом своих обязанностей по учреждению фонда, заинтересованные стороны, такие как выгодоприобретатели, могут влиять на действия нотариуса, вплоть до обращения в суд.

Центральное место в создании наследственного фонда занимает фигура нотариуса, чьи задачи и полномочия детально прописаны в ГК РФ и других нормативных актах. Например, после открытия наследственного дела нотариус обязан в трехдневный срок подать заявление о регистрации фонда в соответствующем государственном органе.

Исследование вопросов, связанных с организацией наследственного фонда, позволяет выявить ряд проблем в применении ст. 123.20-1 ГК РФ. Одной из основных трудностей является неоднозначность в нотариальной практике, что может вызвать задержки в регистрации юридического лица. Эти задержки особенно важны в контексте наследственной массы, которая передается в фонд, поскольку с момента смерти завещателя до момента официального принятия наследства ее правовой статус остается неясным. Такая неопределенность может привести к финансовым потерям, негативно сказывающимся на интересах получателей выгод и третьих лиц.

Существенной проблемой в процессе формирования наследственного фонда является выбор его управляющих органов. Закон требует получения согласия от кандидатов на участие в управлении фонда, но не предусматривает четких инструкций в случае их отказа или несогласия. Так, А. Р. Муратова подчеркивает, что неопределенность в этих вопросах может снизить эффективность учреждения наследственного фонда. Текущее законодательство не предоставляет механизмов воздействия на потенциальных управляющих фонда со стороны выгодоприобретателей или нотариусов [3]. Без согласия кандидатов наследственный фонд не может быть создан, что лишает его статуса субъекта права.

Далее, следует обратить внимание на ст. 53.1 ГК РФ [9] и возможность ее применения к статусу выгодоприобретателя. Существует предположение, что предоставление выгодоприобретателям права подачи исков на возмещение

убытков, причиненных наследственному фонду, может улучшить ситуацию. Однако возникает вопрос о правовом режиме наследственной массы, переданной фонду до официального его создания. Особенно проблематичным является предложение о признании этого имущества собственностью фонда с момента смерти наследодателя, ведь существует риск, что фонд вообще не будет создан.

Также важно определить особенности статуса кандидатов в управляющие органы наследственного фонда. Закон не требует от них особых знаний, что придает отношениям между наследодателем и потенциальным управляющим фидуциарный характер, означающий отсутствие у кандидатов прямых прав и обязанностей по управлению и созданию фонда. При этом аналогия с гл. 53 ГК РФ [9] неэффективна, так как последняя ориентирована на обязательственные правоотношения, в отличие от корпоративного характера вопросов, связанных с созданием наследственного фонда.

Таким образом, автором был проанализирован ряд важных аспектов, связанных с созданием и управлением наследственными фондами, сформулированы конкретные предложения для улучшения действующего законодательства и практики. Настоящее исследование подчеркивает, что особое правовое положение наследственных фондов требует отказа от применения к ним общих законодательных положений, особенно в контексте учреждения фонда на основании единоличного решения учредителя.

Для устранения проблем, связанных с коммерческим характером наследственных фондов, предлагается внести изменения в ГК РФ, обязывая включать в завещательное распоряжение о создании фонда указание на его цели и виды деятельности. Это поможет уточнить правовой статус фонда и его деятельности. Кроме того, существует необходимость согласования общих положений о наследственных фондах с нотариальной практикой, а также устранения законодательных неточностей, которые могут негативно сказаться на правах выгодоприобретателей и привести к финансовым потерям.

Список литературы

1. Демкина А. В. Личные фонды в рамках реформы наследственного права России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 12 (243).
2. Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. №. 10. С. 83–90.
3. Муратова А. Р. О некоторых аспектах создания наследственного фонда // Гражданское право. 2020. №. 1.
4. Наследование выморочного имущества // URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-3/razdel-v/glava-63/statja-1151/>.
5. Основные положения об общественно полезном фонде (действующая редакция) // URL: <https://www.zakonrf.info/gk/123.17/>.
6. Органы юридического лица // URL: https://www.audit-it.ru/gk/53_1.html.
7. Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, опреде-

ляющих действия юридического лица // URL: https://www.audit-it.ru/gk/53_1.html.

8. Поваров Ю. С. Управление наследственным фондом: структурно-организационный аспект // Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов в условиях конвергенции частного и публичного права. 2018. С. 151–157.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. № 233. 28.11.2001.

10. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис».

11. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис».

12. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // НПП «Гарант-сервис».

13. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О некоммерческих организациях» // НПП «Гарант-сервис».

Ким А. Д.¹,

студент юридического факультета

Университета прокуратуры Российской Федерации,

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Богданов А. М.²,

студент юридического факультета

Университета прокуратуры Российской Федерации,

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Научный руководитель:

Порохов М. Ю.,

доцент Университета прокуратуры Российской Федерации,

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал),

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ И ОБЪЯВЛЕНИИ ЕГО УМЕРШИМ

Актуальность проблем правового регулирования безвестного отсутствия гражданина и юридической констатации смерти – признания лица умершим в настоящее время в России достаточно велика. По данным официальной статистики МВД России, ежегодно пропадает без вести более 180 тыс. человек, из них удается обнаружить лишь порядка 80 % [1]. Как следствие, в российские суды ежегодно направляется несколько тысяч заявлений о признании граждан безвестно отсутствующим и объявлении умершими. Так, в 2022 г. судами было рассмотрено 4,6 тыс. таких дел, удовлетворено 3,8 тыс. обращений [2]. Особую актуальность данной проблеме придает использование вооруженных сил Российской Федерации в боевых действиях, участвовавшие вооруженные нападения на гражданские и промышленные объекты на границах России, что в ближайшие годы неизбежно повлечет увеличение числа обращений в суды по данной категории дел.

Как следствие, необходимы грамотная процессуально-правовая регламентация, а также формирование единой судебной практики по данному вопросу. Более того, назрела необходимость реформирования процессуально-правового регулирования признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим.

Такие попытки предпринимались в истории нашей страны неоднократно. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г. рассматриваемый институт получил более детальную регламентацию в сравнении с дореволюционным, однако, как отмечают исследователи, в беспокойное время 1920–1950-х гг. объем регулирования рассматриваемых правовых отношений был очевидно недостаточным и несоразмерным, в частности, отсутствовало нормативное определение самого

¹ © Ким А. Д., 2024.

² © Богданов А. М., 2024.

понятия «безвестное отсутствие», но главное – не были детально урегулированы процессуальные аспекты безвестного отсутствия и признания умершим [3]. Вторая попытка была предпринята в послевоенный период, когда масштабы безвестного отсутствия советских граждан были поистине огромны: таковыми по окончании ВОВ числились порядка 4,5 млн солдат и офицеров [4]. Именно в этот период процессуальные аспекты безвестного отсутствия и объявления умершим получили урегулирование в гл. 28 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (ГПК РСФСР) 1964 г., где в ст.ст. 252–257 были определены правила подачи заявления, действия судьи после принятия заявления, а также обязательность участия прокурора в процессе (ст. 255) [5]. Сформировавшаяся в тот период модель рассмотрения данной категории дел практически без изменений легла в основу современной, закрепленной в гл. 30 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [6].

Однако достаточно существенные изменения всех сфер жизни общества в современной реальности порождают необходимость ревизии норм действующего процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Первая проблема, активно дискутируемая в науке процессуального права и в экспертном сообществе, связана с правовой регламентацией круга лиц-заявителей по делам рассматриваемой категории.

В соответствии со ст. 276 ГПК РФ заявление подается заинтересованным лицом, для которого факт признания гражданина безвестно отсутствующим и объявление умершим может повлечь определенные правовые последствия. Как правило, таковыми традиционно являются члены семьи, иждивенцы, претендующие на наследство или на получение пенсий, субсидий, льгот. В то же время легальный юридически закрытый перечень лиц, которые могут выступать в качестве заинтересованных, отсутствует, не формализовано понятие «юридический интерес», что сужает возможный круг потенциальных заявителей и порождает правовую неопределенность. Таким образом, далеко не все заинтересованные лица могут выступать в качестве заявителя по делам данной категории [7]. Анализ судебной практики показывает, что нередко случаи, когда заявителями выступают организации, органы местного самоуправления, кредиторы и т. п. В тех имеющих место на практике случаях, когда близкие родственники намеренно не обращаются в суд с заявлением о признании гражданина безвестно отсутствующим в целях владения и пользования его имуществом, обращение иных заинтересованных лиц является основанием для защиты их имущественных интересов.

В практике российских судов имеет место расширенное толкование перечня заинтересованных лиц. Так, часто приводимое исследователями в подтверждение тезиса о необходимости расширенного толкования перечня заинтересованных лиц Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 1 марта 2015 г. по делу № 33-1051/2015 указывает, что по смыслу ст. 276 ГПК РФ этот перечень включает такие категории, как супруг, родственники, члены семьи, кредиторы, взыскатель, работодатель и другие лица [8]. В то же время следует отметить, что указанное апелляционное определение касалось признания безвестно отсутствующим отца несовершеннолетнего ребенка, заявителем в про-

цессе выступала мать ребенка – законная супруга отсутствующего гражданина, но не иные, – собственно, спорные – категории лиц.

На практике же позиции судов о допустимости признания лиц, не относящихся к числу близких родственников и членов семьи заявителями, разнятся. Приведем два диаметрально противоположных решения суда.

В первом случае ООО «Технические службы» обратилось в суд с заявлением о признании гражданина безвестно отсутствующим для расторжения с ним трудового договора. Суд первой инстанции вынес определение об отказе в принятии заявления. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда оставила определение в силе, обосновывая это тем, что заявление могут подавать лица, для которых решения суда по такому делу будет являться правовым основанием возникновения собственных прав заявителя, к каковым ООО «Технические службы» отнести нельзя [9].

Во втором случае по аналогичному делу заявление ПАО «Камчатскэнерго» было принято городским судом г. Петропавловска-Камчатского Камчатского края, который удовлетворил требования заявителя – юридического лица [10].

Исходя из этого, напрашивается вывод о том, что подобные случаи нарушают права организаций и вследствие чего необходима более тщательная проработка положений гл. 30 ГПК РФ в части ограничения категорий заявителей. Конкретизация правового статуса иных, кроме родственников и членов семьи заявителей, на наш взгляд, в наиболее эффективной форме может быть сформулирована и закреплена в качестве позиции Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Последнее, избегая внесение поправок в ГПК РФ, позволит унифицировать судебную практику и повысить уровень правовой защиты добросовестных заявителей.

С рассмотренной нами непосредственно связана и другая проблема, привлекающая внимание процессуалистов, – добросовестность заявителей в делах данной категории.

Норма ст. 277 ГПК РФ обязывает заявителя указать цель признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим. Как свидетельствуют данные исследований, именно по подобным делам весьма нередки разнообразные мошеннические схемы, к которым прибегают заявители, сообщая суду недостоверные сведения из корыстных (например, стремление получить выплаты по потере кормильца, унаследовать имущество гражданина и пр.), преступных (сокрыть факт нахождения лица, например, разыскиваемого преступника или злостного должника, в живых) или даже низменных побуждений (классический пример – сообщение ложных сведений о смерти главного героя на войне из ревности и зависти к нему приведен в романе В. Каверина «Два капитана»).

Как справедливо отмечают исследователи, на данный момент вопрос о добросовестности в рамках дел особого производства о признании гражданина безвестно отсутствующим или умершим имеет общий характер, как и в иных гражданских делах» [11]. Предлагаемое отдельными юридическими блогерами «решение проблемы» в виде обязательной психологической экспертизы, исследования на полиграфе, представляется нам утопическим по причине не столько

дороговизны, сколько неэтичности. Суды должны исходить из презюмирования добросовестности заявителя и в то же время скрупулезно добывать и изучать материалы по делу, подтверждающие, что установить место пребывания гражданина, факт нахождения его в живых действительно невозможно.

Такая обязанность возложена на суды в соответствии со ст. 278 ГПК РФ, определяющей круг действий судьи при подготовке дела к судебному разбирательству. В том числе установление круга лиц, могущих сообщить сведения о возможном нахождении гражданина, запросы в соответствующие организации по последнему известному месту жительства, месту работы отсутствующего гражданина, органы внутренних дел, службу судебных приставов (данное дополнение в перечень было внесено в 2018 г. [12]), воинские части об имеющихся о нем сведениях. Данным перечень является закрытым, исчерпывающим, что создает определенные проблемы процессуального характера. Прежде всего, это связано с тем обстоятельством, что далеко не каждый гражданин является официально трудоустроенным и проживает по месту регистрации. Закрытость перечня, с одной стороны, избыточна (одной из актуальных проблем процессуального характера исследователи называют игнорирование судами указанных запросов, ограничение запросами по месту жительства и (или) трудоустройства [11]). С другой – она чрезмерна, поскольку не исключает, но и прямо не предусматривает целый ряд возможностей (например, обращения в учреждения ФНС, банковские организации о движении денежных средств гражданина, уплачиваемых им налогах).

Рассмотрим следующий достаточно показательный пример. В Кемеровский районный суд Кемеровской области поступило заявление сына гражданина Глухова, ходатайствующего о признании отца умершим с целью получения наследства. Судом были направлены запросы в учреждения здравоохранения (о наличии сведений в базе данных отдела судебно-медицинской экспертизы трупов), в органы загс (о наличии зарегистрированных сведений о смерти лица), а также получены объяснения от участкового уполномоченного отдела полиции, пояснившего, что по месту жительства указанный гражданин не проживает. Кроме того, было допрошено двое свидетелей (знакомых, некоторое время тренировавшихся с Глуховым в одном спортзале) [13].

На наш взгляд, в данном случае налицо формальный, поверхностный подход к исследованию доказательств. Судом не были предприняты, в частности, меры к розыску бывшей жены и второго сына Глухова, поскольку, как следует из решения, они «уехали в неизвестном направлении», соседей, сослуживцев.

Гораздо более ответственный подход суда к исследованию обстоятельств безвестного отсутствия гражданина демонстрируют материалы Решения Шолоховского районного суда Ростовской области по делу № 2-798/2021 о признании умершим гражданина Синьгина. Судом были направлены запросы не только в органы полиции, но и в органы социального обеспечения, ПФР, ФМС и ФССП России, проверены данные о ДТП, об утере и восстановлении паспорта, о привлечении к уголовной и административной ответственности, действующих исполнительных производствах и ряд других. В то же время судом не было опрошено ни одного свидетеля из числа лиц, знавших пропавшего [14].

Обращение заинтересованного лица в суд по делам о признании лица безвестно отсутствующим и объявлении умершим в силу ст. 267 ГПК РФ предполагает указание на цель установления данного факта для заявителя. Помимо проблемы добросовестности, самостоятельной актуальной проблемой в практике рассмотрения дел данной является неоднозначность трактовок судами обстоятельств отсутствия гражданина.

Приведем следующий пример: судом первой инстанции было удовлетворено заявление Дуцевой о признании безвестно отсутствующим отца ее малолетней дочери гражданина Королева, о котором отсутствовали сведения в течение трех лет. На протяжении длительного времени в отношении Королева проводились оперативно-разыскные мероприятия, он был объявлен в федеральный розыск, однако выяснить его местонахождение не представилось возможным. Апелляционный суд отменил решение нижестоящего суда, указав, что факт объявления лица в федеральный розыск является исключительным основанием для отказа в удовлетворении требования о признании гражданина безвестно отсутствующим, поскольку свидетельствует об умышленном сокрытии гражданином места своего пребывания. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила данное решение, указав на неправильную трактовку судом апелляционной инстанции норм материального права [15]. Еще в 2013 г. в известном прецеденте по делу о признании умершим гражданина Итальянцева Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что уголовно-процессуальный статус пропавшего лица не может стать формальным препятствием для признания его умершим в порядке гражданского судопроизводства [16]. Рассмотренный нами пример свидетельствует, что данная проблема нуждается в дополнительной правовой регламентации, направленной на четкое разграничение возможных противоправных целей пропавшего и правомерных целей заявителя, чему может способствовать законодательное закрепление презумпции добросовестности заявителя.

Еще одной проблемой как материального, так и процессуального характера по рассматриваемой категории дел исследователи называют закрепленные в ст.ст. 42 и 45 ГК РФ сроки, с учетом которых суд может вынести решение о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявить его умершим. Действующий 5-летний срок розыска безвестно отсутствующего, по мнению исследователей, в период развития мобильных средств коммуникации и систем поиска является неоправданной длительным [11]. С этим, на наш взгляд, можно согласиться лишь отчасти, поскольку, как свидетельствуют данные МВД России, до трети пропавших это старики и дети, чей доступ к мобильным устройствам зачастую затруднен и невозможен.

Мы же хотим обратить внимание на другую проблему, также касающуюся сроков обращения в суд по делам о безвестном отсутствии и объявлении умершим. В ч. 2 ст. 45 зафиксировано правило, согласно которому военный или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий. В апреле 2023 г. был введен особый сокращенный порядок признания безвестно отсутствующими и объявления умершими

военнослужащих, участвовавшим в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, государственных и гражданских служащих, осуществляющих деятельность, и гражданских лиц, проживающих на соответствующих территориях в период проведения специальной военной операции [17]. Срок отсутствия сведений для целей признания безвестно отсутствующим для этих категорий составляет 6 месяцев, если же лицо пропало без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, то в течение полугода суд вправе объявить его умершим.

В связи с введением в действие указанных сокращенных норм возникает определенная трудность в исчислении процессуальных сроков. Помимо участников СВО, датировка начала которой однозначна – 24 февраля 2022 г., под действие закона подпадают также лица, участвовавшие «в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики».

Данная формулировка, по нашему мнению, на практике будет представлять огромную проблему для судов в связи с отсутствием однозначного статуса вооруженного конфликта на Донбассе.

Таким образом, рассмотрев отдельные процессуальные сложности в связи с рассмотрением судами дел о признании граждан безвестно отсутствующими и объявлении их умершими, сделаем некоторые выводы.

Во-первых, очевидно, что данный институт в процессуальном праве относительно (в сравнении с материально-правовыми его аспектами) молод и в сравнении с советским периодом его развития не претерпел существенных изменений. Мы вынуждены согласиться с теми исследователями, кто заявляет о несоответствии сложившейся модели регулирования современным реалиям – частной собственности (и несравненно большей заинтересованности наследников, иждивенцев), предпринимательству (необходимости защиты прав кредиторов), тому же распространению гаджетов и средств розыска пропавших. Эти изменения должны быть изучены и отражены в законодательстве, в том числе на процессуальном уровне.

Во-вторых, самостоятельной большой проблемой является ответственный, добросовестный подход судей к исследованию достоверности сведений, сообщаемых заявителем, а также обстоятельств отсутствия гражданина. В данном случае, прежде всего, мы предлагаем отказаться от практики закрытого перечня обязанностей суда, формализованного в ст. 278 ГПК РФ, и тем более практики ее «точечного» расширения за счет указания новых категорий государственных органов и организаций (именно этот путь избран законодателем). Требуется изменение действующей нормы посредством закрепления обязанности суда добросовестно осуществлять поиск возможных сведений о местонахождении лица любыми возможными способами при соблюдении принципов разумности и достаточности.

Список литературы

1. С начала 2021 года без вести пропали 97 тысяч человек // Сайт «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/other/47157518/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.
2. Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел // Судебная статистика Российской Федерации. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0>.
3. Левченко И. А. Развитие института безвестного отсутствия в советском гражданском праве // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы V Международной научной конференции. Том 8. Часть 2 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 561–564.
4. Падалкина О. И. Становление и развитие института признания гражданина безвестно отсутствующим // Вестник магистратуры. 2019. № 11-3 (98). С. 87–88.
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002) (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2237/.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/12128809>.
7. Закаряева М. М. Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 90–99.
8. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 1 марта 2015 г. по делу № 33-1051/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gJ4CNegpWn5C/>.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 ноября 2016 г. по делу № 33-43707/16 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/e135d0d2-b85a-4790-9b1e-df3cf127d72a>.
10. Решение суда г. Петропавловск-Камчатский Камчатского края по делу №2-3532/2017 // Сайт «Судебные решения Российской Федерации». URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/25587584>.
11. Силена Е. В., Милащевская А. О. Проблемы рассмотрения дел о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении его умершим // Образование и право. 2022. № 8. С. 197–201.
12. Федеральный закон от 7 марта 2018 г. № 48-ФЗ «О внесении изменений в статью 278 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_292505/.
13. Решение № 2-317/2017 2-317/2017~М-200/2017 М-200/2017 от 25 апреля 2017 г. по делу № 2-317/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/umncbccyw8oj/>.

14. Решение № 2-798/2021 2-798/2021~М-669/2021 М-669/2021 от 12 ноября 2021 г. по делу № 2-798/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SbOr8d7PnA10/>.

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2014 г. № 15-КГ14-8 // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70708012/>.

16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2018 г. № 91-КГ18-6 // ЮИС Легалакт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30102018-n-91-kg18-6/>.

17. Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444698/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/.

Ковалева Д. А.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Мамонтов А. А.,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА НАСЛЕДОДА- ТЕЛЯ ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

Честь – это важная социально положительная оценка человека со стороны общественного мнения. Достоинство – это самооценка человека по моральным, профессиональным и другим качествам. Достоинство превращает человека из объекта влияния в активный субъект правового государства. Это государство дает человеку право на самоуважение, самоопределение и защищает выбор жизненных ценностей. В статьях Конституции Российской Федерации содержится ряд прав, которыми обладает гражданин. Среди них – социальные права.

Социальные права – это комплекс социальных благ, которые предоставляет государство для всех граждан. Несомненно, защита чести и достоинства относится именно к этой группе прав человека и гражданина. Даже после смерти лицо имеет право на защиту социальных прав, реализуется это через лиц, вступающих во всю совокупность правоотношений умершего наследодателя – наследников. Таким образом, можно сказать, что в самом общем виде целью государства является защита человеческого достоинства.

Обращаясь к вопросу о защите нарушенных прав граждан, стоит упомянуть, что защита гражданских прав – это определенные меры, направленные на восстановление нарушенных прав. В целом, это совокупность форм и средств защиты. Существуют две такие формы защиты – юрисдикционная и неюрисдикционная.

Неюрисдикционная форма защиты – это самостоятельные действия лица, обращение напрямую, т. е. без участия суда. Юрисдикционная форма защиты, напротив, предполагает обращение за защитой в компетентные государственные органы. Обращение в суд гражданина, чьи права были нарушены, считается классической конфигурацией обеспечения защиты нарушенного гражданского права лица.

В ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) закреплено, что защиту прав осуществляют суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с компетенцией указанных органов. Защита нарушенных прав судом является наиболее эффективной. Деятельность судов направлена на за-

¹ © Ковалева Д. А., 2024.

щиту прав и законных интересов всех граждан. После смерти человека обращение в суд по поводу защиты чести и достоинства осуществляется заинтересованными лицами, наследниками.

Как гласят скандинавские легенды, во времена нашествия викингов под руководством полумифического Рагнара Лодброка на земли Англии на свете жил викинг Харальд, именуемый Черным. В одном из набегов на земли туманного Альбиона Харальд пал смертью храбрых. И только Харальд Черный умер, сразу же хитрый и коварный скальд по имени Балгур, с коим Харальд враждовал, стал очернять могучего викинга в своих песнях, приписывая ему посмертно трусость, боязнь пасть в бою. Сын Харальда – Йомон, желая защитить честь и доброе имя отца, вызвал Балгура на священный для скандинавов ритуал – поединок. Йомон, победивший Балгура, доказал ложь его речей и восстановил доброе имя отца, защитил честь и достоинство умершего [6].

Казалось бы, эта ода о древних героях скандинавской мифологии была написана более тысячи лет назад, однако, даже невооруженным глазом видны определенные параллели с современной реальностью. В оде мы видим и умершего, чьи личные неимущественные права были нарушены, и лицо, распространяющее ложные сведения об умершем в своеобразных древнескандинавских СМИ, и наследника, который защитил имя умершего, и суд, соответствующий духу времени.

Сегодня судебная практика знает множество гражданских дел, поданных с целью защиты чести и достоинства истца. Право на имя, на честь, достоинство и деловую репутацию сохраняются у человека и после его смерти, а значит, и подлежат защите [5]. Гарантии защиты данных прав нормативно закрепляются в положениях ст.ст. 21, 23, 45 и 46 Конституции Российской Федерации [1]. Нормы, регламентирующие реализацию судебной защиты рассматриваемых личных неимущественных прав социального характера, закреплены в положениях ст.ст. 12, 19, 150, 152, 1099, 1100, 1251, 1266 ГК РФ [2].

Исходя из положений ст. 152 ГК РФ, защита чести и достоинства, деловой репутации и доброго имени умершего гражданина осуществляется исходя из тех же правил, что применяются в отношении живых граждан. За исключением того, что гражданское судопроизводство по данному спорному правоотношению возникает по требованию заинтересованного лица, в качестве которого может выступать наследник умершего [2].

Пленум ВС РФ в своем постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в п. 7 конкретизирует, что под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет. Можно отметить, что если сведения, порочащие личные неимущественные права умершего лица, распространяются в сети Интернет на ресурсах, которые зарегистрированы в качестве СМИ, в таком случае в ходе гражданского судопроизводства о защите доброго имени, чести и достоинства, деловой репу-

тации умершего лица суд будет руководствоваться нормами Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» [4].

Согласно п. 5 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» надлежащими ответчиками по таким искам являются авторы недостоверной информации и ее распространители:

- автор не соответствующих действительности порочащих сведений;
- лица, распространившие такие сведения.

Раскрытие данных пунктов опирается на ст. 2 того же Закона РФ «О средствах массовой информации». Так, если автор опубликованных несоответствующих действительности сведений неизвестен, ответственность за данное действие несет редакция.

В естественном порядке российского законодательства нарушенные личные неимущественные права умершего человека, защиту которых осуществляло заинтересованное лицо в виде его наследника, при удовлетворении иска в пользу истца должны быть восстановлены. С учетом того, что в рассматриваемом вопросе нарушаются права умершего человека посредством размещения в сети Интернет недостоверных сведений о нем, для восстановления его чести и достоинства наиболее логичным будет комбинирование ряда способов по восстановлению нарушенных прав [5].

1. Удаление недостоверной информации.

Однако с учетом специфики сети Интернет одного удаления информации, порочащей честь и достоинство умершего человека, будет недостаточно, ведь обычно данного рода информация может начать активно распространяться пользователями сети. С учетом этого наравне с первым необходимо прибегнуть и ко второму способу.

2. Опровержение недостоверной информации.

Способ опровержения в таком случае должен соответствовать способу распространения. Опровергающая информация должна быть опубликована на том же самом веб-сайте, в той же самой социальной сети, в том же печатном издании и т. п. Наследники умершего и иные близкие вправе самостоятельно распространять опровержения [5].

Для полного понимания актуальности данного вопроса важно рассмотреть судебную практику. В частности, обратим внимание на решение № 2-1526 от 29 мая 2010 г. Пресненского районного суда г. Москвы. 19 декабря 2009 г. на рассмотрение в суд был подан иск, содержащий требования о защите чести, достоинства и деловой репутации И. В. Сталина [8]. В рамках рассматриваемого гражданского производства в качестве истца выступил наследник И. В. Сталина – Е. Я. Джугашвили, который приходился советскому политическому деятелю внуком. В качестве ответчика выступили ЗАО «Эхо Москвы» и написавший статью, к которой у стороны истца были претензии, журналист М. Ю. Ганапольский [7].

В ходе прямого эфира на радиостанции «Эхо Москвы», с параллельной онлайн трансляцией эфира в сети Интернет, М. Ю. Ганапольский высказался

в сторону И. В. Сталина неподобающим образом. Е. Я. Джугашвили посчитал данное высказывание оскорбительным и обратился в суд для опровержения сведений, порочащих честь и достоинство его деда [7].

По результатам рассмотрения дела суд принял решение в требованиях иска отказать, вынося данный вердикт суд руководствовался положениями: ст.ст. 150, 152 ГК РФ, ст. 57 Закона РФ «О средствах массовой информации», ст.ст. 3–4 Декларации «О свободе политической дискуссии в СМИ» [9].

Итак, рассмотрев тему данной научной статьи, можно сказать, что после смерти человека за ним остается право на защиту таких социальных благ, как честь и достоинство. Данное право реализуется через наследников. Защита может осуществляться в 2 формах: юрисдикционной или неюрисдикционной. Восстановление рассматриваемых прав возможно опровержением или удалением недостоверной информации. Данные гарантии закрепляются законодательством Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // НПП «Гарант-сервис».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // НПП «Гарант-сервис».
3. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» // НПП «Гарант-сервис».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // НПП «Гарант-сервис».
5. Аюшеева И. З., Богданова Е. Е., Булаевский Б. А. Гражданское право : учебник : в 2 т. Том 1. М. : Проспект, 2020.
6. Джексон Т. Скандинавия: боги и герои, мифы и легенды. М. : Мартин – Полина, 1996.
7. Рябков А. А. Защита чести достоинства и деловой репутации умершего гражданина и государственного деятеля // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 7.
8. Решение № 2-1526 от 29 мая 2010 г. Пресненского районного суда г. Москвы // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/>.

Козлова М. Ю.¹,

*доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент*

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ

Различного рода технологические решения изменяют повседневную жизнь общества. Технологии внедряются в процессы осуществления правосудия, а также и в другие способы разрешения споров. В 2023 г. технология генеративного интеллекта получила очень широкое применение и обсуждалась на различных площадках. В научной литературе исследуются преимущества и риски применения технологий при разрешении споров. Изучается российский и зарубежный опыт цифровизации правосудия, особое внимание уделяется «умному суду» Китая.

Термин «умный суд» применяется не конкретному суду, а в целом к системе правосудия, которая должна быть справедливой, прозрачной, доступной, основанной на инновационных решениях. В Китае проводится соответствующая многоэтапная реформа, которая учитывает национальные особенности – большую численность населения, постоянно увеличивающееся число пользователей интернет, растущую нагрузку на судей.

Первый этап реформы (1996–2003) связывают с процессом оцифровки судебных актов и созданием сайтов судов. Второй этап (2004–2013) характеризуется внедрением технических средств и интернет-технологий в судебный процесс. Например, стала использоваться аудио- и видеозапись, а также появилась возможность дистанционного участия в судебной процедуре. С 2014 г. начался третий этап реформы, который заключается в применении искусственного интеллекта при принятии решений, при организации судебных процессов, при преобразовании голоса в текст на судебных слушаниях и т. п.

Концепция «умного суда» Китая предполагает доступность информации о судебных актах и об их исполнении, что обеспечивается через три судебные платформы [3]. С помощью системы «Интернет-информации о судебном процессе в Китае» участники спора получают актуальную информацию о своих делах. Система «Судебные акты Китая онлайн» публикует решения, вынесенные судами всех уровней в Китае, за исключением тех, которые не могут быть опубликованы открыто в соответствии с законом. «Информация об исполнении судебных решений в Китае онлайн» – это онлайн-платформа, на которой суды обнародуют список лиц, которые не исполнили судебные решения.

Существуют также специальные интернет-суды, разрешающие споры по договорам, заключенным посредством сети Интернет. Судебное разбирательство проходит в онлайн-режиме от подачи иска, вручения судебных документов до обмена и изучения доказательств, онлайн-слушания до вынесения решения. При этом суд может принять решение о переходе процесса в очный режим.

¹ © Козлова М. Ю., 2024.

В судах Китая используют технологию распознавания лиц для подтверждения личности истца, технологию машинного обучения для автоматического вынесения решений судьями, технологию блокчейн для сохранения доказательств. Разработаны мобильные приложения судов для доступа к судебному процессу, включая подачу искового заявления, документов, участия в судебном разбирательстве [3].

Достижения Китая в области цифровизации правосудия несомненны и вызывают уважение, однако, ученые, исследующие данное явление, высказывают целый ряд сомнений и опасений по поводу данного процесса. В основном эти опасения связаны с реализацией принципов справедливости и равенства.

В первую очередь это цифровое неравенство, которое может проявляться различным образом. Множество лиц не имеет доступа к сети Интернет и поэтому не может воспользоваться всеми возможностями онлайн-правосудия. Есть категория людей, испытывающих сложности в связи с ограниченными знаниями о смартфонах и приложениях для правосудия. Кроме того, различные суды могут получать различное техническое оснащение в соответствии с возможностями того или иного региона. Хотя отмеченные проблемы могут быть постепенно решены в будущем посредством технологических достижений, центральным вопросом остается вопрос о том, как можно добиться «справедливости», поскольку существует риск того, что сосредоточение внимания на дешевом и быстром разрешении споров будет достигнуто за счет справедливого результата [3].

Обычно выделяют три типа технологий. Первый тип – вспомогательные технологии, которые используются для информирования, поддержки и консультирования людей, участвующих в системе правосудия (прямая трансляция судебных слушаний). Второй – «технологии замены» каких-либо функций, которые ранее осуществлялись людьми (онлайн-регистрация дел и обмен доказательствами). Третий тип – использование прорывных технологий, которые могут изменить способ работы судей и юристов (так называемое алгоритмическое правосудие, когда проект решения генерируется искусственным интеллектом) [2].

Больше всего опасений вызывают прорывные технологии, которые потенциально могут трансформировать роль суда. Основной вопрос, который поднимается, может ли искусственный интеллект заменить судью и обеспечить справедливость судебного решения. Проблема связана с прозрачностью принятия решений и надежностью данных, используемых алгоритмом. Также обсуждается беспристрастность и независимость судей, которые могут излишне полагаться на автоматические решения. Обозначается и проблема информационной безопасности данных, доступ к которым получают компании, разрабатывающие системы искусственного интеллекта для правосудия [2].

В целом, однако, китайский «умный суд» можно рассматривать как прогресс на пути к прозрачному и доступному правосудию.

Развитие технологий приводит к изменению не только системы правосудия, но и системы альтернативного разрешения споров. В связи с ростом интернет-торговли возрастает число трансграничных конфликтов, связанных с ненадлежащим качеством товара, задержкой оплаты, невыполнением обещания

о предоставлении услуги и т. д. Цена таких требований, как правило, невысока и обращение к государственному правосудию представляется нецелесообразным. Получают развитие разнообразные средства, позволяющие разрешить спор.

Как отмечается в Технических комментариях ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн, такой механизм способствует «...сторонам в урегулировании спора простым, оперативным, гибким и безопасным образом без необходимости физического присутствия на каком-либо заседании или слушании» [5]. Могут использоваться электронные сообщения, иные информационно-коммуникационные технологии. Необходим посредник (администратор), обладающий необходимой технологической базой и содействующий процессу разрешения спора.

Важно отметить, что онлайн-урегулирование споров представляет собой принципиально новый механизм осуществления примирительных процедур и арбитража посредством использования технологической платформы онлайн-разбирательства споров [6].

Примером может служить разбирательство споров между продавцом и покупателем на платформе *eBay*. Пользователь через собственный аккаунт открывает диспут, используя средства коммуникации, предоставляемых платформой *eBay*. Стороны договариваются о приемлемом разрешении спора, что приводит к закрытию спора.

Технология блокчейн также может быть использована как платформа для альтернативного разрешения споров. Существует достаточно большое количество платформ, которые могут быть классифицированы как децентрализованная квазисудебная система [4].

Современная электронная коммерция выдвинула на передний план новую категорию споров, а именно мелкие транснациональные споры. Поскольку традиционные каналы разрешения споров (включая суды) плохо подходят для этой новой категории, платформы «децентрализованного правосудия» на основе блокчейна представляют собой жизнеспособную альтернативу [1].

Наиболее известными платформами, которые можно определить как децентрализованную квазисудебную систему, являются *Kleros*, *Aragon* и *Jur*. Это цифровой арбитраж, работающий с помощью технологии блокчейн. Используются различные способы отбора судей, в том числе, и не связанные с их компетенциями. Как правило, судьи делают выбор между двумя вариантами решений («да» или «нет»). Используются экономические стимулы для поощрения судей. Некоторые платформы позволяют обжаловать решения (*Kleros*, *Aragon*), а другие нет (*Jur*) [1].

Подобный метод разрешения споров, безусловно, имеет множество преимуществ перед традиционными способами, например скорость разрешения дел. Однако подобные платформы доступны далеко не всем лицам, а только держателем токенов, на которых работает платформа. Весьма сомнительным представляется и процесс отбора арбитров.

Таким образом, широкое распространение интернета, а также средств для получения доступа к нему, развитие экономических отношений в онлайн-среде

влекут изменение и системы разрешения споров. Изменяется не только государственное правосудие, но и системы альтернативного разрешения споров. Технологии не только дают преимущества участникам спора, но и порождают новые сложности и опасения.

Список литературы

1. Aouidef Y., Ast F., Deffains B. Decentralized Justice: A Comparative Analysis of Blockchain Online Dispute Resolution Projects // *Frontiers in Blockchain*, 2021, no. 4.
2. Papagiannenas S. Towards smarter and fairer justice? A review of the Chinese scholarship on building smart courts and automating justice // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2022, vol. 51, no. 2, pp. 327–347.
3. Shi C. Sourdin, T., Li B. The Smart Court – A New Pathway to Justice in China? // *International Journal for Court Administration*, 2021, no. 12 (1).
4. Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // *Lexrussica*. 2020. № 4.
5. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Технические комментарии ЮНСИТРАЛ по урегулированию споров в режиме онлайн // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/17-00384_r_ebook_technical_notes_on_odr.pdf.
6. Рожкова М. А. Об автоматизации онлайн-арбитража и онлайн-урегулирования коммерческих и потребительских споров // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей*. М. : Статут, 2019.

*Деревянко В. Э.¹,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Корчагина Е. А.²,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА В НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В юридической литературе отсутствует единое понимание «объект права», зачастую его заменяют синонимом «объект правоотношений». Б. М. Гонгало считает, что к объектам гражданского права следует отнести блага, в связи с передачей или принадлежностью которых у лица возникают права и обязанности. Основными признаками объектов гражданского права выступают:

- дискретность (физическая определенность);
- системность (наличие взаимосвязанных элементов);
- юридическая привязка.

Признак дискретности к цифровым объектам не может относиться, следовательно, отсутствие одного признака исключает принадлежность к объектам гражданского права.

Согласно ст. 128 ГК РФ объектами гражданского права выступают:

- вещи, в том числе наличные денежные средства и документарные ценные бумаги;
- иное имущество, в том числе имущественные права;
- результаты работ и оказания услуг;
- охраняемые результаты интеллектуальной деятельности;
- нематериальные блага [6].

Поправки, проведенные в законодательстве, выделяют новый объект гражданских прав – цифровые права. Они рассматриваются как узкоспециальная гражданско-правовая категория.

На сегодняшний день, согласно ст. 141.1 ГК РФ [6], под цифровыми правами понимаются обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Иными словами, это определение может включать в себя любое право, которое зафиксировано в цифровом виде. В качестве примера могут служить имеющиеся бонусы в приложении какой-либо организации, будто это банки ВТБ – Мультибонусы, Сбербанк – СберСпасибо, или магазины Пятерочка, Диски – с накапливаемой системой бонусов, которые в дальнейшем можно

¹ © Деревянко В. Э., 2024.

² © Корчагина Е. А., 2024.

тратить на покупки товаров, участвующих в акции. Такой перечень примеров будет расти, поскольку цифровой прогресс не стоит на месте.

Ранее законодатель к цифровым правам относил только те, которые возникают у лиц, пользующихся *ICO* и криптовалютой. По итогу существующее понятие в последней редакции рассматривает несколько шире.

Зорькин В., Председатель Конституционного суда Российской Федерации, считает, что по цифровыми правами понимаются: права граждан на доступ, а также создание, публикация цифровых произведений (совокупность произведений, созданных с использованием различного рода компьютерных технологий), право на доступ в интернет, право на использование электронных устройств, в том числе компьютеров, право на свободное выражение мнения, анонимность, конфиденциальность [7, с. 60].

Рассмотрим основные особенности цифровых прав:

1. Реализация осуществляется в информационном обществе. Следует помнить, что информационным является только общество XXI в.

2. Инструмент реализации интернет.

3. Двойственный характер свойственен технологическому прогрессу. Во-первых, упрощение реализации информационных прав и свобод. Во-вторых, создание новых угроз их ущемления со стороны не только частных компаний, но и государства.

Обязательный признак цифровых прав – осуществление и распоряжение ими возможны только в информационной системе и не требуют обращения к третьим лицам. Правила информационной системы устанавливаются Федеральным законом № 259-ФЗ, а именно ст. 4 [1].

Главный критерий цифровых прав – наличие виртуальной коммуникации субъектов, сеть которой в настоящее время увеличивается.

Замена понятия «цифровые права» на «токен» также создает ряд вопросов. Понятие токена является многозначным и используется в основном в онлайн-бизнесе, а также в иных отраслях. Специальная классификация токенов отсутствует, но в научных статьях авторы упоминают инвестиционный и служебный виды.

А. М. Лаптева отмечает, что в юридической доктрине выделяют ряд признаков, которые характеризуют токен, а именно:

- существование в определенной информационной системе (блокчейн);
- удостоверение им права на объект гражданских прав [8, с. 49].

Рассмотрим субъекты, объекты и предметы цифровых прав.

Первостепенную особенность имеет предмет цифрового права, который выражен нематериальной природой цифровых объектов. Это обусловлено тем, что их создание происходит с помощью цифровых технологий. Рассматриваемые объекты целесообразно признавать как имущественные права ввиду того, что они носят в себе экономическую ценность или же эта ценность является потенциальной. Что касается распоряжения или отчуждения данного типа прав, то этот процесс может осуществляться с помощью договора, который заключается между субъектами. Более того, подобные соглашения могут осуществляться

на основании правил, установленных третьими лицами. Последними могут выступать владелец сайта или онлайн-платформой, а также оператор.

Объектами цифровых прав можно назвать нематериальные объекты, выступающие результатом применения цифровых технологий. К объектам относят:

- цифровые рынки и биржи;
- токен (несмотря на то, что ранее приравнивалось данное понятие к «цифровые права»);
- крипто-валюта (официально не закреплено);
- онлайн-агрегаторы (пространство для онлайн-торговли, с возможностью покупателя сравнить услуги или товары по стоимости на разных площадках и найти для себя наиболее выгодное предложение);
- цифровые двойники (математическая модель выражает цифровую реальность);
- средства удаленного вычисления, а именно облачные сервисы;
- цифровые кошельки (возможность создания виртуальных денежных средств, а также карт для использования в дальнейшем при оплате офлайн-покупок).

В гражданско-правовом обороте данные объекты самостоятельного участия не принимают.

Субъектами цифровых прав могут выступать юридические и физические лица. Цифровые идентификаторы выступают определением участия таких субъектов. Такими цифровыми идентификаторами выступают:

- искусственный интеллект;
- пароль и логин;
- имя (никнейм);
- компьютерный код;
- персональный номер (*ID*).

К специальным субъектам цифровых прав могут относиться: владельцы хостингов, операторы различных платформ, провайдеры, информационные посредники, владельцы интернет-сайтов. Индивид не рассматривает уже как субъект. Д. З. Ганиева выделяет основные черты, которые свойственны «человеку информационного типа», в число которых входят:

- решение вопросов происходит посредством применения информационных технологий;
- ярко выраженные нематериальные стимулы;
- жизненный приоритет заключается в развитии навыков командной работы;
- коммуникативность.

Таким образом, цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Данный вид прав обладает объектами (токен, криптовалюта, цифровые кошельки, цифровые двойники и прочее) и субъектами (физические и юридические лица), которые являются существенными, ввиду области (цифрового поля). Основная особенность цифровых объектов их нематериальная природа. В значимости закрепления цифровых прав

в качестве объекта гражданского права авторы не могут прийти к единому мнению, основная масса склоняется к тому, что это бессмысленная процедура.

Возможно выделить два основных направления развития правового регулирования цифровых прав:

Повышение значимости подзаконного регулирования с учетом специфических особенностей тех цифровых объектов в качестве цифровых прав, использование которых в российском законодательстве правомерно. Ослабить зависимость «информационной системы» и «цифровых прав».

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. С. 56–60.
8. Лаптева А. М. Правовой режим токенов // Гражданское право. 2019. № 2. С. 43–49.

Косолапова К. С.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Левкина Е. С.,
*преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ ГРАЖДАН, НАРУШЕННЫХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ежегодно с развитием информационно-телекоммуникационных технологий на фоне улучшения качества жизни и общественного благосостояния наблюдается и ряд негативных тенденций, зачастую в виде увеличения совершаемых в данной сфере преступлений и правонарушений. Так, согласно официальным данным, количество преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, в период с января по сентябрь 2023 г. в сравнении с аналогичным периодом прошлого года увеличилось на 29,2 % и составило 489 тыс. Стоит заметить, что 77 % преступлений от этого количества совершаются с использованием сети Интернет [8]. В этой связи мы не можем не отметить тот факт, что зачастую данное средство коммуникации используется в целях совершения противоправных действий в отношении наиболее значимых и важных для человека прав и свобод.

На сегодняшний день законодательство не содержит понятия нематериальных благ, но, несмотря на это, данная категория является неотъемлемой составляющей любого демократического государства. Уже из понятия очевидно, что данная категория благ не имеет материальной формы, и, соответственно, неотчуждаема и никоим образом не может быть передана иным лицам. В то же время необходимо отметить, что далеко не все нематериальные блага, закрепленные в ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) могут быть нарушены в сети Интернет. Наиболее частому нарушению подвергаются такие блага как:

- достоинство личности;
- честь и доброе имя;
- деловая репутация;
- неприкосновенность личной жизни;
- личная и семейная тайна;
- авторство
- иные нематериальные блага, круг которых не ограничивается законодательством. Как мы видим, данный список далеко не исчерпывающий, что мо-

¹ © Косолапова К. С., 2024.

жет порождать ряд сложностей в процессе защиты нарушенных нематериальных благ, в особенности в сети Интернет.

Несмотря на то что перечень нематериальных благ, рассмотренный нами, довольно внушительный, условно его можно представить в виде двух больших групп: блага, затрагивающие интересы частных лиц, и блага, охватывающие публичные интересы. В качестве основных категорий, представляющих частные интересы, можно выделить: честь, достоинство и доброе имя, в то время как во второй группе, в качестве ключевого блага, принято выделять деловую репутацию. Согласно гражданскому законодательству защита нематериальных благ, как и любые другие действия, касающиеся отстаивания прав, осуществляется на основании законодательных актов, которые, помимо общего порядка, закрепляют еще и отдельные способы защиты, которые напрямую зависят от сущности нарушенного нематериального блага и характера последствий произошедшего нарушения (ч. 2 ст. 150 ГК РФ).

В связи с вышеизложенным стоит рассмотреть наиболее распространенные случаи нарушения нематериальных благ посредством использования сети Интернет в рамках обозначенных нами ранее групп.

Защита чести и достоинства частных лиц гарантируется Конституцией Российской Федерации и регламентирована большим количеством законодательных актов. В то же время имеющиеся законодательные акты в условиях масштабного развития информационной среды, которое сопровождается увеличением скоростей распространения информации и ростом числа пользователей, зачастую несвоевременно реагируют на стремительные изменения в рамках компьютерных технологий. Это на сегодняшний день актуально, так как неограниченное количество лиц, имеющих минимальный набор специальных познаний в данной области и даже без таковых, могут:

- получить несанкционированный доступ к чужим аккаунтам и учетным записям в социальных сетях и на различных сайтах, которые, в свою очередь, содержат личные данные их владельцев, и дают право злоумышленникам осуществлять действия от имени владельца;
- зарегистрировать аккаунт или учетную запись под чужим именем, что также может быть использовано против лица, чьи данные были применены;
- анонимно распространять сведения, порочащие честь и достоинство граждан;
- использовать различные средства воздействия в отношении наиболее уязвимых социальных групп (подростки, пожилые люди, лица, имеющие психические отклонения, инвалиды и т. п.) [7, с. 58].

Судебная практика содержит большое количество подобного рода примеров. Так, согласно решению Первомайского районного суда г. Владивостока, сведения, распространенные гр. И. о гр. Ч. в социальной сети «Телеграмм» были признаны несоответствующими действительности, порочащими ее честь и достоинство. Вместе с тем в пользу гр. Ч. с гр. И. была взыскана компенсация морального вреда [4]. В то же время не всегда имеется возможность установить лицо, причастное к распространению сведений, порочащих честь и достоинство личности. В таком случае гражданин, чьи права были нарушены, согласно п. 8

ст. 152 ГК РФ, может обратиться в суд лишь с заявлением о признании несоответствующими действительности распространенных сведений. Так, по решению Кайтагского районного суда республики Дагестан от 27 апреля 2020 г. сведения, распространенные о гр. А., которые были размещены в социальной сети, были признаны несоответствующими действительности, порочащими его честь и достоинство. Помимо этого, суд решил признать данные сведения запрещенными к опубликованию на территории Российской Федерации и удалить их, а ссылку на страницу и саму страницу, где были размещены порочащие сведения, заблокировать [3].

Отметим, что публикация может представлять собой как текстовую информацию, так и изображения или видеоролики, ключевым во всех подобных случаях является лишь то, что размещенная информация является порочащей честь и достоинство конкретных лиц. При этом, как свидетельствует судебная практика, наибольшие сложности в данном направлении возникают в доказательной базе, а именно: в установлении лица и фиксации следов, что в последующем, в рамках гражданского производства, влияет на возможность возмещения морального вреда.

Далее, отдельно рассмотрим нарушение нематериальных благ в сфере публичных интересов, защита которых регулируется уже известной нам ст. 152 ГК РФ. В данном случае речь пойдет о защите деловой репутации юридических лиц. Среди нарушений подобного характера в практической деятельности известны случаи размещения в сети Интернет порочащих отзывов на товары и услуги, оказываемые какой-либо организацией, не подкрепленных достоверными фактами. Так, в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском обратилась компания, производящая лекарственные препараты. На один из препаратов, производимый данной компанией, в сети Интернет появился негативный отзыв в форме видеоролика, который, по мнению компании, был ложным. В результате размещенная информация была признана порочащей деловую репутацию компании. В связи с этим суд обязал ответчика возместить материальный ущерб истцу, а также удалить размещенный видеоролик и опубликовать в том же источнике опровержение [5]. Нередки также случаи использования наименования бренда на сайтах без разрешения правообладателя, а также распространение контрафактных изделий на так называемых «фейковых» сайтах, что может подорвать репутацию официальных представителей.

Таким образом, в рамках защиты деловой репутации юридического лица можно говорить о таких способах, как: признание информации не соответствующей действительности; опровержение недостоверной информации; удаление информации; ограничение доступа к информации и даже прекращение выдачи ссылок.

В рамках защиты гражданских прав остро стоит проблема установления надлежащей доказательственной базы. Это может происходить по разным причинам, например, запись, порочащую честь и достоинство, удалили, но перед этим ее успели увидеть другие люди. Но если данный факт не успели своевременно зафиксировать, то могут возникнуть сложности, в том числе при установлении ответчика. Опять же, информация, подрывающая деловую репутацию, в большинстве случаев размещается лицами, установление которых вызы-

вает определенные трудности. В этом случае истец может воспользоваться особым порядком установления факта распространения не соответствующих действительности сведений, согласно ст. 27 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации. Но в данном случае необходимо акцентировать внимание на том, что в рамках арбитражного судопроизводства будет обязан доказать ложность сведений [6, с. 216–217].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, отметим, что стремительное развитие информационной среды привело к повсеместному переходу общественных отношений значительной части населения нашей страны и всего мирового сообщества в глобальную сеть Интернет. Такой переход, помимо большого количества положительных моментов, привел и к увеличению случаев нарушений прав и законных интересов на просторах телекоммуникационных сетей. Вместе с тем быстрое развитие информационных сетей не позволяет своевременно реагировать на происходящие изменения законодательству. И как мы видим, в связи с этим у правоприменителей могут возникать сложности при осуществлении защиты и дальнейшем восстановлении нарушенных прав.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/.
3. Решение Кайтагского районного суда республики Дагестан по делу № 2-183/2020 от 27 апреля 2020 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1DtKoX56Y81E/>.
4. Решение Первомайского районного суда г. Владивостока по делу № 2-246/20 от 18 мая 2020 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5NQ1ZrFVqOLT/>.
5. Решение арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-58327/2021 от 1 июля 2021 г. // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/82f92b68-0e5c-4eb1-ae26-6ef896ca7276>.
6. Гаврилов Е. В. О новейшей практике Верховного Суда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, опорооченных в сети Интернет // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 211–217.
7. Самойлов В. Д., Нурадинов Ш. М. Правовые проблемы защиты чести и достоинства в интернете // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 57–61.
8. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–сентябрь 2023 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/>.

Криушина А. В.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Невозможность осуществления коммерческой деятельности без внедрения цифровых технологий рассматривается в качестве неоспоримого тезиса в современном имущественном обороте и находит свое подтверждение в доктринальных источниках. Е. Б. Подузова справедливо отмечает, что прибыльность ведения бизнеса и его качественное расширение имеют прямую зависимость от таких факторов как мобильность, возможность работы в режиме онлайн и «использование современных дистанционных механизмов взаимодействия» [7, с. 56]. Таким образом, наряду с иными видами правовых отношений, цифровизация охватила и коммерческую сферу, одновременно выдвинув перед участниками новые виды угроз их правам и законным интересам.

Потребитель традиционно признается «слабой» стороной при заключении того или иного соглашения. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из судебной практики, в том числе постановления Конституционного суда, где словосочетание «слабая сторона» используется в целях наиболее полного изложения обстоятельств дела и аргументации решения по нему [8]. В связи с этим дополнительная законодательная проработанность вопроса относительно положения потребителя, возможности которого подверглись дополнительным ограничениям в связи с переходом к электронной форме взаимодействия с контрагентом, остается по-прежнему востребованной задачей.

Стоит согласиться с необходимостью практической реализации позиции, провозглашенной В. А. Беловым, который отрицает «единый подход к регламентации статуса потребителя» [1, с. 33], указывая на невозможность использования способов защиты, свойственных исключительно физическим лицам. В своем исследовании он указывает на возможность отдельных категорий юридических лиц, а именно некоммерческих организаций, выступать в качестве потребителя. Тем не менее индивидуализацию подхода к защите прав потребителей следует производить не только по субъекту, но и по форме заключаемого соглашения, а именно по форме сделок [3]. Поддерживая сторонников признания электронной сделки в качестве самостоятельной формы, следует отметить

¹ © Криушина А. В., 2024.

ряд особенностей электронной коммерции, способных послужить предпосылками для нарушения прав потребителей и посягательств на их интересы, не свойственные иным формам соглашений.

Проанализировав содержание Закона «О защите прав потребителей» (ЗоЗПП), М. М. Налетова разделила закрепленные в нем права потребителей на следующие подгруппы:

- права, обеспечивающие просвещение в области защиты прав потребителей (ст. 3);
- права на получение товара (работы, услуги) в срок и надлежащего качества (ст. 4);
- права на безопасность товара (работы, услуги) (ст. 7);
- права на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах) (ст.ст. 8–10);
- права на судебную защиту (ст. 17) [6, с. 78].

Среди перечисленных категорий в условиях электронной коммерции важную роль приобретает право «на получение достаточной и достоверной информации о свойствах товара, об изготовителе», что связано с невозможностью покупателя рассмотреть товар и оценить его физические свойства, сделать обоснованный вывод о его качестве и пригодности для выполнения надлежащих функций. Именно принятие решения со стороны потребителя о приобретении выбранного им объекта, основанного исключительно на «предложенном продавцом описании товара» [6, с. 78], является специфической чертой рассматриваемого вида деятельности.

Стоит отметить, что предоставление контрагенту полной и достоверной информации входит в содержание закрепленного в п. 3 ст. 1 ГК РФ принципа добросовестности. Таким образом, деятельность продавца при осуществлении электронной коммерции, направленная на ограничение потребителя в получении необходимых сведений о товаре, представляет собой нарушение одной из норм-принципов, распространяющей свое значение на все гражданско-правовые отношения в целом. Абстрагируясь от морально-этического аспекта понятия «добросовестность», можно обратиться к трактовке данного определения законодателем, который предлагает исходить, в том числе, из поведения субъекта, содействующего другой стороне «в получении необходимой информации» [9]. В то же время, ст.ст. 8–10 ЗоЗПП имеют императивный характер и запрещают любое неполное или недостоверное доведение информации, регламентируя обязанность продавца своевременно и в полном объеме предоставить сведения о себе (изготовителе, исполнителе) и предлагаемом им товаре (услуге, работе), подтвердить свои полномочия.

Отдельное внимание в правовом регулировании электронной коммерции следует уделить конклюдентным действиям, воспроизведение которых является менее явным и очевидным для потребителя по сравнению с очным форматом приобретения. В данном случае под такими действиями можно понимать добавление товаров в «корзину», выставление «лайков» и иных «реакций» и обозначений в социальных сетях, голосование в опросах и др. Их смысловое со-

держание позволяет оценивать данные действия в качестве однозначного утвердительного ответа и приравнять таковые к согласию лица принять условия другой стороны. К. Р. Ситдиков к этой же категории относит *click-wrap contracts* – нажатие на кнопку «я согласен», «зарегистрироваться» или «принять» [12, с. 77] и отмечает, что зарубежные и российские суды признают юридическую силу подобных действий, считают их акцептом оферты и, следовательно, выносят решения в пользу оферента. Так, по одному из таких споров суд установил, что нажатие кнопки «принять» «свидетельствует об ознакомлении, понимании и полном согласии с условиями оферты о заключении договора, направленной обществом» [11].

Вопрос о признании подобных действий конклюдентными имеет дискуссионный характер и получил неоднозначную оценку. Так, например, американские суды ссылаются на то, что покупатель имеет «достаточно времени и возможностей» для полного ознакомления с условиями соглашения [10]. Автор статьи считает, что согласиться с данной позицией возможно лишь в части, так как на практике не исключены случаи недобросовестных действий со стороны продавца, заключающиеся в намеренном создании для потребителя условий, при которых ознакомление с информацией и дальнейшая работа на сайте (в приложении) становятся некомфортными или невозможными без нажатия последнего на «кнопку» согласия с соответствующими условиями. Упомянутая категория случаев требует индивидуализированного подхода и детального рассмотрения оснований возникновения соответствующих отношений между контрагентами. Рациональным решением будет привлечение специалиста в сфере информационных технологий с целью установления наличия вины со стороны продавца в принуждении потенциальных покупателей к заключению соответствующих соглашений.

Осуществляя коммерческую деятельность посредством веб-сайтов и специально созданных приложений, продавцы (изготовители) заключают договор с потребителем, избегая использование привычной для него формы договора, предоставляя его текст в сокращенном виде. Таким образом, в настоящее время вопрос об использовании различных форм фиксации при обмене электронными данными, в особенности полных текстов договора и приложений к нему, чека, остается открытым, несмотря на то, что техническая сторона позволяет осуществлять такое взаимодействие. Дефицит информации о содержании соглашения и его дополнительных условиях затрудняет либо исключает возможность потребителя требовать их изменения, что дает достаточные основания признать его слабой стороной договора.

Отсутствие у потребителя документальных подтверждений факта заключения им договора либо согласования отдельных условий такового лишает его возможности сформировать доказательственную базу в случае необходимости защиты нарушенного права путем подачи иска. Статья 493 ГК РФ предоставляет потребителю дополнительный рычаг защиты в виде права ссылаться на свидетельские показания при заключении сделки, однако электронная форма значительно сужает возможность реализации данного права в силу более частного характера взаимодействия субъектов в цифровой среде. Статья 26.1 ЗоЗПП конкретизирует права потребителя и обязанности продавца при дистанционной

торговле [5]. Тем не менее в данном случае законодатель ограничивается формулировкой «право ссылаться на другие доказательства», которую предлагается конкретизировать, учитывая специфику электронной коммерции, не предполагающей наличие материальных носителей информации, что значительно упростит судебное разбирательство.

В настоящее время некоторые крупные коммерческие организации (*Amazon*, *Wildberries* и др.) ограничили возможности клиентов по уточнению дополнительной информации либо детальному разъяснению тех или иных условий посредством телефонного разговора или переписки с оператором-сотрудником компании. В целях экономии финансовых и временных ресурсов многие компании осуществили полный переход на использование технологий искусственного интеллекта, который генерирует и предоставляет заранее подготовленную информацию посредством вывода текста сообщений в чате, что, по мнению автора, говорит о явном неравенстве переговорных возможностей в ущерб интересам потребителя. Несмотря на наличие явных преимуществ искусственного интеллекта (круглосуточное обслуживание, работа со значительными объемами информации, анализ предпочтений клиента, позволяющий предложить ему оптимальный по цене, качеству и иным показателям продукт и др.), в электронной коммерции он находится лишь на первой стадии освоения, результатом которой является «роботизация логистики», выражающейся в способности отвечать лишь на простые и часто задаваемые вопросы потребителя [4, с. 143, 145].

Таким образом, права потребителей подверглись новым видам угроз, порожденных масштабными операциями повсеместного внедрения цифровых технологий, которые дали недобросовестным продавцам (производителям) основания для пренебрежения закрепленными в ГК РФ правилами заключения сделок, а также для обхода положений ЗоЗПП. Значительную роль приобрел такой ресурс, как информация, что обусловлено взаимодействием участников в электронной среде и невозможностью осуществить непосредственный контроль реализации электронной коммерции на всех ее этапах. Данная проблема привела к значительным сложностям в истребовании потребителем соответствующих сведений. В целях урегулирования и тщательной законодательной проработки перечисленных автором особенностей электронной коммерции предлагается внести дополнения в ст. 26.1 ЗоЗПП посредством изложения допустимых способов защиты прав потребителя в дистанционной торговле и, в частности, в ч. 4 данной статьи, указав приемлемые виды доказательств фактов заключения потребителем соглашения и возможных злоупотреблений. Автор убежден, что в целях обеспечения правомерной деятельности сторон в условиях электронной коммерции требуется использование в их отношении преимущественно императивных элементов взаимодействия.

Список литературы

1. Белов В. А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях // *Lex Russica*. 2018. № 6 (139). С. 26–44.
2. Борисовская С. С. Заключение и исполнение торговых договоров в сети Интернет // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 февраля 2022 г.) // Российская газета. № 238-239. 1994.

4. Жилина И. Ю. Искусственный интеллект в электронной торговле // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 142–148.

5. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Налетова Н. Н. Электронная торговля и защита прав потребителей-участников электронной торговли // Право и практика. 2023. № 1. С. 75–82.

7. Подузова Е. Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 55–60.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К. В. Матюшова» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 140. 30 июня 2015 г.

10. Постановление Седьмого окружного суда США ProCD, inc. VS Zeidenberg (1996 г.). // СПС «КонсультантПлюс».

11. Решение № 2-48/2021 2-48/2021~М-39/2021 М-39/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 2-48/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/373Uyb>.

12. Ситдилов К. Р. Особенности click-wrap соглашений в сфере электронной коммерции: сравнительно-правовой анализ России и США // ПСЭ. 2018. № 1 (65). С. 76–78.

Крюкова Е. С.¹,
*доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
кандидат юридических наук, доцент*

Рязанова В. В.²,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева*

ЖИЛИЩНЫЕ КООПЕРАТИВЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Некоммерческие корпорации в жилищной сфере (товарищества собственников жилья и кооперативы) призваны обеспечить управление многоквартирными домами посредством активного привлечения самих собственников к организационным и распорядительным процессам. В целом вне зависимости от организационно-правовой формы они обладают сходными чертами в разрезе их создания, целеполагания, структуры и функционала. В науке справедливо подмечено, что корпоративное строение перечисленных организаций гарантирует полноценное участие собственников в управленческой деятельности [6, с. 36; 4, с. 55]. Безусловно, предлагаемая законодателем для корпораций система органов позволяет включить большинство правообладателей в процесс принятия ключевых управленческих решений, обеспечивает самостоятельный выбор руководства для ведения текущей работы, способствует надлежащему контролю за финансовой составляющей организации, помогает лично определить стратегию, этапы и особо значимые секторы деятельности юридического лица.

Вместе с тем при наличии общности между товариществами собственников жилья и кооперативами в жилищной сфере, последние имеют ряд собственных признаков, проявляющихся как в алгоритме создания и прекращения их деятельности, так и в перечне и компетенции органов. Следует упомянуть, что изначально кооперативы были нацелены в основном на удовлетворение жилищных потребностей граждан путем приобретения либо строительства жилья за счет общих взносов и государственной поддержки. В настоящее время, по справедливому утверждению большинства исследователей, жилищная кооперация, ограниченная одним домом и лишенная механизма финансовой поддержки со стороны публичной власти, уже не способна полномасштабно реализовать указанные цели [3, с. 113; 1, с. 30].

¹ © Крюкова Е. С., 2024.

² © Рязанова В. В., 2024.

При разработке ЖК РФ предполагалось осуществить преобразование всех кооперативов, члены которых полностью выплатили паевые взносы, в товарищества собственников жилья (утратившая силу ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»). Таким образом, кооперативам не отводилась руководящая роль в содержании и ремонте общего имущества дома, в этих целях было смоделировано и наделено соответствующим функционалом товарищество собственников жилья. Однако впоследствии управление кооперативом (наряду с товариществами) было сохранено в качестве допустимого способа управления домом, а требование о реорганизации или ликвидации утратило силу, при этом сам статус кооперативов остался прежним. По этой причине конструкция ЖК (ЖСК) в полной мере рассчитана лишь на первоначальный этап пользования квартирой: до полной оплаты его членом паевого взноса, включая управленческие функции, и совершенно не учитывает особенности последующей деятельности по управлению домом, когда кооператив перестает быть собственником квартир. Такой подход наложил свой отпечаток на нормативно закреплённые условия вступления и прекращения членства в кооперативе, принцип определения степени участия членов в принятии решений. В отличие от кооперативов, членство в ТСЖ является безусловным, что обеспечивает права собственников помещений полноценно участвовать в управлении домом, а их выход из организации не сопровождается выселением из жилого помещения, как предусмотрено для кооператива.

Система органов и их компетенция применительно к потребительским кооперативам в жилищной сфере выстроена схематично и обобщенно. Установленные правила позволяют большую часть вопросов регламентировать уставом кооператива, для товарищества, напротив, предусмотрено достаточно детальное и подробное нормирование. В этой связи у кооперативов, состоящих из собственников, возникает множество дилемм относительно допустимости применения некоторых положений устава, которые могут ограничивать потенциальные возможности собственников в сравнении с аналогичными – для членов ТСЖ. В свете сказанного отсутствие подробного регулирования в этой части в отношении кооперативов, уже выполнивших основную функцию и сохранившихся исключительно для управления домом, усложняет участие их членов в обозначенной деятельности.

Так, в частности, вызывает вопросы порядок созыва и показатели правомочности высшего органа управления отмеченного юридического лица, поскольку они обусловлены только количеством участвующих в нем лиц. При этом правила проведения общего собрания собственников помещений дома в этом смысле сориентированы на размер площади занимаемых собственниками помещений и в силу прямой отсылки применимы при организации общего собрания членов товарищества собственников жилья. Полагаем, целесообразно распространить эти положения и на жилищную кооперацию.

Кроме того, жилищные и жилищно-строительные кооперативы наделены возможностью выбрать конференцию в качестве своего высшего органа управления как альтернативу общему собранию, однако законодатель не содержит

даже примерных ориентиров для ее формирования. Ради обеспечения единообразия при образовании обозначенного органа и снятия множества попутных вопросов, сопровождающих процедуру обеспечения представительства интересов всех членов кооператива, считаем полезным закрепление алгоритма и принципов ее создания в рамках ЖК РФ.

Целесообразно также определить форму правовой связи между собственниками, не являвшимися членами кооператива, и самой организацией, как это сделано применительно к ТСЖ при помощи заключения договора. Особенно актуально выстроить четкие модели при привлечении кооперативом управляющей организации и тем самым разветвлении вариантов взаимодействия проживающих и обслуживающих дом лиц [5, с. 20].

Помимо этого, в теории обоснованно, на наш взгляд, поставлена насущная задача: отразить в законодательстве особенности управления домом на переходный период, когда часть членов кооператива уже полностью выплатила взносы, став собственниками, а остальные пользуются жилыми помещениями в силу членства в кооперативе [2, с. 32].

Подытоживая, можно сделать вывод о необходимости выработки унифицированных положений относительно некоммерческих организаций в жилищном секторе, состоящих из собственников и осуществляющих управленческие функции относительно общего имущества многоквартирного дома, что поможет избежать необоснованных ограничений при реализации собственниками своих прав по его управлению. В свою очередь, сопровождающие кооперативы нормы жилищного законодательства должны быть дифференцированы в зависимости от этапа, в рамках которого кооператив осуществляет соответствующую деятельность.

Список литературы

1. Балановский А. А. О перспективах сохранения в российском законодательстве организационно-правовой формы жилищного кооператива // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 30–32.
2. Балановский А. А. Управление многоквартирным домом жилищным кооперативом: направления совершенствования законодательства // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 32–26.
3. Гареев И. Ф. Перспективы развития жилищно-строительных кооперативов в современных условиях // Право и инвестиции. 2012. № 1. С. 113–116.
4. Крюкова Е. С. Товарищество собственников жилья // Цивилист. 2012. № 2. С. 55–60.
5. Рузанова В. Д., Крюкова Е. С. Особенности предоставления коммунальных услуг при многоуровневой системе управления многоквартирным домом // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 12. С. 20–24.
6. Рузанова В. Д., Крюкова Е. С. Особенности управления многоквартирным домом посредством товарищества собственников жилья // Юрист Поволжья. 2013. № 1-2. С. 36–38.

Кудашева П. С.¹,
лаборант-исследователь
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
(Самарского университета)²

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Одним из узловых вопросов в медицинской отрасли выступает проблема привлечения к ответственности медицинских организаций и отдельных специалистов, ненадлежаще исполнивших свои обязательства, а в некоторых случаях причинивших своими действиями вред пациенту. Стремительное развитие медицины нуждается в четком и всестороннем правовом сопровождении, не являющимся исключением в этом смысле и правила об ответственности медицинского персонала, требующие в этом ракурсе детального и проработанного подхода. Поднятая проблематика волновала науку и практику в течение всего времени осуществления медицинской деятельности. Так, в теории неоднократно обращалось внимание на ее рискованный характер и учет вероятности того, что цели проведения лечения не всегда могут быть достигнуты [2; 9]. Сказанное подтверждают и многочисленные жалобы и споры, постоянно возникающие в сфере здравоохранения [8, с. 64].

Институт ответственности врачей в современных реалиях значительно отличается от аналогичных правил, действовавших на начальных этапах его развития. Медицинский персонал в зависимости от характера нарушения может быть привлечен не только к гражданско-правовой, но и к уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Гражданско-правовая ответственность в отличие от остальных перечисленных видов всегда носит только имущественный характер. В целом, безусловно, по условиям наступления, видам, формам, объему и основаниям освобождения ответственность в медицине согласуется с общими правилами ГК РФ, но в то же время имеет определенную специфику, не всегда гармонично укладывающуюся в родовые правила.

Прежде всего, важным фактором для выявления наличия нарушений выступает понятие «качество» оказываемой помощи, поскольку в основном именно с нарушением качества связано ненадлежащее осуществление соответствующей деятельности. Качество медицинской услуги – это совокупность ее характеристик, способных удовлетворить потребности человека. Выявление и квалификация нарушений в последние годы упростились в связи с разработкой критериев оценки качества медицинской помощи. Согласно ст. 10 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закона об охране здоровья) качество меди-

¹ © Кудашева П.С., 2024.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00720, <https://rscf.ru/project/23-28-00720/>.

цинской помощи достигается среди прочего соблюдением должного порядка ее оказания и применением установленных стандартов. Порядок представляет собой описание действий врача определенного профиля на различных этапах, а стандарты детализируют его манипуляции одновременно по стадии и виду заболевания. Деятельность врача регламентирована также клиническими рекомендациями (протоколами) и локальными актами. Они выступают в качестве документов, регламентирующих вопросы профилактики, диагностики и лечения, данные акты подлежат регулярному обновлению. Наиболее часто встречающимися примерами некачественного оказания медицинской помощи может служить недооценка тяжести повреждений и, соответственно, необходимой манипуляции, неполное обследование, недостаточная предоперационная подготовка, ненадлежащий уход и наблюдение и т. п. [4, с.37]. Вместе с тем причиной осложнений могут стать не только нарушения нормативных правил, но и просто неосторожные движения специалиста, невнимательность, в частности при использовании оборудования и инструментов и пр.

Вызывает множество противоречий и субъективная сторона действий (бездействий) медицинских работников, причем данная проблема является общей независимо от отраслевой принадлежности правонарушения. Достаточно сложно четко различить между собой преступную неосторожность и врачебную ошибку. В доктрине многие исследователи обращали внимание на насущную потребность выработки легальной терминологии в заданном направлении [5, с. 123]. Так, не определены понятия «врачебная ошибка», «дефект» и другие ценные в этом смысле дефиниции. При этом в науке уже давно проведены обозначенные исследования и внесены обоснованные рекомендации. Так, согласны с предлагаемым В. Е. Батюковой определением понятия «врачебная ошибка», которая, по мнению автора, представляет собой хотя и неправильное, но невиновное деяние доктора [1, с. 108], т. е. речь идет о добросовестном заблуждении медицинского работника, отвечающего всем квалифицированным требованиям, но допустившего дефект из-за недостатка знаний и навыков, несовершенства существующих методов диагностики и лечения, недостаточности времени, неординарного течения заболевания и т. п. [8, с. 64] «Несчастный случай», в свою очередь, наступает при соблюдении всех нормативных требований, он вызван обстоятельствами, которые невозможно было предвидеть (они не зависят от врача), и исключает ответственность. Солидарны также с авторами, настаивающими на разработке и обособлении понятия «медицинский риск», принимая во внимание его связь с нормами об ответственности, с одной стороны, но собственное обоснование и направленность действий, с другой [3]. Полагаем, что частично можно снять возникающие сложности посредством более активного внедрения института страхования соответствующих рисков. В последние годы вопросы страхования ответственности медицинских работников достаточно широко обсуждаются в научной литературе [6, с. 48].

Трудности разрешения вызывает и проблема смешанной вины врачей и пациентов, встречающаяся в медицинской практике, при наличии которой, согласно ст. 404 ГК РФ, суд уменьшает размер ответственности. Вина пациента может выражаться в отступлениях от предписаний врача, нарушении режима,

предоставлении неполной или ложной информации и пр. Наличие нарушений со стороны больного неизбежно отражается на результатах лечения.

Традиционное деление ответственности на договорную и внедоговорную присуще и медицинской сфере, учитывая, что в ходе оказания услуги может быть причинен вред здоровью гражданина. В данном случае действует правило, предусмотренное ст. 1084 ГК РФ: вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, возмещается по правилам, предусмотренным гл. 59 ГК РФ, если законом или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности. В рамках института деликатной ответственности медицинского персонала в разрезе применения общих положений гражданского законодательства возникают препятствия при определении объема возмещения. Величина возмещения должна складываться из денежных сумм, необходимых на проведение новых медицинских услуг, приобретения лекарственных и косметических средств, которые потребуются потерпевшему для устранения вреда, причиненного ненадлежащей услугой, и т. д. В ситуации, когда пострадавший не обратился повторно за новой помощью, проведение расчетов и сбор доказательств становится затруднительным.

Неоднозначным является вопрос и об одновременном привлечении к ответственности нескольких специалистов, обеспечивающих процесс оказания медицинской услуги, при непосредственном причинении вреда только одним из них. Полагаем, допустимо отступление от общих правил об ответственности в такой ситуации, например, когда пациент рассчитывал по договору на получение помощи от нескольких врачей совместно и заключил соответствующий договор, и, как следствие, становится допустимым привлечение к ответственности всех специалистов, а не только непосредственного исполнителя.

Ответственность в виде компенсации морального вреда является разновидностью внедоговорной ответственности, наступающей при причинении гражданину физических или нравственных страданий. Верховный Суд Российской Федерации допустил возможность презюмирования такого вреда, если речь идет о здоровье гражданина (п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»). Вместе с тем продолжает остро стоять проблема отсутствия в отечественной правоприменительной практике конкретизированных критериев и точных методов оценки его размера.

В заключение можно констатировать необходимость дополнительной проработки и спецификации целого ряда элементов гражданско-правовой ответственности применительно к медицинской сфере, начиная с выработки полноценного понятийного аппарата и заканчивая формами и составом возмещения причитающегося пациенту в случаях ненадлежащего осуществления медицинской деятельности.

Список литературы

1. Батюкова В. Е. Об ответственности врачей за допущенные ошибки // Государственная служба и кадры. 2019. № 1. С. 108–110.

2. Белянинова Ю. В. Комментарий к ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Вакулина Г. А. О праве пациента на компенсацию морального вреда // Юрист. 2023. № 8. С. 35–38.

4. Голубовский В. Ю., Кунц Е. В. Врачебные преступления: проблемы привлечения к уголовной ответственности и их расследование // Российский следователь. 2018. № 11. С. 37–41.

5. Данилов Е. О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 5. С. 123–138.

6. Згонников А. П., Пушкарева А. Н. Страхование профессиональной ответственности медицинских работников и проблемы сохранения врачебной тайны в российской федерации: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2015. № 9. С. 48–51.

7. Лошкарева М. Е., Савенкова С. Р., Долкова Е. А. Медицинские практики в раннем средневековом праве // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 204–215.

8. Матейкович М. С., Матейкович Е. А. Юридическая характеристика медицинских ошибок и минимизация рисков их совершения // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 61–77.

9. Пикуров Н. И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2018. № 3. С. 86–92.

Кузнецова О. А.¹,
профессор Пермского государственного
национального исследовательского университета,
Пермского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор

О МОМЕНТЕ, С КОТОРОГО НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ПРИЗНАЮТСЯ НЕДЕЙСТВУЮЩИМИ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 215 КАС РФ суд, установив, что оспариваемый нормативный правовой акт не соответствует иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, признает его не действующим полностью или в части со дня его принятия или с иной определенной судом даты.

Согласно правовым позициям Верховного суда Российской Федерации у суда, признающего недействующим нормативный правовой акт (далее – НПА), есть следующие варианты выбора момента, с которого он признается недействующим [4]:

1) с момента принятия оспоренного акта, в том числе:

1.1) если у акта отсутствует юридическая сила (акт, не прошедший обязательную государственную регистрацию, не опубликованный в предусмотренном порядке, имеющий иные нарушения порядка принятия и введения в действие);

2) с момента, с которого оспоренный НПА вступил в противоречие с нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу:

2.1) со дня вступления в силу оспоренного акта, если он был принят позднее нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому он не соответствует;

2.2) со дня вступления в силу нормативного правового акта, имеющего большую юридическую силу, которому оспоренный акт стал противоречить;

3) со дня вступления решения суда в законную силу, в том числе:

3.1) если нормативный правовой акт до принятия решения суда применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан и организаций;

3.2) если нормативные правовые акты в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации могут быть проверены в процедуре конституционного судопроизводства.

Наибольшее количество научных споров вызывает такой момент, с которого НПА признается недействующим, как момент его принятия. Одни ученые считают, что только с этого момента все НПА следует признавать недействующими и не подлежащими применению, даже если на его основании были уже реализованы права [1, с. 33]. Другие полагают, что «невозможно признать нормативный правовой акт недействующим на период времени, предшествующий вступлению в законную силу решения суда о признании его таковым, поскольку нельзя отменить действие нормативного акта в прошлом, тем более если он применялся» [7, с. 83].

¹ © Кузнецова О. А., 2024.

На наш взгляд, вступивший в юридическую силу НПА нет никакого смысла признавать недействующим именно со дня его принятия.

Прежде всего, понятие «принятие нормативного акта» не имеет единого содержания, его содержание может различаться в зависимости от вида НПА. Во многих случаях непосредственное принятие нормативного акта – лишь первый этап нормотворческого процесса, предваряющий такие действия, как одобрение, утверждение, регистрацию, опубликование (издание). При этом даты совершения таких действий различны. Какая из дат должна считаться датой «принятия»?

Кроме того, до даты вступления в юридическую силу акт никакого регулирующего воздействия на общественные отношения не оказывает. НПА до этой даты, как правило, еще не действует: зачем суду признавать недействующим и так еще не действующий акт? Для защиты, восстановления нарушенных прав, по общему правилу, не имеет никакого значения квалификация акта недействующим до дня вступления его в силу.

Однако из этого правила есть исключение: нормотворец, если это прямо не запрещено ему законом [8], может придать своему акту обратное действие [6], которое начнется ретроактивно – до даты вступления в силу. В любом случае НПА не может признаваться недействующим с даты, которая предшествует началу его действия. Если акт вводится с перспективным действием, то его действие начинается с даты его вступления в юридическую силу, а если с обратным действием, то его действие начинается с определенной даты в прошлом. Как определить эту прошлую дату?

Здесь необходимо обратиться ко второму варианту выбора даты, с которой НПА может быть признан судом недействующим, а именно дня, когда оспоренный НПА стал противоречить НПА, обладающему большей юридической силой (абз. 2 п. 38 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) от 25 декабря 2018 г. № 50). Согласно правовой позиции ВС РФ такой датой будет дата вступления в силу оспоренного акта или дата вступления в силу акта, обладающего большей юридической силой. Имеются в виду, к примеру, две следующие ситуации:

1) оспариваемый подзаконный НПА вступил в силу с 1 марта, а закон, которому он противоречит, уже находится в силе (с 1 января), то тогда судом в качестве даты признания недействующим выбирается дата вступления в силу оспоренного НПА – с 1 марта;

2) оспариваемый подзаконный НПА вступил в силу с 1 марта, а закон, которому он стал противоречить, вступил в силу 1 мая, то тогда судом в качестве даты признания недействующим выбирается дата вступления в силу закона – с 1 мая.

Однако даты вступления в силу нормативных актов могут не совпадать с датами начала их действия и, соответственно, с датами, когда они вступили в противоречие с другими действующими НПА. К примеру, если оспариваемый акт, вступивший в силу 1 марта, был введен с обратным действием с 1 февраля, то он уже с 1 февраля стал противоречить закону, вступившему в силу 1 января. В этом случае он должен признаваться недействующим со дня начала действия,

а не со дня вступления в силу. Если этот же акт, вступивший в силу 1 марта, был введен в действие с 1 декабря предыдущего года, а закон, которому он стал противоречить, вступил в силу с 1 января, то такой акт должен признаваться недействующим с 1 января, т.е. не с начала его действия и не со дня вступления его в силу, а со дня вступления в силу закона. Если закон вступил в юридическую силу с 1 мая, но с обратным действием с 1 апреля, то противоречащий ему подзаконный действующий на эту дату НПА должен признаваться недействующим с 1 апреля, а не с даты вступления в силу закона.

Важно также заметить, что оба акта должны находиться и в силе, и в действии. Так, приостановленные акты находятся в юридической силе, но не действуют. Если подзаконный НПА содержательно противоречит приостановленному закону, то он вообще не может быть признан недействующим.

Поэтому для определения даты, с которой оспоренный НПА признается недействующим, первостепенное значение имеют ни даты вступления в силу соответствующих коллидирующих актов, а даты наступления между ними противоречия, находящиеся внутри периодов действия как оспоренного НПА, так и НПА, обладающего большей юридической силой.

Другими словами, в описываемой ситуации вариант выбора судом даты признания НПА недействующим должен определяться как дата, с которой оспоренный НПА вступил в противоречие с действующим нормативным правовым актом, имеющим большую юридическую силу, и которая не может быть ранее даты начала действия оспоренного акта.

Однако следует заметить, что дата вступления оспариваемого НПА в противоречие с НПА, обладающим большей юридической силой, как дата, с которой акт признается недействующим, оказалась совершенно не востребованной судебной практикой. Мотивировочные части судебных актов по соответствующим спорам не содержат ссылок ни на абз. 2 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами», ни на ранее действовавший аналогичный по содержанию абз. 2 п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [5].

подавляющее большинство успешно оспоренных НПА признаются недействующими с даты вступления решения суда в законную силу. И это неслучайно. Согласно абз. 3 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 50, если нормативный правовой акт до принятия решения суда применялся и на основании этого акта были реализованы права граждан и организаций, суд может признать его не действующим полностью или в части со дня вступления решения в законную силу. Ранее такое же толкование содержалось в абз. 3 п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2007 г. № 48.

Таким образом, если суд устанавливает, что НПА применялся и на его основании были реализованы права участниками правоотношений, то он может выбрать только одну дату, с которой акт признается недействующим, – это дата вступления решения суда в законную силу.

В соответствии с ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным иском о признании НПА недействующим вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым НПА, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы. Согласно пп. 4–5 ч. 2 ст. 209 КАС РФ в административном исковом заявлении об оспаривании НПА должны быть указаны сведения о применении оспариваемого нормативного правового акта к истцу или о том, что истец является субъектом отношений, регулируемых этим актом, а также сведения о том, какие права, свободы и законные интересы лица, обратившегося в суд, нарушены или о том, что существует реальная угроза их нарушения. Следовательно, если к лицу акт не применялся, и права на его основании не были реализованы, то у него вообще нет права на удовлетворение такого административного иска. А обязательное требование указывать в административном иске, какие права истца нарушены, является маркером того, что акт к истцу применялся, так как невозможно нарушить нормативным актом субъективные права, не применяя его.

Но если НПА применялся к административному истцу, следовательно, он мог применяться и к другим лицам, которые также могли реализовывать на его основе свои права, поскольку по причине своей нормативности акт направлен на неопределенный круг лиц: «Вступивший в силу нормативный правовой акт по определению порождает права и обязанности неопределенного круга лиц. В силу его обязательности субъекты правоотношений соотносят свое поведение с этим актом не только с целью избежать неблагоприятных последствий от его несоблюдения, но и для того, чтобы реализовать какие-то возможности, предоставляемые этим актом. И чем больше времени проходит от дня его принятия, тем большее влияние – как количественно, так и качественно – этот нормативный правовой акт оказывает на жизнь людей и на оборот в целом» [2, с. 130]. У суда практически нет возможности на момент признания акта недействующим по иску конкретного административного истца достоверно установить, что акт не применялся к другим лицам, и они не реализовали в соответствии с ним свои права.

Именно поэтому трудно смоделировать ситуацию, при которой суд, удовлетворяя административное заявление об оспаривании НПА, а следовательно, установив, факт применения НПА к истцу, может признать его недействующим не с момента вступления в силу решения суда, а с момента, с которого акт стал противоречить вышестоящему в иерархии акту.

Подчеркнем, по разъяснению ВС РФ, суд может признать НПА недействующим со дня вступления решения в законную силу, если установит, что акт применялся и на его основании были реализованы права. Следовательно, он может установить и иную, более раннюю, дату. При каких условиях это допустимо?

Фактически, если суд установит иную дату, с которой НПА признается недействующим, в том числе дату, с которой оспоренный НПА стал противоречить акту, обладающему большей юридической силой, он тем самым придает своему решению обратное действие. А обратное действие правовых актов явля-

ется исключением из общего темпорального принципа их перспективного действия, т. е. действия только на будущее время. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращал внимание на то, что обратное действие правовым актам должно придаваться, когда «улучшается положение лиц, привлекаемых к налоговой, административной или иной публично-правовой ответственности, а также в исключительных случаях по делам, вытекающим из гражданских правоотношений, если этого требуют – по своему существу публичные – интересы защиты неопределенного круга лиц или заведомо более слабой стороны в правоотношении» [3].

Что касается признания недействующими нормативных актов, имеющих нарушения порядка принятия и введения в действие, то возможно *de lege ferenda* в процессуальном законодательстве следует различать признание НПА недействующим и признание НПА не приобретшим юридическую силу и, как следствие, действие. Все-таки нарушение порядка принятия и введения в действие НПА и вступление находящегося в силе и в действии НПА в противоречие с актом, обладающим большей юридической силой, это разные нормотворческие нарушения, которые должны различаться по правовым последствиям. К сожалению, правовые последствия существования таких актов, их влияние на уже реализованные правоотношения мало исследованы как в теории права, так и в процессуальной науке.

Таким образом, вступившие в юридическую силу нормативные правовые акты следует признавать недействующими, по общему правилу, со дня вступления решения суда в законную силу и, как исключение из этого правила, – со дня, когда оспариваемый акт начал противоречить акту, имеющему большую юридическую силу, если при этом улучшается положение лиц, привлекаемых к публично-правовой ответственности, либо этого требуют интересы защиты неопределенного круга лиц или слабой стороны в частноправовых отношениях. Нормативные правовые акты, имеющие нарушения порядка принятия и введения в действие, следует признавать *de lege lata* недействующими (*de lege ferenda* – не приобретшими юридическую силу) с момента их принятия.

Список литературы

1. Ермаков Э. Ю. Юридические последствия судебного нормоконтроля требуют дальнейшего совершенствования // Российский судья. 2020. № 7. С. 30–35.
2. Ильин А. В. Признание судом нормативного правового акта недействующим как основание пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам // Закон. 2018. № 8. С. 122–136.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение “Берег””, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод”” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор””» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2010. № 2.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2020 г. № 1073 (ред. от 02.04.2022) «Об утверждении Положения об особенностях на 2020–2022 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) въездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть II). Ст. 5167.

7. Усольцева З. А. Некоторые правовые последствия признания недействующим нормативного правового акта, устанавливающего тарифы на коммунальные ресурсы // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 81–84.

8. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.07.2002. № 28. Ст. 2790.

Кукушкина Е. А.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

СПОСОБЫ УСТРАНЕНИЯ ВЫЯВЛЕННЫХ ПРОБЛЕМ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

В современном мире, где бизнес-взаимоотношения и личные контракты становятся все более сложными, критическое значение приобретает грамотное заключение гражданско-правовых договоров. Однако, как показывает опыт, выявление проблем в таких соглашениях – неизбежный этап. Эффективное управление этим процессом требует не только проактивного выявления недоразумений, но и принятия мер по их устранению. В данной статье мы рассмотрим ключевые способы устранения выявленных проблем и совершенствования процесса заключения гражданско-правовых договоров, направленных на обеспечение ясности, правовой устойчивости и удовлетворения интересов всех сторон.

Для разрешения проблемы определения круга существенных условий договора в гражданском законодательстве России нами предлагается в первую очередь разработать определенные критерии по определению круга существенных условий. Это может включать в себя анализ судебной практики и прецедентов, подходы законодательства, отзывы сторон и другие факторы. Благодаря таким критериям следует разработать обширный перечень существенных условий и утвердить их дополнительным приложением к Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ). То есть разработка детального общепринятого списка существенных условий для определенных типов договоров. Например, для договора аренды это может включать в себя срок аренды, размер арендной платы, условия использования арендуемого объекта и т. д.

Также для решения исследуемой проблемы следует заняться совершенствованием форм договора и включение в него ясных и конкретных условий, исключающих различные интерпретации и дополняющих возможные пробелы.

А также дополнительно следует поднять вопрос о расширении роли нотариуса в процессе заключения гражданско-правовых договоров, который смог бы дать сторонам необходимые рекомендации и пояснения относительно существенных условий.

¹ ©Кукушкина Е. А., 2024.

Для решения проблемы отсутствия возможностей изменения существенных условий договора следует в первую очередь законодательно закрепить исследуемую процедуру. К примеру, необходимо прописать в нормах ГК РФ следующие положения:

1. Обращение в суд в целях изменения условий гражданско-правового договора. Так, следует стороне договора обратиться в суд с требованием изменения договора, если обнаружит, что условия были заложены несправедливо. В подобных случаях суд может изменить договор в соответствии с требованиями закона.

2. Переговоры с контрагентом. Несогласная сторона договора может попытаться переговорить со своим контрагентом и договориться о изменении условий договора. Это может быть полезно, если изменение условий не противоречит интересам контрагента.

3. Расторжение договора. Если иные способы не подходят, участник может расторгнуть договор и заключить новый, с новыми условиями. Однако этот способ может быть не выгодным, если договор имеет длительный срок и расторжение возможно только за определенные условия.

Предложенное следует законодательно закрепить и обозначить все условия реализации исследуемого процесса.

Далее, следует рассмотреть пути решения проблемы необходимости точного определения того, какие события будут считаться нарушением существенных условий договора. Существует несколько путей устранения проблемы определения того, какие события следует нарушением существенных условий договора в гражданском праве России:

1. Уточнение существенных условий договора в самом договоре. Это может быть сделано путем ясной формулировки условий, определения их списка или указания на них в отдельной части договора.

2. Проведение консультаций с юристами. Определение существенных условий договора может быть сложной задачей, особенно для обычного гражданина. Консультация с опытным юристом может помочь уточнить существенные условия договора и избежать ошибок в составлении контракта, а также в случае их возникновения правильно их определить и обратиться в суд.

3. Использование электронных средств контроля. Существует ряд сервисов и программ, которые позволяют автоматически проверять договоры и выявлять нарушения существенных условий. Это может быть полезным в случаях, когда контракт содержит большое количество условий, а также в ситуациях, когда нужно быстро и точно определить нарушение существенных условий. Такая мера будет являться инновационной для российской практики заключения гражданско-правовых договоров, но, по нашему мнению, она позволит обеспечить защитой процесс заключения договоров.

Процесс заключения гражданских договоров в России может быть улучшен следующими способами:

1. Сокращение времени на оформление документов. Необходимо упростить процедуру оформления договоров, чтобы не занимала много времени и стоимость являлась доступной для всех граждан.

2. Расширение возможности заключения договоров в электронном виде. Это позволит значительно ускорить процесс заключения договоров и снизить затраты на оформление документов.

3. Повышение уровня правовой грамотности граждан. Необходимо проводить образовательную работу среди граждан и представителей бизнеса, чтобы они могли самостоятельно заключать договоры без участия посредников и юристов, и понимали свои права и обязанности при заключении договоров.

4. Создание единой базы данных о договорах. Это позволит ускорить и упростить процесс проверки договоров при их заключении и выполнении, а также снизить риск возможных споров и конфликтов.

5. Улучшение процесса медиации и альтернативного разрешения споров. В случае возникновения споров по договорам граждане должны иметь возможность обратиться к опытным медиаторам для поиска компромисса и разрешения споров без судебного разбирательства. Это поможет уменьшить затраты на рассмотрение дела в суде и сохранить отношения между сторонами.

Таким образом, ситуация с регулированием гражданских договоров в России остается довольно сложной и требует дальнейшего совершенствования законодательства. Необходимо учитывать интересы обеих сторон договора, а также общественные интересы. Одним из основных способов решения проблемы является более четкое и точное определение существенных условий в законодательстве, что позволит избежать недоразумений и конфликтов. Важно также повысить эффективность контроля над исполнением гражданских договоров, например, путем использования альтернативных методов разрешения споров. Кроме того, большое значение имеют образование и информирование населения о правах и возможностях по защите их интересов в рамках гражданско-правовых отношений. В будущем необходимо продолжать работу над улучшением регулирования гражданских договоров в России, с целью достижения более высоких уровней правовой защиты интересов граждан и бизнеса, а также обеспечения стабильного и предсказуемого правового развития страны.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Егорова М. А. Некоторые особенности реализации прав на изменение и расторжение договора в российском праве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 4 (56). С. 236–242.

3. Бузарова Н. Х. Договорное регулирование в гражданском праве // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 84–85.

4. Лебедева А.С. Понятие, существенные условия и порядок заключения договоров// Вестник науки. 2023. № 5 (62). – С. 445 – 452.

5. Нестерова Т. И. Проблемы определения существенных условий договора в российском гражданском праве // Бюллетень науки и практики. 2018. № 9. С. 279–283.

*Лай Шон Тунг¹,
аспирант Высшей Академии социальных наук*

*Фам Вьет Кхоа²,
преподаватель кафедры психологии
Народной полицейской Академии
Социалистической Республики Вьетнам,
кандидат психологических наук*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУ РОССИЙСКИМИ И ВЬЕТНАМСКИМИ ЗАКОНАМИ

Правовые основы об ответственности субъектов предпринимательской деятельности (изготовитель, продавец, исполнитель, предприниматель как физические и юридические лица) за качество продукции признаны источниками внутреннего законодательства для стран всего мира. Однако законы об ответственности предпринимательства в некоторых государствах в основном регламентируются Законом о защите потребителей и Гражданским кодексом.

В других государствах распространяются в Коммерческом законе или есть страны, в которых принимают отдельные законы об ответственности за качество продукции, как в Японии, Южной Корее, Таиланде и др. В Российской Федерации вместо отдельного закона об ответственности за качество продукции, правовые нормы, касающиеся этого содержания, разбросаны по множеству разных законов. Исследования показывают, что российские правовые основы регулирования ответственности предпринимательства упоминались во многих различных нормативных правовых актах. В основном российское законодательство об ответственности за качество продукции регламентируются двумя основными законами:

1) Гражданским кодексом Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ;

2) Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей».

Что касается основы определения юридической ответственности и штрафов за нарушение ответственности за качество продукции, оно регулируется следующими законами:

1) Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023);

2) Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023);

3) Уголовным кодексом Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) об уголовной ответственности в данной области;

¹ © Лай Шон Тунг, 2024.

² © Фам Вьет Кхоа, 2024.

4) Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Кроме того, ряд других нормативных правовых документов содержат положения о юридической ответственности за продукции, в том числе:

- 1) Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»;
- 2) Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»;
- 3) Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Поскольку российское законодательство принадлежит к континентальной правовой системе, судебные решения (прецеденты) не считаются официальными источниками права. Однако юридическое толкование, данное высшим судом, имеет большое значение для судов низшей инстанции. Правовая доктрина также не признается источником права [1, с. 107].

Вышеупомянутые нормативные правовые документы регулируют отношения между субъектами предпринимательства и потребителями в потребительских отношениях, в которых особое внимание уделяется защите прав потребителей, находящихся в слабой позиции. Субъекты предпринимательской деятельности в процессе поставок товаров на рынок и потребителям должны предоставить товары, обеспечивающие качество и безопасность для потребителей. В случае, если поставляемый товар имеет дефекты, и эти дефекты причиняют ущерб или создают потенциальный риск причинения вреда потребителям, в зависимости от конкретных обстоятельств субъект предпринимательства обязан нести ответственность за устранение последствий или возмещение ущерба, причиненного дефектами потребителям.

Как и в России, вьетнамское законодательство еще не приняло отдельный закон об ответственности изготовителя за качество продукции. В настоящее время общие правовые основы об ответственности за качество продукции в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) включают в себя:

- 1) Закон о защите прав потребителей от 2010 г. (ред. в 2018 г.);
- 2) общие положения Гражданского кодекса от 2015 г.
- 3) Гражданский процессуальный кодекс от 2015 г.;
- 4) Закон о качестве продукции и товаров от 2007 г. (ред. в 2018 г.) и др.

Эти важные правовые документы регулируют ответственность субъектов предпринимательства за качество продукции по следующим аспектам: товары с дефектами; субъект, несущий ответственность за продукт, и субъект, имеющий право потребовать от субъекта предпринимательства нести ответственность за продукт; правовые основы для определения ответственности за качество продукции; объем ответственности за качество продукции и освобождение от нее; разрешение споров об ответственности за качество продукции между потребителями и субъектами предпринимательства [6–7].

Во-первых, действующий Закон о защите прав потребителей от 2010 г.; Постановление Минпромторга № 08/VBHN-ВСТ от 7 апреля 2023 г., детализирую-

щий ряд статей Закона о защите прав потребителей на основе объединения двух документов: Постановление № 99/2011/НД-СР от 27 октября 2011 г. о реализации ряда статей Закона о защите прав потребителей и Постановления Правительства № 03/2023/НД-СР от 10 октября 2023 г., регулирующего функции, задачи, полномочия и организационную структуру Национальной конкурсной комиссии [11].

Ожидалось, что Закон о защите прав потребителей от 2010 года станет «надежным щитом», помогающим защитить потребителей от посягательств субъектов предпринимательства на законные права и интересы потребителей. Одним из важных содержаний в сфере регулирования Закона о защите прав потребителей является ответственность организаций и частных лиц, производящих товары, стремясь к законным правам и интересам потребителей – субъектов, находящихся в слабой позиции в потребительских отношениях с субъектами предпринимательства, поскольку характеристикой этих отношений является асимметричность [10].

Кроме того, Постановление № 08/VBHN-ВСТ сосредоточивает внимание на разъяснении ряда вопросов, связанных с ответственностью субъектов предпринимательства и решением запросов по защите прав потребителей. Постановление подошло к основным правам потребителей в потребительских отношениях с субъектами предпринимательства посредством конкретных положений, таких как обязанность предоставлять честную и достоверную информацию и рекламу о товарах; ответственность за гарантию на товар; ответственность за обеспечение безопасности потребителей и др. В целом положения Закона о защите прав потребителей от 2010 г. создали эффективную правовую основу, позволяющую потребителям четко понимать свои права. Предприятия осознают свою ответственность и обязательства перед потребителями при поставке продукции и товаров на рынке.

Во-вторых, Коммерческий закон СРВ от 2005 г. (ред. в 2019 г.) закрепляет обязанности предпринимателей в сфере коммерческой деятельности по защите законных прав потребителей, определяя цель защиты прав потребителей. Интерес потребителя является одним из основных принципов в деятельности субъектов предпринимательства. В частности, в ст. 14 Коммерческого закона СРВ от 2005 г. предусматривают, что «1) предприниматели, осуществляющие коммерческую деятельность, обязаны полностью и правдиво информировать потребителей о товарах и услугах, которыми они торгуют, и несут ответственность за точность этой информации; 2) предприниматели, осуществляющие коммерческую деятельность, должны нести ответственность за качество и подлинность товаров и услуг, которыми они торгуют» [9].

Помимо Коммерческого закона, общественные отношения, возникающие в сфере ответственности за качество продукции, регулируются во многих других правовых документах, таких как:

- 1) Закон о качестве продукции и товаров от 2007 г. (ред. в 2018 г.);
- 2) Закон о безопасности пищевых продуктов от 2010 г.;
- 3) Фармацевтический закон от 2016 г.

Например, Закон «О качестве продукции и товаров» регулирует права и обязанности организаций и частных лиц, производящих товары [7]. Или Закон о безопасности пищевых продуктов регулирует права и обязанности организаций и частных лиц по обеспечению безопасности пищевых продуктов; Фармацевтический закон предусматривает, что субъекты несут ответственность за качество лекарственных средств и лекарственных ингредиентов, не соответствующих стандартам.

В-третьих, в Гражданском кодексе от 2015 г. отношения между потребителями и субъектами предпринимательства признаются частными, добровольными, равноправными и свободными от воли. Однако проблема состоит в том, что «по своей сути» во взаимоотношениях между потребителями и субъектами предпринимательства заложено неравенство, обусловленное информационной асимметрией. Таким образом, отношения между потребителями и субъектами предпринимательства находятся в сфере регулирования закона о защите прав потребителей, а также в сфере гражданского законодательства. В частности, в Гражданском кодексе упоминаются нормы о гражданско-правовых обязательствах и гражданско-правовых договорах, которые включают в себя нормы, касающиеся ответственности и обязательств субъектов предпринимательства. Например, существуют некоторые положения об обеспечении качества и информации купленных и продаваемых товаров, содержании, связанном с гарантией, а также об ответственности за возмещение ущерба, причиненного нарушением прав потребителей в соответствии с механизмом компенсации невыполненных обязательств.

В-четвертых, Закон «О рассмотрении дел об административных нарушениях» от 2012 г. (ред. от 2020 г.) и Постановления Правительства № 98/2020/НД-СР от 26 августа 2020 г. предусматривают наказания за административные правонарушения в коммерческой деятельности; производство и оборот контрафактных и запрещенных товаров; защиту прав потребителей. Они являются основанием применения административных санкций за действия, нарушающие законные права и интересы потребителей, но не достигающие до уровня уголовного дела.

В-пятых, Уголовный кодекс СРВ от 2015 г. (ред. в 2017 г.) содержит положения о преступлениях и мерах наказания, связанных с совершением действий, нарушающих законные права потребителей, субъектами нарушений которых являются субъекты предпринимательской деятельности. В частности, товары поставляются на рынок изготовителями и доставляются потребителям, если товары имеют дефекты и наносят серьезный ущерб для потребителей, то поведение субъектов предпринимательства признано одним из преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом. Например, преступление обмана клиентов; преступления по производству и торговле контрафактной продукцией; преступление ложной рекламы и др. (см. ст.ст., 192, 194, 195, 197–198 УК СРВ).

Сходство законодательной основы по ответственности субъектов предпринимательской деятельности в России и Вьетнама заключается в применении доктрины строгой ответственности в процессе построения и развития закона об ответственности субъектов предпринимательской деятельности. Соответствен-

но, субъект предпринимательства по-прежнему несет ответственность за товар перед потребителем, даже если нет вины в создании дефектов товара в независимости от наличия договорных отношений между собой. Однако все еще существуют некоторые различия в некоторых правилах, таких как правила защиты прав потребителей или механизм коллективных исков.

Во-первых, регламент «потребитель» – субъект вправе потребовать от субъекта предпринимательства взять на себя ответственность за товар. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» определяет «потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Исходя из этого понятия, можно понять, что потребителями могут быть только физические лица. Между тем п. 1 ст. 3 Закона о защите прав потребителей СРВ от 2010 г. гласит: «Потребитель – это человек, который покупает и использует товары и услуги для личного потребления и жизненных целей семьи, организации» [6]. На основании этого положения, помимо физических лиц, потребителями по вьетнамскому законодательству также считаются организации (юридические лица).

Во-вторых, положение о механизме коллективных исков. В России от 1 октября 2019 г. понятие коллективного иска введено в российское законодательство и может быть использовано для разрешения потребительских споров. Введение понятия коллективного иска в гражданское процессуальное право является одной из важных реформ российского процессуального законодательства. Это позволило бы отдельным лицам (вместе с другими лицами или организациями) совместно защищать свои права в суде, что уже давно практикуется в западных странах. Согласно правилам лица с аналогичными жалобами смогут объединиться в группу численностью не менее 20 человек, выбрать из группы представителя и подать иск против ответчика. В то же время информация о коллективном иске должна быть опубликована в средствах массовой информации, чтобы другие лица могли присоединиться к жалобе, выбрав участие, если они считают, что их законные права и интересы также нарушаются.

Практика показала, что конкретизация коллективного искового процесса и введение новых процедур в ГПК в России увеличили количество такого рода исков при разрешении споров о правах человека потребителей, позволив при этом группам потребителей быстрее и проще отстаивать свои интересы в суде.

Во Вьетнаме действующее вьетнамское законодательство лишь устанавливает правила, согласно которым общественные организации могут представлять группу пострадавших потребителей при предъявлении иска к субъекту предпринимательства. В частности, подп. «б» п. 1 ст. 28 Закона СРВ «О защите прав потребителей» от 2010 г. предусматривает, что одним из важных видов деятельности при участии общественных организаций в защите прав потребителей является «Представление интересов потребителей при возбуждении иска или возбуждении иска самостоятельно в общественных интересах». Это содержание еще раз подчеркивается в подп. «g» п. 1 ст. 50 Закона о защите прав потребителей от 2023 г. (вступает в силу с 1 июля 2024 г.), который гласит: «Пред-

ставительство реальных потребителей». В настоящее время по запросу возбуждаются гражданские иски о защите прав потребителей и разрешено в соответствии с положениями закона. Между тем не существует правил, позволяющих отдельному лицу (потерпевшему потребителю) представлять группу пострадавших потребителей и предъявлять иск хозяйствующему субъекту, ответственному за продукт.

На основе упомянутого выше содержания можно увидеть, что правила защиты прав потребителей и механизмы коллективных исков в рамках правовой основы об ответственности за качество продукции в России являются подробными, конкретными и более всеобъемлющими, чем во Вьетнаме. Что касается регулирования потребителей, то нерассмотрение организаций в качестве потребителей вполне целесообразно в нынешних экономических условиях, поскольку если организации считаются потребителями, то они рассматриваются по отношению к субъектам предпринимательства, то положение организации значительно сократилось, вплоть до незначительного. Мало того, что организации зачастую имеют определенные преимущества перед каждым отдельным потребителем с точки зрения финансирования, поддержки со стороны юридических и консультативных советов. Таким образом, у этих организаций есть достаточный потенциал и ресурсы справляться с нарушениями со стороны субъектов предпринимательства. В то же время, если положения о коллективных исках позволяют одному потребителю представлять группу потребителей, которым причинен ущерб, он имеет право предъявить иск к ответственному субъекту. Это будет гораздо выгоднее, чем судиться с каждым отдельным потребителем.

Таким образом, в ближайшее время законодатели Вьетнама смогут ссылаться на преимущества вышеуказанных правил и применять их в процессе создания и развития законов об ответственности за качество продукции во Вьетнаме, тем самым становясь действительно эффективным инструментом, способствующим защите прав потребителей, находящихся в слабой позиции в потребительских отношениях с субъектами предпринимательства.

Список литературы

1. The Product regulation and liability review (2021) // URL: <https://cms.law/en/media/affiliates/russia/files/publications/publications/the-product-regulation-and-liability-review-russia?v=1>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс СРВ от 2015 г. // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx>.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Закон СРВ «О защите прав потребителей» от 2010 г. (ред. в 2018 г.) // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Luat-bao-ve-quyen-loi-nguoi-tieu-dung-2010-115251.aspx>.

7. Закон СРВ о качестве продукции и товаров от 2007 г. (ред. в 2018 г.) // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Luat-chat-luong-san-pham-hang-hoa-2007-05-2007-QH12-59776.aspx>.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СПС «Консультант-Плюс».

9. Коммерческий закон СРВ от 2005 г. (ред. в 2019 г.) // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Luat-Thuong-mai-2005-36-2005-QH11-2633.aspx>.

10. Нгуен Нху Фат. Некоторые вопросы о реализации Закона «О защите прав потребителей» // Журнал государства и права. 2010. № 2. С. 28–34.

11. Постановление Правительства СРВ № 99/2011/NĐ-CP от 27 октября 2023 г. о реализации ряда статей Закона о защите прав потребителей // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thuong-mai/Nghi-dinh-99-2011-ND-CP-huong-dan-Luat-Bao-ve-quyen-loi-nguoi-tieu-dung-131015.aspx>.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Уголовный кодекс СРВ от 2015 г. (ред. в 2017 г.) // Электронная юридическая библиотека. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx>.

14. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

*Ланитин М. Д.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

*Гребнева А. С.,
доцент кафедры технико-криминалистического
обеспечения экспертных исследований
учебно-научного комплекса судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЧАСТНЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современном российском гражданском судопроизводстве все чаще и чаще принимают участие частные экспертные учреждения.

Как и любая часть гражданско-процессуальных правоотношений, частная судебно-экспертная деятельность нуждается в правовом регулировании, которого в современном Российском законодательстве нет [1]. Главной отличительной чертой экспертной деятельности в законодательстве обозначаются так называемые «специальные знания». По своей сути это и является основным отличием эксперта от любого другого лица, участвующего в юридическом процессе.

Чем же отличается частный эксперт от государственного? Исходя из анализа Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», мы приходим к выводу об отсутствии правовой конкретизации разницы между частным и государственным экспертом, кроме как запретом на проведение частным экспертом определенных экспертиз, связанных с определенным уровнем ответственности и расследования дел, требующих особых мер обеспечения [2–3].

Помимо этого, законодательство отдельно не поясняет структуру взаимодействия частного учреждения и других участников уголовного процесса.

Необходимо заметить, что в государственных учреждениях невыгодно содержать экспертов, специализирующихся на редких видах экспертиз, мало применимых в расследовании уголовных дел, что не дает в полной мере рассматривать многие аспекты некоторых уголовных дел [4].

Дело в том, что для рассмотрения дел, касающихся некоторых уголовных правоотношений, необходимо участие узкоспециализированных специалистов

¹ © Ланитин М. Д., 2024.

в какой-либо сфере (к примеру, в случаях, касающихся живописи, необходимо участие профессионального художника, способного распознать подделку). В данном случае государственное учреждение не имеет возможности содержать в своем штате эксперта, чьи специальные знания могут понадобиться в очень ограниченной сфере деятельности.

Ввиду данного обстоятельства суд вынужден осуществлять сложный и долгий процесс подборки частного эксперта для проведения экспертизы. В данном случае частное учреждение может стать посредником между судом и частным экспертом, координируя и распределяя экспертизы между штатными и внештатными экспертами [5–7].

Но при этом следует учесть в процессуальном законодательстве возможность использования частного посредника между участниками судопроизводства и экспертом по аналогии с функцией, которую выполняет руководитель государственного экспертного учреждения.

Также необходимо закрепить право руководителя (начальника) частного экспертного учреждения, назначать эксперта для проведения той или иной экспертизы, а также провести анализ затрат на проведение экспертизы, чтобы учесть еще и получение прибыли частным экспертным учреждением, как мотивации к посредничеству, а также гонорар эксперта, который должен справедливо покрывать его расходы, а также вознаграждать за интеллектуальный труд, которым является применение специальных знаний для дачи заключения экспертом и/или специалистом.

Исходя из сказанного выше, необходимо провести масштабную работу по разработке отдельного нормативного правового акта или изменений для действующих, направленных на «узаконивание» участия частного эксперта в судебном процессе, участия посредника в роли руководителя экспертного учреждения, а также вопроса гонорара для частного эксперта/специалиста, который должен стать мотивацией для его деятельности.

Также необходимо ввести нормативное определение частного эксперта, а также руководителя частного экспертного учреждения, которые предлагаются следующими:

Частный эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и применяющее их для дачи заключения по вопросам, выдвигаемым участниками судопроизводства, и осуществляющее свою деятельность на основе денежного вознаграждения.

Частное экспертное учреждение – объединение штатных и внештатных частных экспертов, осуществляющее координацию и распределение задач между штатными и внештатными экспертами.

Руководитель частного экспертного учреждения (посредник) – лицо (или коллегиальный орган), которое осуществляет подбор и поиск эксперта для выполнения той или иной экспертной задачи, а также берет на себя ответственность за подобранного им человека, обладающего специальными знаниями.

Список литературы

1. Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебное пособие для студентов вузов. М. : Юрайт : Право и закон, 2002.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 66 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС «КонсультантПлюс».

Левченко К. Е.¹,

студент юридического факультета

Волгоградского института управления

филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Научный руководитель:

Иловайский И. Б.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградского института управления

филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ЗНАЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 2024 г. в России планируется запуск цифрового информационного ресурса «электронное правосудие», его разработка находится на завершающей стадии. На основе этого сервиса участники судебного процесса получают возможность участвовать в нем дистанционно в формате видеоконференцсвязи (ВКС). Предполагается, что, используя уже созданный портал «Госуслуги», указанные субъекты и иные заинтересованные лица смогут не только подавать в суд документы в электронном виде, но и знакомиться с их цифровыми копиями из материалов конкретного дела. Безусловно, реализация такого рода действий повысит и прозрачность, и доступность, и в целом эффективность правосудия, в том числе соблюдение сроков проведения судебных процессов, а внедрение электронного документооборота позволит на более высоком и совершенном уровне систематизировать обработку и хранение документов, включая их поиск, учет и аналитический анализ.

Нормативным актом, который создал основу для создания электронного правосудия в Российской Федерации, стала Концепция развития информатизации судов до 2020 г. (утверждена приказом Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2021 г. № 9-П) [1]. В содержании этого акта было дано определение понятию «электронное правосудие», как совокупности процедур выполнения действий, закрепленных в процессуальном законодательстве, посредством цифрового инструментария, включая коммуникационные средства, с целью обеспечения функционирования судебных органов власти. Специфика функционирования системы электронного правосудия и взаимосвязанных с ним электронных ресурсов была более подробно представлена в рамках Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406, ставшего ключевым элементом Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [2].

Базовой основой для развития электронного правосудия уже в настоящее время в России является Государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Эта платформа представляет собой территориаль-

¹ © Левченко К. Е., 2024.

но распределенную автоматизированную информационную систему, обеспечивающую информационную и технологическую поддержку судопроизводства на принципах поддержания требуемого баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации. ГАС «Правосудие» включает в себя 27 подсистем; около 3 тыс. объектов автоматизации, использующих системные и программно-технические решения; свыше 110 тыс. автоматизированных рабочих мест, включенных в единую информационную систему [3]. Рассматриваемая система предназначена для автоматизации судебных процессов, управления делами и обеспечения доступа к информации о судебных решениях, позволяет судам и другим участникам правосудия вести электронные дела, подавать заявления и документы, получать судебные решения и акты. Она также предоставляет возможность для электронного обмена информацией между различными судебными органами, использует современные технологии шифрования и аутентификации и обеспечивает надежную защиту данных и конфиденциальность информации.

Однако, несмотря на вышеизложенные достоинства и достижения в области введения электронных средств, способствующих осуществлению правосудия в Российской Федерации, существуют и явные проблемы, которые препятствуют его цифровизации. Среди них мы бы отметили технические проблемы и субъективные трудности, связанные с сознанием конкретных исполнителей, действующих в судебной системе.

К первой из указанных групп относится недостаточная развитость информационных технологий. В некоторых, особенно отдаленных регионах страны, отсутствует необходимая инфраструктура для эффективного функционирования электронного правосудия, конкретные суды требуют большего наполнения компьютерной (электронной) техникой и обеспечения стабильной работы средств связи и, в частности, телекоммуникационной сети Интернет. Решение этой задачи возможно не только путем закупки соответствующих технических средств, но и решением проблемы охвата всей территории России мобильной и интернет-связью, что в свою очередь связано с расширением спутниковой группировки Российской Федерации на околоземной орбите. Более того, обмен информацией между различными судебными и иными правоохранительными органами затрудняет отсутствие единой электронной платформы в России. Это приводит к дублированию юридически значимых действий, к погрешностям в процессе судопроизводства и к возрастанию угроз сохранности информационных данных, так как важно обеспечить их надежную защиту. Недостаточные меры в этой сфере неминуемо приведут к утечке конфиденциальной информации и нарушению субъективных прав граждан. По нашему мнению, решение такого рода проблематики возможно на основе внедрения технологии распределенных реестров, одной из которых является блокчейн [4, с. 131].

Второй из названных выше проблем внедрения электронного правосудия является субъективные трудности, связанные, с одной стороны, с нехваткой квалифицированных специалистов в области информационных технологий, а с другой – с низким уровнем культуры использования электронных средств. Многие

участники судебных процессов, включая судей, адвокатов и граждан, особенно старшего поколения, не имеют достаточных навыков работы с электронными системами и компьютерной техникой. Такое состояние приводит и будет приводить к ошибкам и затруднениям в процессе судопроизводства. Низкая степень компьютерной грамотности одновременно влечет за собой недоверие к электронному правосудию с точки зрения объективности принимаемых решений и гарантий защиты прав и интересов участников судебного разбирательства. Это может препятствовать широкому внедрению электронного правосудия и использованию его возможностей. В таком аспекте, на наш взгляд, необходима широкая просветительская программа, которая будет, начиная со средней школы, освещать азы использования электронного правосудия. Вполне логичным видится введение специализированного курса в этой области среди студентов юридических специальностей в средних специальных и высших учебных учреждений по изучению возможностей использования подобного сервиса в практической деятельности.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Во-первых, создание электронного правосудия, безусловно, позволит решить определенные организационные и технические проблемы, существующие в современной отечественной системе ведения судопроизводства. Подобный электронный сервис может положительно повлиять на экономию временных и людских ресурсов, оптимизирует и унифицирует документооборот не только в системе судебных органов, но и других правоохранительных органов, таких как МВД, ФСБ, Прокуратуры и Следственный комитет Российской Федерации, нотариат и т. п. Более того, глобальная система электронного правосудия позволит вывести координацию своей деятельности между этими органами на новый качественный уровень развития, что позитивно скажется на качестве и скорости принимаемых решений. Если учитывать, что при этом будут внедрены и элементы искусственного интеллекта, то эффект от работы подобного электронного ресурса будет действительно революционным. Однако и это, во-вторых, глобальная система электронного правосудия требует не только качественного улучшения связи между отечественными судами, как это было упомянуто выше, но и потребует внедрение нового уровня развития именно российских электронных программных и технологических средств. Использование иностранных технологий создает угрозу национальной безопасности, особенно в такой области, как органы юстиции, поэтому мы полагаем, что электронное правосудие потребует и другую степень развития электронной промышленности, а также всей системы образования в Российской Федерации.

Список литературы

1. Концепция развития информатизации судов до 2020 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/koncepciya_razvitiya_informatizacii_sudov_do_2020_goda/.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 (ред. от 29.12.2020) «О федеральной целевой программе “Развитие

судебной системы России на 2013–2024 годы”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 1. Ст. 13.

3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=255#:~:text=ГАС%20>.

4. Иловайский И. Б., Левченко К. Е. «Умные технологии» и безопасное осуществление гражданских правоотношений: отдельные аспекты // Парадигмы управления, экономики и права. 2022. № 1 (5). С. 127–134.

*Матвеева Е. Ю.¹,
доцент Департамента международного
и публичного права Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДОГОВОРНЫЕ КОНСТРУКЦИИ, УСТАНОВЛИВАЮЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПОРЯДКУ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА

Право выполняет множество общесоциальных и специально-юридических функций, среди которых для гражданского права ключевой является регулятивная функция, которая, в том числе, реализуется посредством специальных договорных конструкций.

В настоящей статье будет рассмотрено регуляторное воздействие на исполнение гражданско-правовых договоров таких специальных договорных конструкций, как: публичный договор, договор присоединения, договор в пользу третьего лица, абонентский договор, опционный договор. Нормы о вышеназванных специальных договорных конструкциях помещены законодателем в раздел третий «Общая часть обязательственного права» первой части ГК РФ. Такая дислокация в структуре Гражданского кодекса вызвана правовой природой данных правовых феноменов. Не будучи сами договорами, имеющими предметом совершение действий по отношению к какому-либо объекту вещных прав, рассматриваемые в статье специальные договорные конструкции не имеют статуса гражданско-правового договора.

В форме специальных договорных конструкций могут быть реализованы самые разные виды договорных отношений, предусмотренных второй частью ГК РФ «Отдельные виды обязательств» – договоры купли-продажи, перевозки, страхования, банковского счета и т. д. Вернее сказать, в определенных условиях, определенные обязательственные договоры в силу указания закона заключаются и реализуются в соответствии с правилами, установленными для той или иной специальной договорной конструкции. О. С. Юренкова охарактеризовала специальные договорные конструкции как модели, «оболочки, которые одну за другой могут «примерять» на себя конкретные виды договоров» [12, с. 31]. Другой ученый С. Ю. Морозов также указал, что специальная договорная конструкция «на самом деле договором в собственном смысле не является, а представляет собой законодательную оболочку, которую может «примерить» на себя практически любой договор» [10, с. 14]. В современной доктрине договоры второй части ГК по отношению к специальным договорным конструкциям называют «основными договорами». Такое обозначение используют многие ученые: М. К. Сулейменов, М. Н. Малеина, Е. О. Ганева, А. Г. Карапетов, А. Н. Левушкин, Е. Б. Подузова и др. Мы согласны с таким терминологическим решением.

¹ © Матвеева Е. Ю., 2024.

Специальные договорные конструкции являются правовыми институтами и элементами позитивного гражданского права. Каждая специальная договорная конструкция, представляет собою комплекс императивных и/или диспозитивных правовых норм, устанавливающих единые правила, универсально применяемые к основным договорам различной целевой направленности. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что специальные договорные конструкции следует рассматривать как правовые средства, правовые инструменты, позволяющие модифицировать основные договоры в соответствии с требованиями законодательства и/или в соответствии с волеизъявлением сторон. Таким образом, специальные договорные конструкции выступают универсальными правовыми регуляторами гражданско-правовых отношений, обеспечивая «единство правового регулирования различных типов договоров» [8, с. 22].

В начале нынешнего столетия наука гражданского права обратилась к теории правовых средств и формирование этой теории В. А. Сапун охарактеризовал в 2002 г. как «принципиально новое явление в науке» [11, с. 3]. В. А. Сапун ставит знак равенства между понятиями «теория правовых средств» и «инструментальная теория права». И это объяснимо, поскольку правовые средства являются, прежде всего, инструментами, позволяющими достигать целей правового регулирования. «Для своего осуществления цель нуждается в средстве» [9, с. 196].

В данном контексте предлагается провести исследование специальных договорных конструкций публичного договора, договора присоединения, договора в пользу третьего лица, абонентского договора и опционного договора как регуляторных правовых средств применительно к стадии исполнения основного договора. При этом к стадии исполнения договора автор относит и вопросы изменения условий договора.

При реализации основного договора в конструкции договора присоединения закон наделяет присоединившуюся сторону правом потребовать изменения договора в судебном порядке «если договор присоединения хотя и не противоречит закону и иным правовым актам, но лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора» [1]. Статьей 428 ГК РФ установлено ретроспективное действие изменений договора присоединения – если суд удовлетворяет иск об изменении договора присоединения, то такие изменения считаются действующими с момента заключения договора. Специфика правового регулирования договора присоединения направлена на защиту интересов слабой стороны и на нивелирование последствий неравенства переговорных возможностей в связи с тем, что присоединившаяся сторона не могла участвовать в определении договорных условий.

Условия и порядок исполнения целого ряда публичных договоров императивно регламентированы нормативными актами, которые прямо указывают на то, что порядок исполнения договора является существенным условием публичного договора. При исполнении ряда публичных договоров потребитель

наделяется дополнительными правами. Например, при публичном договоре гостиничных услуг потребитель вправе требовать от исполнителя без дополнительной платы предоставления пользования медицинской аптечкой, доставки в номер корреспонденции, побудки к определенному времени и др. [3]. В публичном договоре подписки подписчик имеет право оформлять подписку на периодические печатные издания как на весь подписной срок, так и на часть срока или с перерывом срока [4]. При публичном договоре о реализации туристского продукта потребитель может потребовать от исполнителя оказания содействия в предоставлении услуг по страхованию рисков, связанных с совершением путешествия [5], и т. д.

Следует отметить, что при исполнении определенных публичных договоров дополнительные права возникают не только у потребителя, но и у исполнителя. Так, например, при оказании ветеринарных услуг исполнитель может потребовать увеличения стоимости договора при существенном возрастании затрат на оказание ветеринарных услуг (увеличение стоимости материалов и оборудования, услуг третьих лиц), а при отказе потребителя от увеличения цены исполнитель наделен правом расторжения публичного договора в судебном порядке [6]. В публичном договоре розничной купли-продажи технически сложных товаров бытового назначения продавец наделен правом привлекать третьих лиц для осуществления сборки и (или) установки (подключения) товаров [7]. Законодательство регламентирует и сроки, связанные с исполнением ряда публичных договоров. Так, например, в соответствии с Законом «О защите прав потребителей» (ст. 19 Закона), если потребитель предъявляет требование «об исключении из договора недопустимых условий договора, ущемляющих права потребителя, указанное требование подлежит рассмотрению в течение десяти дней со дня его предъявления с обязательным извещением потребителя о результатах рассмотрения и принятом мотивированном решении по существу указанного требования» [2]. Специфика правового регулирования процедур исполнения публичного договора обусловлена принципом защиты слабой стороны.

При реализации основного договора в конструкции договора в пользу третьего лица ГК РФ определяет специфику исполнения договора следующим образом. При договоре в пользу третьего лица «должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу» [1]. В ходе реализации договора в пользу третьего лица должник наделяется правом «выдвигать против требования третьего лица возражения, которые он мог бы выдвинуть против кредитора» [1]. К специфике исполнения договора в пользу третьего лица относится и установленная п. 2 ст. 430 ГК РФ диспозитивная норма о том, что с момента выражения третьим лицом намерения воспользоваться своим правом по договору стороны могут вносить изменения в основной договор, только получив от третьего лица согласие на такие изменения. Специфика исполнения договора в пользу третьего лица, представляя собой определенное ограничение свободы договора в части свободного определения условий исполнения (изменения) основного договора, обусловлена необ-

ходимостью обеспечения такого значимого, охраняемого законом интереса, как защита интересов третьих лиц.

Специальные нормы ст. 429.4 ГК РФ, касающиеся исполнения абонентского договора, предусматривают, что абонент оплачивает договор независимо от того, воспользовался он или нет правом получения товаров, работ, услуг по договору. Конструкция абонентского договора позволяет участникам гражданско-правового отношения получить дополнительные преимущества. Абонент получает гарантированное исполнение, он вступает в долгосрочные отношения с контрагентом, который готов «зарезервировать» и предоставить по первому требованию необходимое для абонента благо по фиксированной цене. Интерес обязанной стороны – контрагента абонента состоит в том, что при абонентском договоре формируется определенность ведения хозяйственной деятельности – понятен гарантированный доход, обеспечен гарантированный спрос, возможен дополнительный профит в случае, если абонент не запросил исполнение или запросил его в меньшем объеме, чем на это рассчитывала обязанная сторона, формируя стоимостные характеристики абонентной платы.

По опционному договору, согласно ст. 429.3 ГК РФ, исполнение договора увязано с реализацией права держателя опциона затребовать исполнение. Стороне-держателю опциона за опционную премию предоставляется секундарное право потребовать от второй стороны в установленный договором срок предусмотренных опционным договором действий (передать или принять имущество, совершить платеж, выполнить работу, оказать услугу и т. д.). Таким образом, введение специальной договорной конструкции опционного договора закрыло определенную «нишу» в гражданско-правовом обороте – участники договорных отношений получили правовое средство, позволяющее конструировать введение в действие основного договора обязательное лишь для одной стороны и дающее возможность отказаться от исполнения основного договора для второй стороны.

Создавая институты специальных договорных конструкций, законодатель стремился распространить определенные правила на целый ряд различных по своему целевому назначению гражданско-правовых договоров. В противном случае одни и те же правовые нормы необходимо было бы внести в целый ряд глав второй части ГК РФ. Таким образом, специальные договорные конструкции следует рассматривать как системные, универсальные регуляторы гражданско-правовых отношений и гражданско-правовых договоров различной целевой направленности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1853 (ред. от 01.04.2021) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 759 «Об утверждении Правил распространения периодических печатных изданий по подписке» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2020 г. № 1852 (ред. от 06.09.2021) «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 августа 1998 г. № 898 (ред. от 04.02.2021) «Об утверждении Правил оказания платных ветеринарных услуг» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Брагинский М. И., Хармати А. Общие положения о договорах в законодательстве стран – членов СЭВ // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву. 1989. № 44. С. 21–41.
9. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1972.
10. Морозов С. Ю. Некоторые проблемы, связанные с определением правовой природы гражданско-правовых организационных договоров // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 11–14.
11. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2002.
12. Юренкова О. С. Специальные договорные конструкции о предоставлении субъективного права требования заключения и исполнения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Ульяновск, 2014.

Мачинский Н. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЛИЗИНГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

Сложность политической ситуации последних лет привела к тому, что международные отношения нашего государства с другими странами претерпели существенные изменения. Санкции определенного блока стран были направлены на ухудшение внешнеэкономических отношений с Россией. Разумеется, такие сложности затронули и лизинговые отношения. В связи с этим появились проблемы в осуществлении договора финансовой аренды (лизинга) между иностранным лизингодателем и отечественным лизингополучателем. Стоит отметить, что данная правовая дилемма оказывает значительное влияние не только на экономическую подсистему государства, но и затрагивает сферу интересов собственности физических и юридических лиц, сферу оказания услуг, а также другие объекты гражданских правоотношений, что, безусловно, подтверждает актуальность данной проблемы.

На фоне имеющихся сложностей, вызванных несколькими пакетами санкций, связанных с реализацией договоров лизинга, автор данной статьи обращает внимание на одну из сложившихся острых проблем, а именно лизинг воздушных судов. Так, многие зарубежные лизингодатели выступили с требованием о прекращении договоров финансовой аренды воздушных судов с отечественными компаниями. Наряду с этим иностранные государства приостановили техобслуживание и страхование воздушных судов, находящихся у отечественных организаций [1]. В связи с вышеописанным национальным законодательством был предпринят ряд ответных мер, которые выразились в издании новых нормативных актов и внесении изменений в уже действующее законодательство. Для анализа описанной ситуации автор статьи предлагает обратиться к законодательству и международным актам.

Основная часть лизинговых отношений в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» [2]. Вышеназванный федеральный закон закрепляет легальную дефиницию договора финансовой аренды. Стоит отметить, что определение, равное по смыслу и содержанию, закреплено и в Гражданском кодексе

¹ © Мачинский Н. А., 2024.

Российской Федерации (ГК РФ) в ст. 665, а также в Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге [3; 5]. Указанные нормативные правовые акты регулируют порядок и условия заключения договора лизинга, а также права и обязанности сторон договора. Рассматривая лизинг воздушных судов и отдельные отношения, возникающие в сфере гражданской авиации, стоит остановиться на одном из основных международных актов, регулирующем данные отношения. Таким документом является Конвенция 1944 г. «О международной гражданской авиации», в которой есть ряд положений, регулирующих международные отношения авиаперевозок, отношения принадлежности и регистрации воздушных судов [6]. Однако, по мнению автора данной статьи, вышеперечисленные нормативные акты не могут решить сложившуюся проблему, так как не в полной мере регулируют сложившийся международный спор и не в полном объеме отвечают интересам отечественного лизингополучателя.

Для того чтобы сохранить арендуемую у иностранных компаний по договору лизинга авиацию, был издан Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», в котором говорится, что совершение новых сделок и исполнение обязательств по заключенным сделкам с контрагентами, в отношении которых применены специальные и экономические меры, запрещено [4]. Одновременно с этим Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100 наделяет Правительство Российской Федерации полномочиями осуществления специальных экономических мер, которые заключаются в запрете вывоза самолетов из Российской Федерации по требованию зарубежного лизингодателя [7]. В подкрепление положений указа Правительством Российской Федерации было издано два Постановления: от 19 марта 2022 г. № 411 и № 412, в которых более четко изложен порядок осуществления договора лизинга, а также порядок регистрации лизинговых самолетов в госреестре [8–9]. Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Мишустин прокомментировал вышеназванные постановления: «Правительство с первых дней помогает перевозчикам сохранить парк зарубежных воздушных судов. Принимаем меры, чтобы скорее вернуть самолеты в небо. Причем все шаги выполняем строго с соблюдением действующих норм воздушного права, в том числе и международного» [10].

В то же время 22 марта 2022 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 92282-8, по которому в случае невозможности исполнения обязательства, данное обязательство можно прекратить полностью или частично, что, по мнению автора статьи, является существенным шагом для решения затруднения, связанного с выплатой средств по договору финансовой аренды воздушного судна [11].

Ввиду многогранности сложившегося положения, помимо исполнения обязательств по договору лизинга, появляется вопрос с регистрацией самолетов, находящихся в пользовании отечественных компаний. Ответ на него дан в Указе Президента от 14 марта 2022 г. № 56 «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской

Федерации». В данном указе разъясняется порядок регистрации лизинговых воздушных судов иностранных контрагентов. Российские компании могут обратиться в государственные органы для регистрации летной пригодности, для использования воздушного судна в России [11]. Автор данной статьи считает, что меры, изложенные в данном указе, поспособствуют решению ряда обстоятельств, связанных с эксплуатацией предмета лизинга, однако такие контрмеры вызывают закономерный вопрос правомерности. Для того чтобы разобраться в правомерности действий отечественных законодателей, автор данной статьи обращается к «Конвенции о международной гражданской авиации», а именно к гл. 3, в которой сказано, что у воздушного судна есть своя национальность, что означает принадлежность определенного самолета конкретной стране. Данная принадлежность закрепляется в регистре. Регистрация одного и того же воздушного судна в регистр двух стран не допускается [6]. Указанные положения Конвенции порождают весьма очевидную проблему непризнанности перерегистрированных самолетов и невозможности использования их для осуществления перелетов в зарубежные государства.

Возвращаясь к вопросу правомерности принятых мер по использованию и регистрации, автор статьи по смыслу изложенных в конвенции правил делает вывод о том, что действия отечественных законодателей по вопросам перерегистрации воздушных судов противоречат нормам международного права. Однако в силу того, что все действия, предпринятые правительством, были направлены на урегулирование внешнеэкономических отношений в условиях недружественной политики, вопрос правомерности вышеуказанных мер неоднозначен и требует дальнейшего изучения. Несмотря на это, изложенные в статье положения российского законодательства позволяют частично решить вопрос с самолетами, которые находятся в оперативном и финансовом лизинге. Также из Конвенции следует, что перерегистрация возможна в случае, если первоначальная регистрация воздушного судна была аннулирована по соглашению сторон договора, следовательно урегулирование вопроса перерегистрации можно достигнуть и путем переговоров и налаживания отношений.

В настоящее время ведутся переговоры с зарубежными компаниями на предмет выкупа самолетов для правомерного урегулирования ситуации, решение которой удовлетворило бы обе стороны спора. Выкуп самолетов планируется реализовать с помощью выделенных средств из Фонда национального благосостояния (ФНБ), по последним данным, российская компания «Аэрофлот» уже выкупила 18 самолетов по договорам финансового лизинга у зарубежных лизингодателей [13]. Данные действия, на взгляд автора статьи, показывают заинтересованность государственного аппарата в регулировании вышеуказанных соглашений, так как средства на их реализацию выделяются из федерального бюджета.

Стоит отметить, что наибольшую сложность представляют переговоры по реализации выкупа воздушных судов из операционного лизинга, так как данный вид лизинга имеет свою специфику. Она заключается в предоставлении предмета лизинга на определенный срок без возможности приобрести данное имущество. В соответствии с этим воздушное судно возвращается к лизингода-

телю после окончания срока пользования. Соответственно, порядок выкупа самолетов у зарубежных лизингодателей будет иметь свои юридические нюансы.

По сообщению издательства РБК, для выкупа самолетов из операционного лизинга, будет создана кэптивная лизинговая компания, которая решит проблему выкупа у иностранных компаний, после чего воздушные судна перейдут в собственность новому отечественному лизингодателю, с которым также будет заключен договор лизинга [14]. На взгляд автора данной статьи, вышеуказанные действия отвечают сегодняшней проблеме и позволят осуществлять лизинговые отношения с соблюдением российского законодательства.

Подводя итог, стоит сказать, что проблема лизинга иностранных самолетов во многих аспектах ее сущности является сложно разрешимой. Из анализа нормативных актов, использованных в данной статье, целесообразно утверждать, что национальное законодательство своевременно урегулировало лизинговые отношения, однако остается открытым вопрос противоречивости отечественного законодательства и международных норм и правомерности неисполнения международных обязательств. Стоит полагать, что верным направлением разрешения сложившихся отношений будет выкуп предмета лизинга у зарубежных лизингодателей, под руководством и финансовой поддержкой государственного аппарата. Справедливо сказать, что наше государство следует верным вектором для урегулирования международных отношений в сфере договоров лизинга, финансируя отечественных лизингополучателей и охраняя их интересы, а также развивая добросовестное сотрудничество с иностранными государствами.

Список литературы

1. Что будет с российской авиаотраслью из-за санкций // Официальный сайт Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/457955-cto-budet-s-rossijskoj-aviaotraslu-iz-za-sankcij?ysclid=lppo6d7tq3899526966>.
2. Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 44. Ст. 5394.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Указ Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 (ред. от 22.12.2022) «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 19. Ст. 3188.
5. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге // Электронный фонд правовых нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901721704>.
6. Конвенция о международной гражданской авиации // Электронный фонд правовых нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240>.

7. Указ Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100 (ред. от 20.07.2023) «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 167.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 412 «Об утверждении особенностей исполнения договоров финансовой аренды (лизинга), договоров аренды иностранных воздушных судов, используемых для полетов лицами, указанными в пункте 3 статьи 61 Воздушного кодекса Российской Федерации, авиационных двигателей в 2022 году» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/ZAKpnVb7HUMezz8t7DAEdlnewCMWljkL.pdf>.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 411 «Об особенностях государственной регистрации предназначенных для выполнения полетов гражданских воздушных судов в Государственном реестре гражданских воздушных судов Российской Федерации и особенностей государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/xzgbCHFAWAFfvjV0KaaLbOpvCTHySZJI.pdf>.

10. Правительство определило порядок дальнейшей эксплуатации иностранных самолетов российскими перевозчиками // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/44898/>.

11. В Госдуму внесен законопроект о последствиях невозможности исполнения обязательств из-за введенных санкций // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://www.garant.ru/news/1534093/?ysclid=lppwzeyg6e278991442>.

12. Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 56-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12. Ст. 1783.

13. «Аэрофлот» переоформил в российскую собственность 18 самолетов ирландской AerCap // Официальный сайт Forbes. URL: <https://forbes.ru.turbopages.org/forbes.ru/s/biznes/495927-aeroflot-pereoformil-v-rossijskuu-sobstvennost-18-samoletov-irlandskoj-aercap>.

14. Для иностранных самолетов «Аэрофлота» создадут лизинговую компанию // Официальный сайт РБК. URL: <https://rbc.ru.turbopages.org/rbc.ru/s/business/16/06/2023/648>.

Мжаванадзе В. Э.¹,

аспирант кафедры правового обеспечения

экономической деятельности

Самарского государственного экономического университета

Научный руководитель:

Дашин А. В.,

профессор кафедры правового обеспечения

экономической деятельности

Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЕРМИНА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Несомненно, влияние искусственного интеллекта в наше время возрастает с каждым днем. Данный тезис одинаково применим к российским и мировым реалиям. Обширная применимость технологии искусственного интеллекта в бизнес-процессах, промышленности, медицине и иных отраслях, где необходима обработка большого массива данных, стремительно меняет существующую правовую реальность.

Однако можем отметить, что мировое и российское правовое регулирование авторского права в сфере искусственного интеллекта полностью не сформировалось и вызывает множество вопросов у правоприменителей, особенно в рамках договорного права. К примеру, договор коммерческой концессии – одна из тех договорных конструкций в России, предмет которой состоит в предоставлении права использования исключительных прав на различные результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации. Роль искусственного интеллекта в создании, формировании, в частности предмета коммерческой концессии, крайне велика.

В рамках указанной статьи мы проанализируем законодательные акты, в которых содержится определение искусственного интеллекта, дадим им оценку с точки зрения юридической техники и практической применимости. Это важно, так как прежде, чем задаваться вопросами права о возможности присвоения статуса «автора» искусственному интеллекту, необходимо дать его определение.

Прежде всего, скажем, что общепринятого определения термина «искусственный интеллект» не существует. Ввиду того, что США является флагманом в разработке искусственного интеллекта, рассмотрим доктринальное и законодательное поле регулирования этого термина.

С момента его первого использования Джоном Маккарти в 1955 г., возник огромный спектр определений. Однако единства мнений среди ученых по этому вопросу отсутствует до сих пор. Тест Тьюринга является, пожалуй, самым известным определением ИИ. В 1950 г. Аллан Тьюринг предложил тест, который он назвал «игрой в имитацию». На основе этого теста можно дать следую-

¹ © Мжаванадзе В. Э., 2024.

щее определение ИИ: «Искусственный интеллект – это любой компьютер, прошедший тест Тьюринга. Под «тестом Тьюринга» понимается игра, в которой принимают участие три участника: человек, компьютер и человек-судья. Тест Тьюринга пройден, если судья не может эффективно отличить человека от компьютера.

Другое популярное определение принадлежит Джону Маккарти, опубликованное в 2007 г. в статье «Что такое искусственный интеллект?». В этой статье он определяет искусственный интеллект следующим образом: «означает науку и технику создания интеллектуальных машин. Интеллект означает вычислительную часть способности достигать целей в мире».

Сегодня многие исследователи искусственного интеллекта определяют его через термин «интеллектуальный агент». Например, Стюарт Рассел и Питер Норвиг используют следующее определение в своем стандартном учебнике «Искусственные интеллект: современный подход»: Агент – программная система, которая воспринимает окружающую среду через датчики и воздействует на эту среду через исполнительные механизмы. «Интеллект» означает способность выбирать действие, которое максимизирует показатель эффективности.

С точки зрения права вышеуказанные определения являются чрезмерно всеобъемлющими. Тест Тьюринга не способна пройти система, коммуницирующая не на человеческом языке, однако из-за этого она не перестанет быть по своей сути искусственным интеллектом. Апеллируя к определению Д. Маккарти, отметим, что достижение целей можно приписать многим системам, однако далеко не все нуждаются в нормативном регулировании (например, калькуляторы). Аналогичный тезис применим и к достижению показателей максимальной эффективности.

Существует и еще одна точка зрения, которая утверждает, что законодательным органам не следует использовать термин «искусственный интеллект» в целях регулирования, поскольку не существует определения, которое соответствовало бы требованиям юридической техники.

Терминология должна выстраиваться не из универсального определения для всех систем искусственного интеллекта, а исходить из запрограммированных конструкций, использованных в конкретных системах и вариантов ее использования.

Законодательство США разделяет позицию ученых в части особой сложности нормотворческого регулирования указанной сферы. В связи с этим США избирают принцип мягкого правового регулирования и закрепляют основы в приказе президента, который носит рекомендательный характер, выраженный в пяти принципах: безопасность и эффективность создаваемых систем, отсутствие дискриминации со стороны алгоритмов, безопасность личных данных, информирование пользователей о порядке обращения с системой, закрепление альтернативы выбора – человека. Несмотря на то что приказ имеет рекомендательный характер, суд уже поддержал Министерство юстиции США и обязал компанию *Meta AI* (организация *Meta* признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*), занимающую-

ся разработками искусственного интеллекта, устранить дискриминационные предпосылки в рекламных акциях.

В 2021 г. в Законе о национальной инициативе в области искусственного интеллекта находит закрепление следующий термин: «искусственный интеллект» означает машинную систему, которая может по заданному человеком набору целей делать предсказания, давать рекомендации и принимать решения, влияющие на физическую или виртуальную среду».

Таким образом, в законодательстве США в 2021 г. официально закрепили термин искусственного интеллекта, и с точки зрения правового регулирования термин близок по значению к любому другому программному обеспечению.

В отечественном законодательстве есть легальное закрепление рассматриваемого термина: искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Вместе с тем несмотря на то что попытка закрепления понятия искусственный интеллект само по себе играет положительную роль, вышеотмеченное определение подвергают сомнение в науке. Легитимное понятие фиксирует способность искусственного интеллекта через призму автономности мыслительных процессов адаптироваться к новым ситуациям, самостоятельность при принятии решений. В настоящее же время искусственный интеллект не достиг такого уровня развития. Ученые считают, что в будущем возможности искусственного интеллекта станут эквивалентны человеческим.

Более того, тот факт, что искусственный интеллект достиг невероятно высокой скорости принятия решений, не означает, что эти возможности можно сравнивать с человеческими, поскольку человеческий мозг до конца не изучен. Более того, какой бы серьезной ни была мощь искусственного интеллекта, он вряд ли способен полностью агрегировать сознание, подсознание и человеческие эмоции.

Исходя из самого определения и анализируя признаки искусственного интеллекта, следует сделать вывод, что характеристики и возможности искусственного интеллекта в принципе некорректно называть интеллектом, а тем более сравнивать его с когнитивными функциями человеческого мозга.

Таким образом, прежде чем идти дальше в рассуждениях о возможности предоставления правосубъектности искусственного интеллекта, необходимо прийти к единому пониманию рассматриваемого термина и уже после этого переходить к следующим вопросам с учетом сложившихся рисков и перспектив.

Список литературы

1. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind, 1950, no. 59, pp. 433–460.

2. H.R.6216 – National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020.
3. McCarthy J., Minsky M., Rochester N. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence, 1955.
4. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Stanford University, 2007.
5. Schuett J. A legal definition of AI // URL: https://www.researchgate.net/publication/335600149_A_Legal_Definition_of_AI.
6. Justice Department and Meta Platforms Inc. reach key agreement as they implement groundbreaking resolution to address discriminatory delivery of housing advertisements, Jan. 9, 2023 // URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-and-meta-platforms>.
7. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence: Executive Order 13859 of February 11, 2019 // Available at: URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/>.
8. Scherer, MU, Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, And Strategies (2016) 29.
9. Stuart Russell and Peter Norvig. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Pearson Education, 3rd edition, 2009.
10. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

Мирикова И. В.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДОГОВОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ С УЧАСТИЕМ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В современном мире, отмеченном глобализацией и интенсивными экономическими взаимодействиями между странами, заключение договоров международной купли-продажи товаров приобретает особую актуальность. Российский бизнес активно стремится к расширению географии своих торговых партнеров, и международные сделки становятся важным инструментом для достижения этой цели. В условиях постоянных изменений в мировой экономике и торговле разработка эффективных механизмов заключения и реализации международных договоров становится ключевым фактором успешной конкуренции. Активное участие российских организаций в международных сделках способствует не только экономическому росту страны, но и обогащению ее бизнес-среды многообразием опыта, технологий и инноваций. Таким образом, рассмотрение договоров международной купли-продажи товаров с участием российских организаций является крайне актуальным в контексте стремительного развития глобальных рынков и постоянного поиска новых возможностей для развития и сотрудничества.

Договор международной купли-продажи товаров представляет собой соглашение между сторонами из разных стран, определяющее условия продажи и покупки товаров. В этом договоре определяются основные условия сделки, такие как цена, количество, качество товаров, сроки поставки, условия оплаты, а также устанавливаются права и обязанности сторон.

В современном мире международная купля-продажа товаров играет ключевую роль в развитии глобальной экономики, обеспечивая обмен товарами и услугами между странами. Этот процесс стал неотъемлемой частью международной торговли, где компании со всего мира вступают в сделки для обеспечения доступа к различным ресурсам и рынкам. В процессе исполнения договоров российские компании могут сталкиваться с различными проблемами, такими как изменение валютных курсов, таможенные вопросы, а также различия в бизнес-культуре и юридических нормах. Эффективное решение этих проблем требует гибкости и адаптации к переменным условиям мирового рынка. В контексте Рос-

¹ © Мирикова И. В., 2024.

сии участие российских организаций в международных сделках способствует развитию экономики страны и ее интеграции в мировую экономическую систему.

Российские компании принимают активное участие в этом процессе, стремясь расширить свои рынки и обеспечить доступ к новым технологиям. Это включает в себя как импорт, так и экспорт товаров, что способствует обмену опытом и стимулирует экономический рост. Международная купля-продажа товаров, осуществляемая российскими компаниями, не только способствует экономическому росту, но и вносит свой вклад в глобальную экономику, укрепляя взаимовыгодные отношения и стимулируя инновационное развитие.

Договоры международной торговли обычно подразумевают соблюдение определенных стандартов и требований [5].

Некоторые ключевые положения, которые часто учитываются в таких договорах, включают:

- определение сторон и ответственности;
- условия поставки и оплаты;
- таможенный и транспортные требования. Учет таможенных процедур, требований к упаковке и маркировке товаров, а также условий транспортировки и страхования;
- определение стандартов качества и соответствия, которые должны соблюдаться для поставляемых товаров;
- условия разрешения возможных конфликтов.

Эти аспекты могут варьироваться в зависимости от конкретного вида товаров, стран-участников и других факторов.

Участие российских организаций в международных сделках имеет стратегическое и экономическое значение как для самих компаний, так и для всей российской экономики:

- участие в международных сделках позволяет российским компаниям диверсифицировать свои рынки и обеспечить стабильность продаж, минимизируя зависимость от внутренних факторов;
- международные сделки открывают путь к передовым технологиям, инновациям и передовому опыту, что способствует повышению конкурентоспособности российских организаций;
- активное участие российских организаций в международных сделках содействуют росту национальной экономики, привлекая иностранные инвестиции и способствуя созданию рабочих мест;
- участие в мировых сделках способствует укреплению репутации российских компаний на мировой арене, что благоприятно влияет на бренд и привлекательность для партнеров;
- международное взаимодействие обеспечивает обмен опытом и знаниями, что способствует профессиональному развитию и повышению эффективности бизнеса;
- международное взаимодействие предоставляет возможность обмениваться опытом и знаниями с мировыми лидерами, что способствует росту российских компаний и т. п.

Некоторые из трудностей, с которыми российские организации могут столкнуться при участии в международной купле-продаже товаров, включают в себя сложности в таможенном оформлении и соблюдении международных товарных соглашений, культурные различия, изменения валютных курсов, а также соблюдение различных нормативов и стандартов, предъявляемых странами-партнерами. Также существенную роль играют политические и экономические изменения, которые могут повлиять на условия международного бизнеса. Дополнительными вызовами являются различия в законодательстве, что требует от компаний тщательного изучения правовых норм и регуляций в каждой стране, участвующей в торговле. Проблемы с транспортировкой, а также нестабильность в области информационных технологий и кибербезопасности могут оказать влияние на безопасность и эффективность процессов. Кроме того, конкуренция на мировом рынке может стать вызовом, особенно для малых и средних предприятий. Необходимость адаптации к разнообразным культурным и языковым контекстам является важным аспектом успешного участия в международной купле-продаже товаров.

Одним из ключевых документов, регулирующих такие сделки, является «Конвенция ООН о договорах международной купле-продаже товаров» (Венская конвенция, принятая 1980 г.) (далее – Конвенция) [2]. Этот документ устанавливает общие стандарты для заключения, исполнения и прекращения международной купли - продажи и является фундаментальным инструментом в области мировой торговли. Она применяется к международному договору, если участвующие стороны находятся в разных странах.

Конвенция не устанавливает порядка разрешения споров и сроков исковой давности. Также, в соответствии со ст. 3 Конвенции, она не распространяется на договоры, где обязательства поставщика товара в основном связаны с выполнением работ или предоставлением услуг.

В общем, Конвенция является диспозитивной, что позволяет сторонам договора изменять ее условия и отступать от положений. Стороны могут полностью исключить ее применение в своих отношениях.

Российское законодательство в данной сфере также определяет правовые основы международных торговых сделок. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности [4].

В законодательстве России, как и в большинстве стран, стороны договора имеют право выбора права. В случае отсутствия указания на применяемое право в договоре применяется общая коллизионная норма согласно п. 1 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]. Эта норма распространяется практически на все гражданско-правовые договоры и направляет к закону страны, с которой договор связан наиболее тесно. Таким образом, применяемым правом считается закон страны, где находится основное место деятельности стороны, осуществляющей исполнение, что имеет решающее значение для содержания договора.

Заключение международных договоров купли-продажи представляет собой сложный процесс, требующий внимательного юридического анализа и соблюдения многочисленных норм и стандартов. Российские компании, участвующие в таких сделках, должны тщательно оценивать аспекты соглашения, включая правовую защиту, риски и обязанности сторон. Обеспечение соблюдения всех юридических норм и стандартов способствует доверию между сторонами и снижает риски возможных конфликтов. Заключение таких договоров также является важным инструментом для интеграции российских компаний в мировую экономику, способствуя обмену технологиями, опытом и ресурсами. Таким образом, эффективное управление международными договорами купли-продажи товаров открывает новые возможности для российских организаций, способствуя их конкурентоспособности и устойчивому развитию в глобальной экономической среде.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС РФ. 1994. № 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданское право. Часть первая : учебник / отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М. : Юристъ, 2005.
8. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М. : БЕК, 1998.
9. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М. : Инфра-М, 2005.
10. Гражданское право : учебник. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2000.
11. Международное частное право : учебник» / В. Н. Борисов и др. ; отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Контракт, 2018.
12. Международное частное право : учебник / М. М. Богуславский. М. : Норма : Инфра-М, 2016.

Метелица К. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСКОРЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Гражданский процесс является неотъемлемой составляющей повседневной жизни в современном обществе. Он включает в себя разрешение споров, защиту прав и интересов граждан и юридических лиц. Подобно тому, как цифровые технологии проникают во все сферы жизни людей, они также оказывают значительное влияние на гражданский процесс. На современном этапе внедрение цифровых технологий в процесс разрешения гражданских споров позволяет не только ускорить гражданское судопроизводство, но и повысить эффективность обеспечения прав каждого из участников спора.

Именно цифровые технологии способны оптимизировать отдельные этапы процесса или даже весь их комплекс при отправлении правосудия, существенно упрощая или ускоряя разрешение спорного вопроса. Здесь внедрение данных технологий обусловлено, прежде всего, соображениями прикладного характера. Как отмечается представителями доктрины, «можно сказать, что сегодня это стало одним из руководящих начал гражданского судопроизводства, осуществляемого с помощью информационно-цифровых технологий» [6, с. 62].

Информационные технологии применяются в судебной деятельности для делопроизводства и практического осуществления процессуальных действий. Эти два направления использования технологий различаются по целям, задачам, наличию законодательного регулирования и практической реализации. Примерами успешно используемых технологий в делопроизводстве являются системы автоматизации правосудия, такие как «МойАрбитр» и ГАС «Правосудие». В судебных заседаниях по гражданским делам широко применяются системы веб-конференций и ВКС в качестве дистанционных средств связи. При этом наибольшую актуальность приобретает вопрос наличия или отсутствия возможности использования искусственного интеллекта, в том числе, при принятии решений в рамках гражданского судопроизводства.

Обсуждая вопрос о возможности, необходимости и целесообразности применения различного рода технологий, одной из которых является ИИ, в судебной системе Российской Федерации, изначально, полагаем, немаловажным

¹ © Метелица К. А., 2024.

определиться с понятийным аппаратом. В этой связи на данный момент следует констатировать отсутствие единообразного подхода к определению понятия «искусственный интеллект». Многие исследователи говорят о том, что искусственный интеллект – это лишь компьютерная система, которая способна имитировать когнитивные функции, присущие человеку. Среди таких функций преимущественно выделяется возможность ИИ к самообучению и поиску решений определенных задач на основании того алгоритма, который был заложен разработчиком в систему ИИ при его создании. Результатом реализации перечисленных возможностей становится создание определенных результатов, которые и выступали целью при организации системы ИИ [5, с. 123].

Исходя из данной позиции авторов, можно сделать вывод о том, что для искусственного интеллекта характерно наличие способности обучаться, причем обучение это может происходить самостоятельно. Кроме того, искусственный интеллект включает в себя и определенные процессы и схемы, благодаря которым происходит обработка данных, но все это изначально заложено в ИИ именно гражданином – создателем той или иной автоматизированной системы.

В Российской Федерации также имеется нормативный правовой акт, положения которого раскрывают сущность искусственного интеллекта. Данным нормативным актом выступает Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым была утверждена «Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [3] (далее – Стратегия).

Важно отметить, что Стратегия является также и первым документом в России, в котором представлено легальное определение ИИ. На основании определения, приведенного в подп. «а» п. 5 Стратегии, можно сказать о том, что законодатель также особое внимание уделяет возможности ИИ к самообучению, а также наличию у него способности находить решения для тех задач, что перед ним поставлены людьми. Кроме того, на законодательном уровне отмечается, что результаты, полученные вследствие деятельности искусственного интеллекта, можно сравнить с результатами, создаваемыми человеком при помощи наличия у него интеллектуальных способностей.

В то же время искусственный интеллект ограничен заложенным при его создании потенциалом, несмотря на возможность самообучения. Технологические процессы и алгоритмы, которые определяют ИИ, имеют определенные рамки и пределы развития. В отличие от ИИ, у физического лица нет ограничений в своем сознании. Человек способен находить нестандартные решения, развивать свой творческий потенциал и действовать свободно, в то время как искусственный интеллект лишен такой свободы.

Что касается вынесения решения, здесь стоит отметить следующее: дело в том, что в классическом гражданском процессе единственным субъектом, формулирующим выводы по представленным сторонами правовым и фактическим обстоятельствам спорного дела, является судья, т. е. человек. В новых же условиях обработка, осмысление и использование полученной информации и извлечение из нее в автоматическом режиме с помощью цифровых технологий новых сведений становятся реальностью [7, с. 751].

Суждения ученых об использовании ИИ в судопроизводстве, а именно в приказном производстве, нельзя признать абсолютно бессмысленными и бесполезными, особенно учитывая современный практический опыт существующего на сегодняшний день процессуального порядка выдачи судебного приказа. В данном производстве не вызываются стороны, не проводится судебное заседание, предъявляемые требования бесспорны, что вытекает из положений гл. 11 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ [2].

Учитывая уже существующий современный зарубежный опыт, специалисты достаточно широко обсуждают идею замены судьи на интеллектуальную автоматизированную машину пока только применительно к бесспорным делам, например, в приказном производстве.

Подобного рода замена судьи соответствующим интеллектуальным механизмом обуславливает необходимость поиска ответа на ряд объективно возникающих вопросов. В частности, если данный механизм будет осуществлять выдачу судебного приказа, то, следовательно, его необходимо будет наделить соответствующим правовым статусом, что предполагает наличие и использование предоставленных законом процессуальных прав и обязанностей подобно тем, которые имеются у судьи, т. е. по идее, ИИ должен будет иметь что-то подобное существующему статусу судьи. Отсюда возникает совершенно справедливый вопрос: является ли ИИ, выдающий судебный приказ, субъектом процессуальных отношений?

А. А. Иванов, известный юрист и эксперт в области права, задает важный вопрос о возможности цифровизации внутреннего убеждения судьи. Он указывает на то, что хотя искусственный интеллект может использоваться в юридической сфере, принятие решений о применении норм и их интерпретации должно оставаться в компетенции человека. Таким образом, Иванов подчеркивает, что в конечном счете все решения, которые касаются выбора соответствующих норм и их применения, должны быть приняты только судьей на основе его собственных внутренних убеждений [8].

В рамках обсуждаемой проблематики следует обратить внимание на довольно спорную позицию Р. В. Душкина, одного из докладчиков на ежегодной международной научно-практической конференции «Гайдаровский форум» 2019 г. Р. В. Душкин особо подчеркивает важность нормативного права и предлагает наделять правами искусственный интеллект через соответствующие правовые документы, а его обязанности определять в зависимости от его функциональности. Помимо этого, автор обсуждает вопрос юридической ответственности ИИ-систем и предлагает четыре варианта «санкций», включающих отключение, перепрограммирование, перетренировку и наложение штрафов [9].

Статья 67 ГПК РФ гласит: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Явно искусственный интеллект не обладает подобными ценностями. Кроме того, Хартия, разработанная Советом Европы в 2018 г., о этических принципах применения ис-

кусственного интеллекта в судебных системах также предлагает не передавать самопроизвольное применение правосудия искусственному интеллекту [1].

Анализируя возможность замены судей искусственным интеллектом, появляется вопрос о том, насколько эти системы способны заменить человеческое суждение. Ведь такие программы могут использовать когнитивные возможности, сходные с человеческими, и переносить определенные предубеждения. Однако стоит помнить, что искусственный интеллект может включать в себя предвзятость людей, которые его создавали, а также предвзятость людей, с которыми он взаимодействует.

Формирующиеся точки зрения относительно правосубъектности искусственного интеллекта указывают на то, что есть группы людей, которые категорически отрицают целесообразность такой возможности. Другие же считают, что ИИ представляет собой беспристрастный и справедливый механизм, который может заменить судью, хотя система сама по себе не может обладать такими качествами. Однако на данный момент внедрение системы искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство имеет ключевое значение не столько в том, чтобы иметь машину, обладающую высокими моральными качествами и способную принимать решения самостоятельно, сколько в практическом облегчении работы судебной системы в целом.

Несомненно, современные цифровые технологии и автономные интеллектуальные системы имеют потенциал для оптимизации многих процессов. Однако на данный момент мы считаем, что присвоение системам искусственного интеллекта правосубъектности не является возможным даже с концептуальной точки зрения. Несмотря на то, насколько совершенными они могут быть, ИИ по своей природе остается всего лишь системой (механизмом, алгоритмом, программой), и в его функционале все также существуют значительные риски управления, технического и другого характера, которые неизбежны.

В судебном делопроизводстве и судебных архивах возможно использование искусственного интеллекта, что представляет определенную перспективу. Например, благодаря применению технологий роботов *Baxter* и *Sawyer* можно автоматизировать множество практических и универсальных задач. При подаче искового заявления и принятии дела к производству эти роботы могут помочь в упорядочивании документов, формировании дела, отправке корреспонденции и составлении судебных повесток. Это позволит существенно ускорить и улучшить процесс работы, упростить документооборот и повысить эффективность судебной системы [4, с. 27]. Во время рассмотрения дела в суде робот имеет возможность быстро и точно найти нужное дело из обширного массива, а также моментально включить в него новые документы. Мы также считаем, что при внедрении цифровых технологий необходимо уменьшить использование бумажных документов, чтобы избежать дублирования действий сотрудников судебной системы. В противном случае цифровизация судебного процесса не сможет оптимизировать работу судов и перевести ее на должный уровень информатизации.

В заключение можно сказать, что внедрение систем искусственного интеллекта в гражданское судопроизводство находится только на начальной стадии.

Чтобы использование таких систем в судебной деятельности привело к преобразованию и повышению качества правосудия, необходимо, чтобы этот сектор достиг более высокой степени цифровой зрелости. Несмотря на то что уже имеются определенные достижения в этой области, они все еще требуют дальнейшего научного и практического исследования. Мы считаем, что со временем некоторые из рассмотренных предложений могут найти свое применение в работе судебного корпуса, аппарата суда и системы правосудия в целом, улучшив их эффективность.

Таким образом, на настоящий момент возникает потребность разрешения проблемных вопросов правового регулирования в части применения систем искусственного интеллекта в рамках гражданского судопроизводства.

Список литературы

1. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях от 3 декабря 2018 г. // URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860>.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Журавлева М. Д. К вопросу о внедрении и использовании систем искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. №. 1 (12). С. 20–28.
5. Захаров В. Н. Об уточнении понятия «искусственный интеллект» и его применения // Системы компьютерной математики и их приложения. 2021. № 22. С. 122–129.
6. Кузнецов М. Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. №. 2. С. 58–67.
7. Русакова Е. П. Реализация конструкции смарт-контракта в правовой системе России // Международная конференция по образованию, социальным и гуманитарным наукам. 2019. № 6. С. 748–753.
8. Судебный процессор Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3466185>.
9. Доклад «ИИ-системы как субъекты права» на Гайдаровском форуме // URL: <https://dzen.ru/media/aicnt/doklad-iisistemy-kak-subekty-prava>.

*Мут К. Д.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

*Мамонтов А. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОТ НАВЯЗАННЫХ УСЛУГ

В России особое значение имеет исследование частного права и защиты прав потребителей. Этому способствуют два фактора: во-первых, ускорение темпов технологического прогресса в экономике порождает новые формы взаимодействия продавцов с покупателями; это приводит к необходимости адаптации законодательства и судебной практики для обеспечения правовой культуры покупателей. Во-вторых, увеличение сложносоставных компонентов в реализуемых товарах и усложнение их технологий производства.

Как уже было ранее отмечено, потребители нередко сталкиваются с навязыванием им ненужных товаров и услуг. Эти предложения особенно распространены в сферах кредитования и страхования. При этом клиентам не просто предоставляют альтернативную возможность, а информируют о том, что последние не смогут получить основную услугу без принятия сопутствующей, что по своей сути можно рассматривать как навязывание услуг. Однако важно определить момент правомерности действий продавца, то есть действительно ли услуга была навязана или она предлагалась в соответствии с законом. Навязывание услуг потребителям рассматривается как незаконная маркетинговая практика. Таким образом, нарушаемые интересы граждан защищаются ст. 16 Закона «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (далее – Закон о защите прав потребителей) [1].

Для более четкого понимания, что вообще подразумевается под навязыванием услуг, автором приводится определение, раскрывающее основную суть. Стоит отметить, что в действующем законодательстве нет конкретного определения, но исходя из текста приведенной ранее нормы права можно сделать вывод, что навязывание услуг – это обусловленность приобретения одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг), в том числе обязательное заключение иных договоров [2]. Это может быть связано с недобросовестными действиями предпринимателей или нарушением прав потребителей. И, безусловно, подобные действия нарушают закон.

¹ ©Мут К. Д., 2024.

Анализируя далее положения ст. 16 Закона о защите прав потребителей, автор приходит к выводу, что все дополнительные сервисы, услуги, предложения, дополнительные пункты в договорах не могут быть подключены и реализованы без согласия потребителя, тем более, если это ущемляет его права, ухудшает его материальное положение или приносит значительные финансовые убытки.

Права клиентов от навязанных услуг защищены ст. 14.8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) [3]. В октябре текущего года Федеральным законом от 19 октября 2023 г. № 505-ФЗ были внесены поправки в данную статью, согласно которым в п. 2¹ четко регламентируется запрет на включение в письменный договор каких-либо условий, которые могут ущемлять права потребителей [4]. При этом, согласно ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), коммерческая организация не вправе отказать клиенту в возможности заключить договор без уважительных и обоснованных причин [5]. Еще одним распространенным видом навязывания услуг и «выгодных» предложений является реклама путем звонков на мобильные номера клиентов. Статья 18 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ «О рекламе») указано, что распространение маркетинговых предложений по телефону допускается только с согласия абонента [6].

Проанализировав отечественное законодательство, стоит обозначить те нормативные правовые акты, которые действуют при защите потребителей от навязанных услуг. Таковыми являются:

- Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей»;
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023);
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023);
- Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О рекламе»;
- Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2023).

Следует отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации нет положения о навязывании услуг. Согласно Закону «О защите прав потребителей», если договорное соглашение между исполнителем и потребителем причиняет убытки и нарушает права потребителя, договор должен быть признан недействительным. В таких случаях потребитель имеет право на полную компенсацию понесенных убытков. В КоАП РФ прописан должный уровень ответственности, которую должна принять на себя сторона, участвующая в исполнении.

Безусловно, в настоящее время навязывание услуг и ненужных товаров происходит практически во всех областях повседневной человеческой жизни, начиная от покупки продуктов в продовольственных магазинах и заканчивая заключением договора кредитования, когда заемщику могут в условия договора

включить якобы «обязательное» страхование на случай потери работы, получения травмы, смерти и т. д. Чтобы установить, что продавец навязал дополнительную услугу, потребителю необходимо предоставить доказательства. Если потерпевшая сторона уверена в своей правоте и способности доказать факт злоупотребления, им следует подать жалобу в соответствующие органы, такие как Роспотребнадзор, Российский союз автостраховщиков, Федеральную антимонопольную службу, Роскомнадзор, Центральный банк, прокуратуру или суд.

Навязывание услуг, как указано в ст. 393 ГК РФ, считается административным правонарушением. В таких случаях причиненный ущерб взыскивается в порядке гражданского судопроизводства. Но бывают ситуации, когда нарушений законодательства нет. Таким образом, продавец не нарушает закон, если он предлагает покупателю возможность приобрести товар, который включает в себя несколько интегрированных продуктов или опций, которые нельзя разделить. Для дальнейшего пояснения этого вопроса приведем примеры. Например, производитель может изготовить мебельный гарнитур и продать его магазину, который, в свою очередь, продаст его в первозданном комплектном виде, что не будет являться нарушением. Однако ситуация меняется, когда речь идет о мелком опте, поскольку продавец может эффективно оказать давление на своего покупателя, заставив его купить сразу большое количество товара. Но наряду с этим возникает вопрос, а что же делать потребителям, чтобы защитить себя от ненужных приобретений? Оптимальная стратегия защиты от излишних предложений – внимательно изучить все положения и условия договора, обращая внимание на мелкий шрифт и своевременно отклонить их. В случае разногласий необходимо обратиться лично к руководителю организации. Если это окажется безрезультатным, потребитель вправе подать официальную жалобу в соответствующие государственные органы: Роспотребнадзор, прокуратура, ФАС, суд.

В последнюю инстанцию поступает довольно много дел, так как зачастую разрешение спорных моментов мирным путем не приносит должных результатов. Далее, хотелось бы рассмотреть в качестве примера одно рассмотренное судом дело. Мужчина получил потребительский кредит в Почта Банке. В процессе оформления документов сотрудник банка сообщил ему, что для получения кредита ему необходимо заключить договор страхования с СК «КАРДИФ». Сумма кредита составила 352 тыс. рублей сроком на пять лет по годовой процентной ставке 15,9 %. Стоимость страховки составила 127, 7 тыс. рублей. Договор страхования был оформлен через Почта Банк, без предоставления заемщику иных возможных вариантов. Впоследствии мужчина обратился в то же отделение банка с просьбой расторгнуть договор страхования и потребовать возврата уплаченной премии. Но банк отклонил просьбу, заявив, что веских оснований для расторжения нет. В результате заемщик решил обратиться в суд. Свои требования он мотивировал тем, что услуги страхования были ему навязаны и что ему не была предоставлена информация о возможности отказаться от страховки при подписании договора. Заявитель добивался взыскания страховой премии и потребовал от Почта Банка моральной компенсации в размере 12 тыс. рублей. Суд частично удовлетворил требования, обязав ответчика вы-

платить истцу часть премии в размере 125,4 тыс. рублей, номинальную сумму 2 рубля в качестве моральной компенсации, а также штраф в размере 63,7 тыс. рублей за несоблюдение добровольного порядка рассмотрения жалоб потребителей [7].

Это далеко не единичный случай обращения потребителей, чьи права были нарушены незаконными действиями работников сферы услуг, в правоохранительные органы и иные государственные инстанции, уполномоченные на разрешение гражданских и административных споров. Защита прав потребителей в суде является важным инструментом, который обеспечивает справедливость и защиту интересов потребителей. Основные принципы и механизмы судебной защиты помогают потребителям получить компенсацию за нарушение их прав и предотвратить дальнейшие нарушения. Судебная защита способствует развитию доверия между потребителями и предпринимателями, а также созданию справедливого и конкурентоспособного рынка.

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что в данной статье были рассмотрены различные частноправовые способы защиты потребителей от навязанных услуг. Основным методом защиты потребителей является законодательство, которое регулирует отношения между продавцами и потребителями. Закон предоставляет потребителям право совершать сделки по своему выбору, за исключением случаев, когда покупка дополнительной услуги является обязательной. Если это право нарушается и клиентам навязывают услуги, желательно сначала попытаться решить вопрос мирным путем с ответственной стороной, в соответствии с процессом досудебного разрешения конфликта. В дальнейшем следует рассмотреть возможность обращения за защитой в надзорные органы и при необходимости обращения в суд. Судебная защита позволяет потребителям добиться справедливости и восстановления нарушенных прав. Однако судебный процесс может быть длительным и сложным, поэтому потребители также могут обратиться в органы государственной власти, которые занимаются защитой прав потребителей. Кроме того, существуют и другие частноправовые способы защиты потребителей, такие как коллективные исковые заявления, арбитражные процедуры и механизмы альтернативного разрешения споров. Они позволяют потребителям защитить свои права без необходимости обращения в суд.

В заключение частноправовые способы защиты потребителей от навязанных услуг играют важную роль в обеспечении справедливости и защите прав потребителей. Они позволяют потребителям добиваться компенсации за ущерб, восстановления нарушенных прав и предотвращения дальнейших нарушений. Важно, чтобы потребители были осведомлены о своих правах и знали, как их защитить, чтобы создать справедливую и безопасную среду для всех участников рынка.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/.

2. Навязывание услуг. Ответственность продавца // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/zakon_o_zaschite_prav_potrebitelej_navyazyvanie_uslug/.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Федеральный закон от 19 октября 2023 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в статью 14.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310190002?index=2>.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

6. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

7. Решение № 2-327/2020 2-327/2020~М-1/333/2020 М-1/333/2020 от 2 ноября 2020 г. по делу № 2-327/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ue1K53sJjfN8/>.

8. Сулимин В. В. Частное право и защита прав потребителей в России: возможности и ограничения // Право и управление. 2023. № 7. С. 39–49.

9. Шведова А. Д. Гражданско-правовые средства защиты потребителей // Форум молодых ученых. 2021. № 11. С. 474–477.

10. Грязина Л. С. Место частного права при регулировании отношений в сфере современного социального обслуживания населения России // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 6 (110).

11. Мананкова Р. П. Основные тенденции развития науки частного права в современной России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 193–202.

12. Гаджиалиева Н. Ш., Османов Т. Р. К вопросу о формах защиты прав потребителей в России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 34. № 2. С. 61–68.

13. Плахова Е. С. Защита прав потребителей в России: административно-правовой аспект // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 3 (31). С. 169–179.

14. Кадырбаев А. Ш. Как отказаться от навязанной услуги // Европейская юридическая служба. URL: <https://els24.com/article/432-kak-otkazatsya-ot-navyazan-pou-uslugi/>.

Назарова Д. О.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Стрелкова Т. Г.,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ: ОФОРМЛЕНИЕ ДОГОВОРОВ И ЗАЩИТА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Электронная коммерция определяется через процесс осуществления коммерческих операций. Так определил экономист Д. Козье. Им же и было введено понятие «электронная коммерция». Операции в данной сфере основаны на извлечении прибыли и защите взаимоотношений между деловыми партнерами в деловой сфере. Козье считал: «Понятия «электронная коммерция» и «электронная торговля» означают одно и то же». К тому же выводу пришли и многие другие российские ученые этой сферы, например И. М. Голдовский и О. А. Кобелев. Но также были противники данного мнения. Профессор С. В. Пирогов полагал, что: «Электронная коммерция является технологией совершения коммерческих операций и управления производственными процессами с применением электронных средств обмена данными». Авторы книги «Электронная коммерция» Дж. Ф. Рейпорт и Б. Дж. Яворски пишут, что «...электронная коммерция может быть формально определена как технологически опосредованный обмен между сторонами (отдельными лицами, организациями или обоими), а также электронно-ориентированная внутриорганизационная или межорганизационная деятельность, способствующая такому обмену». Такие международные организации, как Комиссии ООН, рассматривают эти понятия иначе. Например, Типовой закон Комиссии ООН по международному торговому праву «Об электронной торговле», разработанный в 1996 г. и рекомендованный в качестве базового документа для национальных законодательств, трактовал электронную торговлю как: «сделку, заключаемую при помощи электронного обмена данными и другими средствами передачи данных, предусматривающими использование альтернативных бумажным формам методов передачи и хранения информации».

В эпоху электронной коммерции правовое регулирование становится важным аспектом. Схожим образом, как онлайн-торговля, становится частью нашей повседневной жизни, необходимо внимательно рассматривать юридические вопросы, такие как оформление договоров и защита прав потребителей.

¹ © Назарова Д. О., 2024.

Электронные сделки, требующие ясности и гибкости, формируют основу онлайн-торговли. Электронные подписи, аналогично тому, как подмечал Эйнштейн, играют важную роль в обеспечении законности и безопасности электронных сделок.

В цифровом мире, подобно мыслям Карла Поппера, свобода заключается в возможности допустить ошибку. Потребители имеют право на ясную информацию и защиту своих личных данных. Процедуры возврата и обмена, согласно логике Сократа, служат воспитательным целям, поддерживая доверие в онлайн-пространстве.

Если говорить про глобализацию и международное сотрудничество, то электронная коммерция, подобно научным исследованиям, сталкивается с вызовами глобализации. Международные соглашения становятся важным фактором для развития этой области, аналогично тому, как законы природы поддерживают научные исследования. Особенности регулирования в России: Законы России, согласно мыслям Льва Толстого, представляют собой отражение народа. Они предоставляют базовую основу для безопасности и легитимности электронных сделок. Государство, по мнению Адама Смита, является «невидимой рукой рынка», играющей ключевую роль в регулировании онлайн-пространства. Проблемы и вызовы: как и в научных исследованиях, в сфере электронной коммерции присутствуют вызовы, такие как кибербезопасность и обновление законодательства. Они требуют гибкого и интеллектуального подхода, аналогичного тому, что требуется в научных исследованиях.

Электронная коммерция, как и наука, представляет собой постоянное движение и развитие. Согласно мыслям Альберта Эйнштейна знание ограничено, но воображение бескрайне. Законы электронной коммерции должны отражать это бескрайнее разнообразие, обеспечивая устойчивое и инновационное развитие. По данной актуальной теме было проведено исследование, которое направлено на выявление частоты использования возможности заключения договоров в электронном виде. Был проведен опрос среди десяти респондентов в возрасте от 30 до 50 лет (табл. 1).

**Выявление частоты использования возможности
заключения договоров в электронном виде**

Номер респондента	Возраст	Баллы
1	35	3
2	38	2
3	44	2
4	40	3
5	49	0
6	30	3
7	32	3
8	32	2
9	37	3
10	45	3

В рамках исследования респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Как часто вы совершаете сделки в интернете?
2. Вы бы предпочли больше бумажные договоры или электронные?
3. Ознакомлены ли вы с правовыми основами подписания договоров в интернете?

За каждый положительный ответ начисляется один балл, за каждый отрицательный – не начисляется баллов:

0–1 балл: низкий показатель;

2 балла: средний показатель;

3 балла: высокий показатель.

Шестеро опрошенных (60 %) показали высокий результат, что свидетельствует о том, что респонденты достаточно активны в электронной коммерции и осведомлены о правовых аспектах заключения договоров.

Трое опрошенных (30 %) показали средний результат, на основе чего можно сделать вывод, что они не часто предпочитают бумажным договорам и сделкам электронные.

Также один опрошиваемый (10 %) имеет низкий показатель, что показывает низкую осведомленность в правовых аспектах электронной коммерции.

Из чего следует сделать вывод, что заключение договоров в интернете, а также просто в электронном виде довольно распространено среди людей в современном мире. Это требует внимания к юридическим аспектам оформления сделок. Электронная коммерция, как и наука, представляет собой постоянное движение и развитие. Согласно мыслям Альберта Эйнштейна знание ограничено, но воображение бескрайне. Законы электронной коммерции должны отражать это бескрайнее разнообразие, обеспечивая устойчивое и инновационное развитие.

Несвитова В. А.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Дервянко В. Э.,

*преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Пожалуй, на данный момент более актуальной темы, чем расширение возможностей искусственного интеллекта, сложно придумать. Новейшие технологии проникают во все большее число отраслей экономики и сфер общественной жизни. Современные нейросети способны создавать фотографии и видео, конструировать тексты, писать музыку, вести диалог с человеком практически как отдельный субъект. Одновременно такие технологии несут пользу и угрозу – все зависит от того, каким образом человек будет использовать инструмент для решения своих задач. Правовое регулирование искусственного интеллекта как элемента гражданского права только-только начинается, здесь открывается большой простор для изучения.

Начать рассмотрение темы следует с определения ключевых понятий исследования. В действительности на данный момент в праве не разработано конкретной дефиниции «искусственный интеллект» ввиду новизны понятия и его противоречивости. Проблема внедрения термина связана с регулярным развитием технологий, из-за чего в определение постоянно приходится вносить корректировки. Перед российским правом стоит задача точно определить это явление, которое не вписывается в традиционные рамки юриспруденции.

При создании термина «искусственный интеллект» применяются общелогические методы и методы диалектического развития. Первая группа методов учитывает особенности цифрового мира и предполагает развитие законодательства в целом в соответствии с контекстом постиндустриального общества, где важнейшим ресурсом стала информация. Согласно системному анализу, искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий, действующих в рамках одного механизма, который подчиняется конкретным целям, определенных заказчиком и разработчиком.

Метод диалектического развития включает в себя не только техническую составляющую искусственного интеллекта, но и вопросы правового и этического видов регулирования. Исследователи Г. Г. Камалова и В. Б. Наумов отмечают, что «искусственный интеллект» в научном и публичном пространстве часто

¹ © Несвитова В. А., 2024.

противопоставляется «естественному интеллекту». Так можно увидеть связь двух понятий для их последующего теоретического осмысления.

Г. Г. Камалова и В. Б. Наумов заявляют о следующих признаках искусственного интеллекта: наличии аппаратного воплощения, возможности анализа окружающего мира, существовании некоторой автономности в функционировании, возможности приобретения опыта для самообучения.

В других странах также ведется дискуссия о корректном определении понятия. В развитых государствах (Соединенном Королевстве, США и других) искусственный интеллект понимается как алгоритмы и технологии, которые могут дать такие же результаты в своей деятельности, как человек с помощью интеллектуальных усилий.

Отдельно стоит отметить определение, данное Европейским союзом. Согласно ему, искусственный интеллект представляет собой систему, которая, во-первых, генерирует контент, прогнозы, решения, рекомендации с помощью определенных (в Приложении документа ЕС) методов, обучения, моделирования, рассуждения и, во-вторых, взаимодействует с внешней средой из-за принятых решений. Определение охватывает большое количество признаков, что является его несомненным достоинством.

Искусственный интеллект следует рассматривать как объекта и возможного субъекта гражданских правоотношений. Не исключено использование ИИ как инструмента в руках физических и юридических лиц.

По мнению многих представителей научного сообщества, модели машинного обучения требуют правил и ограничений для их разработки и использования, чтобы предотвратить потенциальный вред.

Среди международных законов можно назвать Закон ЕС об искусственном интеллекте (AIA), основные положения которого приняты 6 декабря 2022 г. Целью закона является стандартизация алгоритмических систем, особенно в отрасли авиа- и автомобилестроения, медицинского обслуживания.

Как технологически развитая страна, Япония аналогично начала регулировать применение искусственного интеллекта одна из первых в мире. В 2019 г. в государстве были опубликованы Социальные принципы ориентированного на человека ИИ (*Social Principles*) в качестве основы внедрения ИИ в обществе. Социальные принципы определяют три основные идеи: человеческое достоинство, разнообразие и инклюзивность.

Согласно японскому законодательству, если ИИ наносит ущерб третьей стороне, разработчик или оператор ИИ может быть привлечен к ответственности по гражданскому праву в случае халатности. Однако трудно определить, кто проявляет халатность в каждой ситуации, потому что результаты ИИ непредсказуемы, а причины результатов трудно определить. Закон об ответственности за продукцию снижает бремя доказывания жертвы при предъявлении иска о деликтной ответственности, однако закон распространяется только на ущерб, причиненный материальными объектами.

В Японии законы об искусственном интеллекте в контексте гражданского права являются практичными и системными. Они направлены на защиту конкуренции в бизнесе, на конфиденциальность персональных данных, предпола-

гая ответственность физических и юридических лиц за недобросовестное использование искусственного интеллекта.

На данный момент в российском гражданском праве нет полноценно разработанных нормативных актов в отношении искусственного интеллекта. Сейчас правоведы рассуждают о правосубъектности и возможном регулировании алгоритмических систем.

Согласно рассуждениям правоведа В. А. Лаптева, возможно понимать искусственный интеллект как юридическое лицо. По сути, юридические лица – это правовое допущение, которое упрощает общественную жизнь. У этой концепции есть очевидный плюс: допустимо опираться на уже существующий правовой институт, а не создавать что-то новое. Из этого следует, что алгоритмические системы могут гораздо быстрее встроиться в правовую систему.

Правда, у такого направления имеются и недостатки. Для реализации этой цели придется создавать отдельные реестры для «цифровых» или «электронных лиц». Чтобы организовать такую систему и постоянно ее поддерживать, необходимы значительные человеческие и материальные ресурсы.

Российская правовая система должна отвечать на вызовы современности и регулировать вопросы, связанные с искусственным интеллектом. Во-первых, это необходимо для защиты граждан от киберугроз. Во-вторых, важно создавать законы для успешного экономического развития государства, так как в современном мире технологии напрямую влияют на производительность, экономический рост. Все это затем определяет уровень жизни в стране. Чтобы понять, по какому пути следует двигаться российскому праву, в частности гражданскому, нужно учитывать состояние правовых, экономических и политических институтов в стране.

Список литературы

1. Андреева Г. Н. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1.
2. Бортновская К. А. Правовой аспект результата творческой деятельности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы права, экономики и управления. Саратов, 2021. С. 15–18.
3. Кириллова Е. А., Зулфугарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. № 1.
4. Медведев А. И. Концепция правосубъектности искусственного интеллекта в российской юридической науке: критический анализ // Научный компонент. 2022. № 1 (13).
5. Мингалеев А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. 2022. № 6.
6. Мирошниченко О. И., Сафин Н. И., Хохлова М. С. Искусственный интеллект в профессиональной юридической деятельности: инструмент развития или угроза существованию? // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 359–363.

Ошуркова П. О.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Товарный знак является важным инструментом для защиты интеллектуальной собственности и создания уникального бренда. Однако использование товарных знаков может столкнуться с различными правовыми проблемами, которые могут повлиять на права и интересы владельца товарного знака, а также на конкуренцию на рынке.

Товарным знаком согласно ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) признается обозначение, служащее для индивидуализации товаров, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак [1].

По справедливому мнению Я. Леликовой, товарный знак – это символ, слово или аббревиатура, которые ассоциируются у потребителя с определенной компанией или продуктом и позволяют выделиться и отличаться от конкурентов [2].

Существуют различные виды товарных знаков, такие как: словесное обозначение, графическое обозначение, комбинированное обозначение, объемное обозначение и звуковое обозначение.

В соответствии с п. 3 ст. 1484 ГК РФ никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения [3].

При использовании товарных знаков могут возникнуть правовые проблемы из-за схожей рекламы, схожих по звучанию названий продуктов, а также схожих товаров и услуг. Одобрение фирменного наименования соответствующим органом не дает права на товарный знак и не разрешает компании использовать его в коммерческих целях. Регистрация схожего доменного имени также не дает никаких существенных юридических прав. Корпорация может быть зарегистрирована под определенным именем, но при этом она может оказаться ответственной за ряд правонарушений, таких как нарушение/размывание товарного знака, риск судебного запрета, изъятия доходов, выплаты ущерба и других по-

¹ © Ошуркова П. О., 2024.

следствий за использование имени. Нарушение прав на товарный знак происходит, когда зарегистрированный товарный знак используется без разрешения владельца товарного знака или каких-либо разрешенных лицензий, в то время как размывание товарного знака происходит, когда неавторизованная сторона использует товарный знак таким образом, что портит или ослабляет имидж хорошо известного товарного знака.

При подаче заявки на регистрацию компании соответствующий орган проверяет документы, чтобы убедиться в отсутствии другой корпорации или общества с ограниченной ответственностью с идентичным или близко схожим названием. Если такая корпорация или партнерство с ограниченной ответственностью существует, новое название обычно отклоняется. Это может произойти даже в том случае, если две организации работают в совершенно разных сферах бизнеса; простое сходство названий не позволяет использовать второе название.

Регистрация товарного знака является важным инструментом для его защиты. Если юридические лица и индивидуальные предприниматели не проходят эту процедуру, они не смогут воспользоваться предусмотренными законодательством мерами защиты в случае, если недобросовестные лица зарегистрируют товарные знаки на их имя. Только после государственной регистрации товарный знак получает правовую охрану.

Количество юридических вопросов, связанных с товарными знаками, особенно с их нарушением, растет с угрожающей скоростью. Следует рассмотреть некоторые из наиболее распространенных причин их возникновения:

1. Несанкционированное использование товарного знака.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются владельцы товарных знаков, является несанкционированное использование их знаков третьими лицами. Это может включать подделку товаров, подделку товарных знаков, незаконное использование знака в рекламе или в доменных именах.

Несанкционированное использование товарного знака может привести к потере репутации бренда, ущербу для бизнеса и потере прибыли.

Использование чужих товарных знаков для продвижения своих товаров и услуг является нарушением закона и может привести к штрафам и компенсациям. Доказательством этого служит пример судебной практики [4], станко-строительный завод в Иваново использовал логотип другого завода на своей продукции, что является нарушением. В результате правообладателю была выплачена компенсация в размере 450 тыс. руб. Для борьбы с несанкционированным использованием товарных знаков существуют различные методы защиты. Одним из наиболее эффективных является регистрация товарного знака в соответствующих органах. Регистрация подтверждает исключительные права владельца на использование товарного знака и позволяет применять меры юридической защиты в случае его незаконного использования.

Кроме того, владельцы товарных знаков могут использовать различные способы защиты, такие как судебные иски, соглашения о лицензировании и соглашения о передаче прав на использование товарного знака. Эти меры помогают

предотвратить несанкционированное использование товарных знаков и защитить права и интересы владельцев.

Обращаясь к судебной практике [5], рассмотрим пример защиты товарного знака. Один салон разместил вывеску «Маникюр в 4 руки», не зная, что его конкуренты зарегистрировали товарный знак *4 hands*. Суд признал это нарушением, обязал салон снять вывеску, запретил использование названия и назначил компенсацию в размере 600 тыс. рублей.

2. Конфликты между товарными знаками.

Другой важной проблемой является возможность возникновения конфликтов между различными товарными знаками. Это может произойти, когда два или более знака сходны или идентичны, и их использование может вызвать путаницу у потребителей. Владельцы товарных знаков могут прибегнуть к правовым средствам для защиты своих прав и пресечения несанкционированного использования знака. Для разрешения таких конфликтов существуют специальные органы, например, Палата по патентным спорам в России, которая проводит экспертизу товарных знаков и выносит решения о возможности их использования. Если конфликт не может быть разрешен путем переговоров, владельцы знаков могут обратиться в суд.

3. Переход товарного знака к другому лицу.

Владельцы товарных знаков могут столкнуться с проблемой передачи прав на знак другому лицу. Это может произойти в случае продажи бизнеса или лицензирования товарного знака.

В таких случаях необходимо учесть различные правовые аспекты, чтобы обеспечить законность и соблюдение прав и обязанностей сторон. Важно правильно оформить передачу прав, чтобы избежать возможных конфликтов и нарушений.

4. Защита прав на товарный знак.

Для защиты прав на товарный знак необходимо принять различные меры, включая его регистрацию в соответствующих органах интеллектуальной собственности.

Однако не всегда регистрация товарного знака является гарантией его защиты. Владельцы товарных знаков должны быть готовы к возможным нарушениям и принять соответствующие меры для защиты своих прав.

5. Использование товарного знака в цифровой среде.

С развитием интернета и цифровых технологий возникают новые правовые проблемы, связанные с использованием товарных знаков в онлайн-среде. Например, использование товарного знака в доменном имени или в рекламе в интернете может нарушать права владельца знака. Онлайн-пиратство и подделка товарных знаков также становятся все более распространенными проблемами.

Доменное имя является средством индивидуализации в интернете. Использование конкурентами вашего товарного знака в своем домене является нарушением. В этом случае можно запретить использование доменного имени.

Примером данной проблемы, может служить судебная практика, а именно Решение АС Калининградской области № А21-10484/2015 от 16 мая 2015 г. [6]. Компания зарегистрировала товарный знак «SAUCONY», а потом узнала, что

конкуренты зарегистрировали домен «*saucony.ru*». Суд поддержал правообладателя: нарушителю запретили использовать сайт и взыскали компенсацию в 300 тыс. рублей. Владельцы товарных знаков должны принимать меры для защиты своих прав в цифровой среде и сотрудничать с соответствующими органами и правоохранительными органами.

Таким образом, использование товарных знаков может столкнуться с различными правовыми проблемами, которые могут иметь серьезные последствия для владельцев знаков. Владельцы товарных знаков должны быть осведомлены о своих правах и обязанностях, регистрировать знаки и принимать меры для их защиты. Они должны также быть готовыми к возможным нарушениям и конфликтам и принимать соответствующие правовые меры для защиты своих прав и интересов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

2. Казусы рассмотрения споров по защите товарных знаков // Сайт «Правовед». URL: <https://pravoved.ru/journal/kazusy-po-zashchite-tz/>.

3. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Решение АС Ивановской области № А17-10117/2016 от 26 апреля 2018 г. // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/517645b3-b5e2-4da2-9068>.

5. Решение от 1 февраля 2016 г. по делу № А45-15826/2015 // URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/FssNREckEIW9/?roistat_visit=2050477.

6. Решение АС Калининградской области от 16 мая 2015 г. № А21-10484/2015 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/67609d16-ed4d>.

Павлова К. С.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Максимова И. А.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК СПОСОБ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ ПО ДОГОВОРУ ПОСТАВКИ

На сегодняшний день существует тенденция стремительной цифровизации всех сфер общественной жизнедеятельности. Благодаря этому можно отметить, что среди населения все большую популярность приобретают сделки, совершенные с использованием информационных технологий.

Законодатель, стараясь «идти в ногу со временем» улучшает различные нормативно-правовые акты, внося всевозможные изменения, связанные с совершенствованием обязательственных и договорных отношений. Таким образом, относительно недавно был введен новый объект гражданских правоотношений, представленный в виде цифровых прав. На основании всего вышесказанного появился новый вид сделок, который заключается в письменном виде с помощью информационных технологий. Это сделки, заключаемые в электронной форме.

По своей природе смарт-контракт («умный» контракт) представляет собой автоматическое заключение контракта с помощью использования определенного алгоритма, который привлекает к взаимодействию несколько разновидностей блоков, таким образом, вовлекая их в процесс. Взаимодействие блоков, вовлекаемых в процесс и взаимодействующих по определенным правилам, носит название «блокчейн». Основываясь на данном определении, необходимо отметить, что смарт-контракт не является договором в привычном его понимании. Сам по себе он, скорее, является кодом, созданным с помощью компьютерных технологий.

Проблема правовой природы смарт-контракта нашла свое отражение и в юридической литературе. Схожие позиции в отношении смарт-контрактов имеют А. В. Тумаков и Т. М. Гандилов: «...дело в том, что в смарт-контракте исполнение обязательства в привычном понимании отсутствует, и исполнение его условий происходит автоматически при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств».

Также стоит отметить, что в судебной практике смарт-контракт представлен в виде составляющей объекта интеллектуальных прав – программного кода, перед разработкой которого был заключен соответствующий договор.

¹ © Павлова К. С., 2024.

Касательно нормативного закрепления, в соответствии со сведениями, размещенными на сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (№ 419059-7), внесенный в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации 20 марта 2018 г., в ст. 2 содержал определение смарт-контракта, под которым понимался договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Однако уже ко второму чтению текст законопроекта был практически полностью изменен и не содержал в себе определения смарт-контракта вообще. Таким образом, попытка законодательного закрепления рассматриваемого понятия не была реализована до конца.

Также Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ввелся новый абзац в статью ГК РФ. По общему правилу, выходящему из ст. 160 ГК РФ, любая сделка может быть заключена в электронной форме в случае соблюдения двух необходимых условий. Во-первых, все условия сделки и ее содержание можно будет воспроизвести в неизменном формате на любом материальном носителе. Во-вторых, должна иметься возможность установить лицо, выразившее волю на заключение сделки. В то же время существует определенный перечень договоров, заключение которых прямо предусматривает электронную форму, например, заключение розничных договоров купли-продажи для подтверждения заключения, которых требуется выдача электронного чека.

Законодатель вводит еще одно важное понятие для гражданских правоотношений. Статья 309 ГК РФ содержит норму о новом способе обеспечения исполнения обязательств с помощью применения информационных технологий.

Таким образом, под смарт-контрактом следует понимать договор (специальную договорную конструкцию), содержащий волеизъявление его сторон и направленный на возникновение, изменение или прекращение их гражданских прав и обязанностей. Смарт-контракт содержит условия, относительно которых достигнуто соглашение сторон, и не требует наличия иного договора, содержащего их права и обязанности. Юридическими характеристиками смарт-контракта как договора выступают взаимность, двусторонний характер и консенсуальность.

Применение смарт-контрактов наиболее актуально для сфер интернет-торговли, госконтрактов, а также для заключения договора поставки.

Заключение договора поставки с помощью смарт-контрактов позволяет обеим сторонам гражданских правоотношений защитить их права и обязанности на законодательном уровне, позволяя при этом сохранить все условия в первоначальном виде, без возможности внесения изменений. Благодаря вышесказанному каждая из сторон может отслеживать временные, технические и материальные затраты, движение товара и каждое изменение, происходящее с ним.

Заключение смарт-контракта по договору поставки представляет собой следующую процедуру. Поставщик определяет необходимый для покупателя товар и отправляет его, при этом заранее предоставляя информацию о данном факте заказчику. После чего заказчик должен отсканировать соответствующий штрих-код товаров, переданный ему поставщиком. После сканирования система самостоятельно отправляет данные поставщику, при этом оба субъекта данного договорного обязательства имеют право получать информацию о передвижении товара, его поставке и приемке. Все действия, производимые с отправленным товаром, представляют собой определенную информацию, которая в виде некой цепочки прикрепляется к имеющейся ранее.

После всех вышеизложенных действий у заказчика появляется функция оплаты, которая также отслеживается поставщиком. Также если между поставщиком и заказчиком имеют место быть иные договорные отношения, то они также заносятся в информационное пространство, что избегает вмешательство человеческого фактора в данный процесс.

Данные действия представляют собой своеобразную цепочку поставок, которая представляет собой отдельную сферу бизнеса, способную извлечь наибольшую выгоду из смарт-контрактов. Цепочки поставок являются надежным средством ведения бизнеса, так как с их помощью происходит предотвращение воровства и обмана.

Основываясь на вышесказанном, стоит отметить, что смарт-контракт имеет множество преимуществ для предпринимательской сферы, главным из которых является безопасность производимых сделок. Также к преимуществам стоит отнести верифицируемость, наличие механизма обязательства исполнения его положений и защита от вмешательства третьих лиц. Достоинства смарт-контракта также определяется скоростью его заключения и снижения стоимости заключаемых с ним сделок.

Однако несмотря на все преимущества смарт-контракта, на сегодняшний день имеются и недостатки, самым главным из которых является отсутствие правового регулирования.

Так как законодательно не закреплено понятие смарт-контракта, а также его процедура, то для многих фирм он не имеет значимости и, как следствие, не несет никаких юридических последствий.

Еще одним недостатком смарт-контракта является человеческий фактор. В данном случае он обуславливается тем, что коды, из которых создаются данные контракты, разрабатываются людьми. Поэтому при написании кода могут возникнуть различного рода ошибки, которые способствуют хакерским атакам.

Таким образом, использование смарт-контрактов будет иметь развитие, так как данные технологии более удобные, нежели привычные для нас контракты. За счет скорости заключения и прозрачности всех производимых операций данные сделки, заключаемые в электронной форме, будут иметь все большую популярность среди населения.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электронной подписи” и статью 1 Федерального закона “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля”»: // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52. Ст. 7794.
3. Законопроект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (№ 419059-7), внесенный в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации. 20.03.2018.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 октября 2019 г. по делу № 33-42002/2019, Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 августа 2019 г. № 15АП-12070/2019 по делу № А53-24165/2018.
5. Легчаев Е. А. Государственные закупки в условиях цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3-2.
6. Туманов А. В., Гандилов Т. М. Некоторые правовые вопросы цифровых финансовых активов // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3.
7. Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2017. С. 7–14.
8. Цихилов А. М. Блокчейн: принципы и основы. М. : Интеллектуальная Литература, 2019.
9. Смарт-контракты как инструментальный безопасного взаимодействия субъектов региональной инновационной систем / А. Г. Финогеев и др. // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. С. 139–157.
10. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 5. С. 54–56.

Панова Д. С.¹,
*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

С переходом страны «на рельсы» рыночной экономики особенно актуальным стал вопрос о необходимости обеспечения прав потребителей различных товаров и услуг. Если при плановой экономике государственные предприятия обеспечивали определенную гарантию качества товаров и услуг, то на свободном рынке далеко не все производители относятся к своим обязанностям добросовестно.

В связи с этим уже 1992 г. был принят ключевой законодательный акт в сфере защиты прав потребителей – Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 [1]. Многие отечественные эксперты отмечают, что данный закон является образцом современного демократического нормативного правового акта, направленного на всеобъемлющую защиту прав и интересов потребителей товаров и услуг [3, с. 352]. Вместе с тем общественные отношения существенно изменяются в условиях объективной реальности, что вынуждает говорить о необходимости совершенствования законодательства в сфере защиты прав потребителей. Особенно актуален данный вопрос в условиях цифровизации, при которой большая часть общественных отношений своего рода «переходит» в виртуальную реальность.

В настоящий момент многие гражданско-правовые договоры, например розничная купля-продажа, заключаются дистанционно без личного участия сторон. Способствует этому активное распространение цифровых торговых ресурсов, таких как маркетплейсы. Процедура приобретения одежды, товаров бытовой химии или же продуктов через онлайн-платформы стала вполне обыденной для большей части населения [6, с. 41].

Вместе с тем активное использование интернет-ресурсов для заключения договоров розничной купли-продажи неминуемо влечет появление целого ряда проблем реализации потребителями их прав, предусмотренных действующим законодательством.

Фактически потребитель получает информацию об интересующем его товаре или услуге посредством самостоятельного изучения web-каталогов, страниц

¹ © Панова Д. С., 2024.

и иных информационных материалов. При этом прямая возможность взаимодействия продавца и покупателя зачастую ограничена, поскольку торговля происходит на посреднических платформах (например, маркетплейсы *Ozon* или *Wildberries*).

Исходя из требований закона, потребителю должна быть предоставлена информация об основных потребительских свойствах товара до заключения договора. Эта информация должна включать в себя адрес (местонахождение) продавца, место изготовления товара, полное фирменное наименование (наименование) продавца (изготовителя), цену и условия покупки товара, а также доставку, срок службы, срок годности и гарантийный срок товара, способ оплаты товара, а также срок действия предложения о заключении договора. Вместе с тем далеко не всегда подобное возможно на практике в силу объективных обстоятельств [5, с. 198].

Итак, значимым правовым пробелом является факт того, что действующим гражданским законодательством не в полной мере раскрыт правовой статус договора купли-продажи, заключаемого дистанционно. ГК РФ допускает заключение договора купли-продажи как в устном, так и в письменном виде. Очевидно, что, например, в продуктовом магазине или на рынке заключение договора в письменном виде не требуется, поскольку у покупателя есть возможность полностью ознакомиться со всеми свойствами товара и поговорить с продавцом, в то время как в интернете покупатель лишен такой возможности. Положения рознично купли-продажи говорят о том, что выдается чек. Возникает логичный вопрос – что же является чеком в дистанционной купле-продаже? Согласно п. 1 ст. 1.2 Закона 54-ФЗ предприниматель обязан проводить оплату с помощью онлайн-кассы и выдавать фискальный чек – бумажный или электронный.

Говоря о несовершенстве законодательного регулирования, нельзя не отметить следующие проблемы. Во-первых, в рамках реализации обязательств по договору дистанционной купли-продажи продавец обязан обеспечить покупателя возможностью выполнить оплату с использованием электронных платежных систем, так и наличным расчетом. Таким образом, покупатель обладает правом выбора способа и формы оплаты. Например, С. Г. Иванова рассматривает нарушением прав потребителей понуждение потребителей к оплате товаров только в безналичной форме и на стадии заключения договора, в некоторых случаях неоплата товара является препятствием к заключению договора [5, с. 196]. Формально договор считается заключенным в момент выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека или другого официального документа, подтверждающего произведенную покупателем оплату. В реальности большинство цифровых площадок не предоставляют подобную документацию. Произведение оплаты удостоверяется лишь соответствующим уведомлением, которое может быть направлено на реквизиты, указанные покупателем. Однако Е. А. Суханов [4, с. 78] считает договор розничной купли-продажи заключенным с момента передачи товара покупателю. По данной причине возникают проблемы с доказыванием факта заключения договора купли-продажи при защите прав потребителя в судебном порядке.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов: во-первых, актуальность информирования потребителя о свойствах товара перед заключением до-

говора подчеркивается законодательством. Однако на практике не всегда возможно предоставить всю необходимую информацию, что может создавать трудности для соблюдения требований закона; во-вторых, несовершенство законодательного регулирования проявляется в том, что права потребителей в сфере дистанционной торговли могут быть ограничены (например, отсутствие выдачи официальных документов при онлайн-оплате может затруднить доказательство факта заключения договора в судебном порядке); в-третьих, проблемы с выбором формы оплаты в рамках дистанционных сделок влияют на права потребителей. Ограничение возможности оплаты наличными ограничивает свободу выбора потребителя и создает препятствие к заключению договора.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Архипов В. В., Килинкарлова Е. В., Мелашенко Н. В. Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности // Закон. 2014. № 6. С. 120–143.
4. Байназарова М. Д. Некоторые особенности судебной защиты прав потребителей в Российской Федерации // Актуальные вопросы публичного права. 2020. С. 352–355.
5. Гражданское право : в 4 т. Т. 3. Обязательственное право / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006.
6. Иванова С. Г. Права потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Проблемы и перспективы развития социально-экономических и гуманитарных наук: педагогика, психология, экономика, юриспруденция : сборник научных статей II-ой Всероссийской научно-практической конференции, Покров, 15 декабря 2022 г. Покров : Саратовский источник, 2023. С. 194–200.
7. Марчук М. А. Момент заключения договора продажи товара дистанционным способом // Юрист. 2009. № 3. С. 42–46.
8. Симонян А. Л. Защита прав потребителей при дистанционном способе продажи товаров // Молодой ученый. 2018. № 4 (190). С. 154–156.
9. Филимонов К. В. Правовое регулирование формы договора в электронной коммерции // Юрист. 2007. № 12. С. 16–21.

Пильникова А. С.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Тумаков А. В.,
начальник кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИХ ВЛАДЕЛЬЦА

Аккаунты в социальных сетях являются неотъемлемой частью жизни многих граждан. В них люди хранят информацию о личной жизни, творчестве, организуют свой бизнес, размещают рекламные, новостные, развлекательные записи, собирают подписчиков и делятся с ними своими открытиями. Сложно перечислить весь спектр действий граждан в социальных сетях. Однако такая активная деятельность пользователей приводит к тому, что стоимость некоторых аккаунтов в социальных сетях превышает более трех млн \$. Так, к примеру, стоимость аккаунта *Cristiano Ronaldo* в *Instagram* (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*) оценивается в 3,234,000 \$, аккаунт *Lionel Messi* в *Instagram* – 2,597,000\$, аккаунт *Selena Gomez* – 2,558,000 \$ и т. д. [5]. В связи с этим возникает вопрос о том, что происходит с аккаунтом в случае смерти его владельца.

В российском законодательстве вопрос о наследовании аккаунтов в социальных сетях не урегулирован. В связи с этим предлагаем обратиться к положениям ГК РФ и сформулировать вывод о возможности или невозможности их признания наследственным имуществом. В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства включаются все вещи, принадлежащие наследодателю на день открытия наследства, в том числе имущественные права и обязанности. Также в 2019 г. в ГК РФ было внесено положение о цифровых активах. Введение ст. 141.1 ГК РФ означало, что государство на законодательном уровне признает существование и важность цифровых прав в современном информационном обществе.

Дополнительно отметим, что в российском законодательстве отсутствует понятие «аккаунт». Представляется, что установление понятийного аппарата по исследуемой теме является первым шагом в развитии нормативного регулирования гражданско-правовых вопросов наследования аккаунтов в социальных сетях. В научном сообществе и юридической литературе понятие «аккаунт»

¹ © Пильникова А. С., 2024.

трактуют по-разному. Выделим наиболее популярную трактовку, где аккаунты представляют собой цифровой актив, содержащий совокупность данных о пользователе (информация, которая содержится в учетной записи о конкретном пользователе) либо элемент сетевой инфраструктуры, который служит для обмена информацией и данными [2, с. 178–180]. Цифровые активы, являясь программным инструментом и в этом смысле программой для ЭВМ в терминологическом смысле ГК РФ, приобретают ценность и участвуют в обороте в качестве информации. Иными словами, приобретение цифрового актива востребовано в связи с воплощенной в нем путем отражения информации стоимостью, а не по причине эффективности и иных качеств соответствующей этому активу программы. Под цифровыми финансовыми активами с 1 января 2021 г. признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Цифровые активы (интернет-активы) – это уже не только файлы, не только различные данные, и это совсем не права, это, по сути, некие полноценные виртуальные объекты (условно «виртуальные вещи»), которые нужно вписать в правовую систему, включить в гражданский оборот и обеспечить защиту прав на них, в том числе, возможно, с помощью виндикационных исков.

В некоторых странах, например в США, вопрос наследования аккаунтов в социальных сетях решается в рамках специального законодательства. В США принят закон, который позволяет наследникам умершего пользователя получить доступ к его аккаунту в социальной сети. Однако этот закон имеет ряд ограничений. Например, наследник не может изменить информацию, содержащуюся в аккаунте, или удалить его [1].

Также выделим мнение экспертов Федеральной нотариальной палаты, которые отмечают, что на сегодняшний день наследственное право требует доработки в части наследования цифровых активов. Речь идет о доменных именах, онлайн-аккаунтах, цифровых кошельках и другом «виртуальном» имуществе, которым сегодня обладает почти каждый [7]. С таким мнением мы согласимся, так как процесс передачи имущественного права, связанного с аккаунтом в социальной сети на территории Российской Федерации, имеет ряд проблем, требующих решения.

Несмотря на то что аккаунты в социальных сетях могут быть признаны наследственным имуществом, как ранее было отмечено, существует ряд проблем, с которыми могут столкнуться наследники. Отметим первую проблему, которая заключается в том, что политика создания социальных сетей предусматривает вопрос о конфиденциальности данных пользователей, а потому передать данные об аккаунте может только его владелец. В случае если наследник имеет

право наследования, но не получил данные об аккаунте и разрешение при жизни владельца аккаунта, то такое право пользования ему будет недоступно. Вопрос, связанный с обеспечением конфиденциальности данных пользователей, зависит от того, какую стратегию по данному вопросу выбрали руководители социальной сети. Рассмотрим подробнее отношение руководства разных социальных сетей к вопросам наследования.

Наибольших успехов добилось руководство *Google*, которое добавило функции по передаче пользователям своих аккаунтов как в полном объеме, так и с рядом ограничений (заблокировать аккаунт, передать по наследству, ограничить доступ к перепискам или к редактированию аккаунта). Руководство *Facebook* (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*) и «ВКонтакте» в политике наследования аккаунтов установили, что при смерти пользователя аккаунт проходит процедуру «меморизации» и в случае, если кто-либо получит доступ к аккаунту, то не сможет делать записи, отправлять сообщения и редактировать данные об аккаунте, но читать переписки пользователь сможет. Руководство *Twitter* (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*) и *Instagram* не дает каких-либо прав пользования аккаунтом умершего наследникам, но позволяет по заявлению законных наследников удалить такой аккаунт. Что касается политики пользования социальной сети *Instagram*, руководство установило, что аккаунту умершего владельца присваивается статус «памятного аккаунта» и получить доступ к аккаунту иные лица не могут. В случае если кто-либо зайдет в аккаунт умершего человека, то такое действие будет являться нарушением правил пользования сети. В результате чего процесс наследования будет деформироваться в зависимости от конкретных правил и требований конфиденциальности отдельных социальных сетей, поэтому действующее российское законодательство должно быть универсальным и учитывать данные вопросы в нормах закона.

Рассмотрим данное положение на практике, где, к сожалению, автор вынужден обратиться к опыту Германии. Это связано с отсутствием таковой практики в Российской Федерации. Так? в Германии в 2019 г. было проведено судебное разбирательство между родителями погибшей девочки-подростка и компанией *Meta* (признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*) – ранее *Facebook*. Родители умершей пытались получить доступ к аккаунту дочери с желанием установить: была ли ее смерть несчастным случаем или самоубийством. По итогам разбирательства Федеральный Верховный Суд Германии поддержал родителей, поскольку пришел к выводу, что закон о защите персональных данных распространяется на граждан только при жизни. Результаты разбирательства можно рассматривать как важный прецедент для рассмотрения аналогичных ситуаций в нашем законодательстве. Это обусловлено тем, что в России также допускается распоряжение персональными данными умершего его наследниками, однако политика конфиденциальности некоторых цифровых площадок, действующих на террито-

рии страны, отрицает такую возможность. Такое сходство делает возможным перенос такого решения на российскую практику [3, с. 31–32].

Другой проблемой является соблюдение прав третьих лиц. Авторское право защищает все виды контента – тексты, фотографии, видео, графику, дизайн, карты и программы. Это указано в ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации. Аккаунты в соцсетях также являются объектами авторского права и интеллектуальной собственности. Аккаунт в социальной сети может содержать информацию, которая является объектом авторских или смежных прав, например, фотографии, видеозаписи, тексты и другие. Наследники должны получить разрешение от правообладателей и третьих лиц на использование такой информации, которая может затрагивать права не только владельца, но и от участвующих третьих лиц.

Для решения выделенных проблем в первую очередь предлагается внести изменения в ГК РФ, где необходимо четко определить понятие «аккаунт», выделить ряд положений о том, что аккаунты в социальных сетях могут быть наследуемым имуществом и установить правила такого наследования. Также предлагается разработать специальное законодательство, регулирующее отдельные вопросы наследования аккаунтов в социальных сетях, в частности вопросы, связанные с получением разрешения третьих лиц, чьи труды и цифровые активы могут находиться в базе данных об аккаунте умершего пользователя. С развитием технологий виртуальной и дополненной реальности вопросы наследования аккаунтов в социальных сетях могут стать еще более актуальными. В виртуальной реальности аккаунты могут использоваться для доступа к различным ресурсам и услугам. В связи с этим важно исследовать вопросы о наследовании аккаунтов в виртуальной реальности.

Также необходимо предусмотреть механизм защиты персональных данных, содержащихся в аккаунте. Например, можно установить, что наследники могут получить доступ к такой информации только после смерти умершего и по его завещанию с учетом наделения определенных прав и обязанностей такого наследника. В случаях, когда будет установлено, что такие обязанности не были выполнены, то у наследника будет изыматься право пользования аккаунтом умершего человека [4, с. 553; 5, с. 419].

Дополнительно следует рассмотреть вопрос об организации сотрудничества с руководством социальных сетей, разработать ряд соглашений, по результатам которых будут выделены правила передачи аккаунтов умерших пользователей. Благодаря чему будет четко установлен порядок наследования аккаунта в той или иной социальной сети, будут прописаны права и обязанности, нарушение которых повлечет блокировку аккаунтов со стороны руководства социальной сети и будет возможно привлечение нарушителей к соответствующему виду юридической ответственности.

Таким образом, автором были рассмотрены вопросы, связанные с наследованием аккаунтов в социальных сетях после смерти их владельца. В результате установлено что аккаунты в социальных сетях являются цифровыми активами, которые могут быть признаны наследственным имуществом. Однако для того чтобы наследники могли получить доступ к таким аккаунтам, необходимо ре-

шить ряд правовых проблем путем внесения изменений, в первую очередь, в текст ГК РФ.

Список литературы

1. Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022.
2. Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192.
3. Минбалеев А. В. Проблемы защиты персональных данных в наследственных отношениях // Гражданское право. 2021. № 5. С. 31–33.
4. Нестеренко И. С., Таран К. А. Информационные технологии как инструмент борьбы с экономическими преступлениями // Теория и практика расследования преступлений : материалы X Международной научно-практической конференции, Краснодар, 14 апреля 2022 г. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2022. С. 552–556.
5. Список богатых людей Instagram за 2023 год // Сайт Hopper. URL: <https://www.hopperhq.com/instagram-rich-list/#>.
6. Таран А. Н., Огрыза А. В., Таран К. А. Кибермошенничество как источник теневой экономики и главная угроза 21 века // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10 (161). С. 418–420.
7. Порядок наследования цифровых активов: мнение экспертов нотариата // Сайт Федеральной нотариальной палаты. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poryadok-nasledovaniya-cifrovyyh-aktivov-mnenie-ekspertov-notariata>.

Политкин И. А.¹,
*адъюнкт факультета подготовки научных
 и научно-педагогических кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Чеговадзе Л. А.,
*профессор кафедры гражданского
 и трудового права, гражданского процесса
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор*

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Институт объединения юридических лиц не является новым для Российской Федерации. Различные формы объединений стали появляться и были хорошо известны еще в дореволюционной России. В ходе развития общества и общественных отношений совершенствовались и корпоративные взаимоотношения между организациями, создавались новые формы и виды взаимодействия, некоторые из которых успешно функционируют и на сегодняшний день.

Однако законная регламентация таких объединений во все времена не была развита должным образом. Этот вопрос остается актуальным и на сегодняшний день, так как до сих пор не определено понятие «объединение юридических лиц», а законодательная регламентация этого вопроса имеет фрагментарный характер, что создает широкое поле для научных исследований.

Кроме того, за более чем вековой период существования таких объединений сложилось большое количество видов корпоративного взаимодействия. В данной работе рассмотрим и охарактеризуем одни из наиболее популярных видов совместного функционирования юридических лиц.

В связи с отсутствием в нормативной базе определения понятия «объединение юридических лиц», обратимся к этимологическому значению слова «объединение». Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, «объединение» означает единую организацию, единое целое [1]. Признак единства организации и целостности относится к характеристике данных объединений, так как их деятельность направлена на реализацию общих целей, чего невозможно достичь без согласованности и организованности при совместном функционировании.

В ст. 123.8 ГК РФ дано определение ассоциации и союза, как объединения юридических лиц. Данный институт – редкость для российской цивилистики, так как предусматривает законную возможность объединения юридических лиц. В ч. 1 вышеуказанной статьи указано, что данные объединения организуются на добровольной основе (за исключением установленных в законе случа-

¹ © Политкин И. А., 2024.

ев). Этот признак может быть характерен для всех объединений в связи с диспозитивностью гражданско-правовых отношений [6].

Еще одним признаком, характеризующим ассоциации и союзы, является объединение для достижения общественно полезных и иных некоммерческих целей. В связи с тем, что указанные объединения являются некоммерческими, в статье указано именно «общественнополезных» и «некоммерческих», так как иные цели будут противоречить основному направлению деятельности подобных субъектов. Признак общности целей определенно относится и к объединениям коммерческих организаций, так как их объединение, в первую очередь, направлено на увеличение собственной прибыли, а также совершенствованию своего функционала для достижения указанной основной цели. Среди направлений функционального совершенствования, несомненно, на первый план выходят: оптимизация производственной деятельности, законная оптимизация налогообложения, совершенствование управления и определение общей стратегии развития, а также совместное использование ресурсов производственной деятельности.

Вопрос об определении понятия объединений юридических лиц не являлся популярной темой научных исследований для ученых. Более часто цивилистами исследовались отдельные виды объединений и их гражданско-правовое положение. Охарактеризуем ряд видов подобных объединений, определяя при этом некоторые общие характерные для них признаки.

В дореволюционный период в России существовало большое количество объединений юридических лиц и, в первую очередь, коммерческих, однако гражданско-правовое регулирование их деятельности, а также антимонопольное законодательство было развито крайне слабо, что давало большой простор предпринимателям для объединений и монополизации рынка. Так, наиболее популярными объединениями того времени были: картели, синдикаты, концерны, тресты, пулы и др. Следует охарактеризовать некоторые из них для общего понимания специфики их деятельности.

Стоит начать с определения понятия «картель», так как оно является общим и собирательным для всех вышеуказанных объединений дореволюционной России, которые, в свою очередь, имеют определенные особенности и отличия.

Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» в ст. 11 определяет картель, как соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к: установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращению или прекращению производства товаров; отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками) [5].

Закрепление на законодательном уровне данного определения обусловлено запретом подобных объединений на территории Российской Федерации в связи с монополистической направленностью их деятельности.

Кроме того, Большая советская энциклопедия определяет «картель», как форму монополистического объединения предприятий посредством регулирования объемов производства и сбыта (квот) его участников [2].

Это же определение в Большой российской энциклопедии представлено как «вид формального и неформального соглашения между договаривающимися сторонами» [3].

Таким образом, на законном уровне определен ряд признаков, характеризующих все существующие картельные объединения.

Далее, рассмотрим понятие «синдикат», как одного из видов вышеуказанных объединений.

Большая советская энциклопедия раскрывала понятие «синдикат» следующим образом: это форма монополистического соглашения с целью устранения конкуренции между участниками в области сбыта и закупок сырья путем установления контроля над рынком, главным образом, однородной массовой продукции: реализация продукции его участников, а также закупки сырья осуществляются через единый орган, который концентрирует все заказы и распределяет их в соответствии с квотами между участниками, которые сдают свои товары единому органу по определенной, заранее установленной цене. Участники синдиката сохраняют свою производственную и юридическую самостоятельность, но в отличие от картеля, утрачивают свою коммерческую самостоятельность [2].

В Большой российской энциклопедии это же понятие указано менее развернуто, однако в нем указаны наиболее общие и характерные признаки данных субъектов: это форма соглашения с целью устранения конкуренции среди его участников в области сбыта и снабжения: реализация товаров участников соглашения, а также и закуп сырья осуществляется через единый орган, который собирает все заказы и распределяет их в соответствии с квотами между участниками [3].

Т. К. Красильникова определяет синдикат, как объединение самостоятельных предприятий, осуществляющих совместно сбыт продукции и закупку сырья через единую организацию [4].

Исходя из приведенных определений, следует вывод, что основным признаком синдиката является единый орган или организация, которая распределяет ресурсы и заказы между участниками, осуществляет закупку сырья и других необходимых ресурсов. Данный вид объединения является достаточно старым для нашей экономики и на сегодняшний день запрещен во многих странах мира, в том числе и в России, так как является монопольным объединением. Однако на смену устаревшим видам объединений приходят новые, более совершенные.

Одним из таких видов объединений является финансово-промышленная группа. Стоит отметить, что данное объединение определенный период времени имело правовую основу для осуществления деятельности в виде Федераль-

ного закона от 30 ноября 1995 г. № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах», однако в 2007 г. его юридическая сила была аннулирована, так как положения данного закона утратили свою актуальность, не соответствуют нормам принятых позднее федеральных законов и носят в большей части декларативный характер.

Новый закон финансово-промышленные группы не получили, поэтому в целях более полного освещения данной темы, воспользуемся определением, которое содержалось в вышеуказанном федеральном законе. Так, финансово-промышленной группой признавалась совокупность юридических лиц, которые действуют как основное и дочерние общества либо полностью или частично объединяют свои материальные и нематериальные активы на основе договора о создании финансово-промышленной группы в целях технологической или экономической интеграции для реализации инвестиционных и иных проектов и программ, направленных на повышение конкурентоспособности и расширение рынков сбыта товаров и услуг, повышение эффективности производства, создание новых рабочих мест.

В связи с отменой юридической силы закона о финансово-промышленных группах данные корпоративные организации были приравнены к акционерным обществам.

На сегодняшний день, несмотря на отсутствие правовой базы, подобные субъекты де-факто продолжают существовать и являться участниками имущественного оборота, что определенно является проблемой и пробелом действующего законодательства [7].

Похожим на финансово-промышленные группы с точки зрения организации субъектом является холдинг. Данное объединение также не имеет собственной законодательной базы, однако попытки узаконить их деятельность предпринимались в начале нулевых. Так, законопроекты о холдингах несколько раз выносились на рассмотрение, однако на разных этапах законодательного процесса были отклонены, в связи с чем данный вопрос так и не был решен.

Понятие холдинга содержится в проекте федерального закона № 99049555-3 «О холдингах». Воспользуемся данной дефиницией по причине, опять же, отсутствия иного законного определения. Так, холдингом признается совокупность двух и более юридических лиц (участников холдинга), связанных между собой отношениями (холдинговыми отношениями) по управлению одним из участников (головной компанией) деятельностью других участников холдинга на основе права головной компании определять принимаемые ими решения.

В связи с неопределенностью данной категории многие ученые занимались исследованием правового положения холдингов.

Так, В. В. Лаптев под холдингом понимал производственно-хозяйственный комплекс, состоящий из головной организации – холдинговой компании, и дочерних предприятий [8].

По мнению В. С. Белых, холдингом является форма предпринимательского объединения (промышленно-хозяйственный или финансовый комплекс), группа взаимосвязанных юридических лиц, в которой холдинговая компания (основное общество, головная компания) вправе управлять деятельностью других участни-

ков холдинговых отношений в силу преобладающего участия в их уставном капитале либо в соответствии с договором, либо иным образом, путем определения принимаемых такими обществами решений в целях выполнения общих задач и обеспечения эффективного функционирования холдинга в целом [9].

Данный вопрос получил широкое рассмотрение в научных трудах и иных ученых в связи с наличием в данной сфере пробела в законодательстве.

Как и в случае с финансово-промышленными группами, данные объединения, несмотря на отсутствие правовой основы, осуществляют свою деятельность наряду с другими участниками корпоративных отношений.

В заключение стоит обратить внимание на такой вид объединения, как «группа компаний».

Данные объединения, аналогично двум предыдущим, осуществляют свою деятельность на рынке, но при этом не имеют какой-либо законной регламентации своей деятельности.

Наряду с предыдущими объединениями, вопрос об определении данной категории на сегодняшний день остается открытым. Особенно большое количество исследований по данному вопросу было проведено в начале нулевых, когда новообразованная российская рыночная экономика начала набирать обороты.

Так, В. В. Грузенкин считает, что группой компаний являются организованные и (или) контролируемые одним или несколькими лицами два и более самостоятельных хозяйствующих субъекта, связанных или не связанных между собой юридическими или иными отношениями, управляемых из одного центра с целью получения прибыли [11].

О. В. Осипенко отмечает, что понятия «группа компаний» и «холдинг» являются синонимичными, и определяет их как компании, связанные отношениями, основанными на классической субординационной зависимости в сфере корпоративного управления» [10].

Таким образом, на сегодняшний день отмечается большой пробел в сфере законодательства об объединениях юридических лиц, не определены многие понятия и категории, связанные с их деятельностью. Неопределенность создает вопрос о правосубъектности подобных объединений и открывает широкое поле для научных исследований по данному вопросу. Выше были рассмотрены далеко не все виды объединений юридических лиц, потому как сегодня их существует огромное множество в связи с отсутствием законного регулирования, однако были определены одни из основных и системообразующих видов объединений, которые встречаются в имущественном обороте на сегодняшний день наиболее часто.

Исходя из всех приведенных характеристик и всего вышеизложенного, объединением юридических лиц следует считать формы организации взаимодействия между коммерческими и некоммерческими юридическими лицами, основанные на добровольности консолидации совместных усилий для достижения общих целей путем совершенствования функциональных взаимосвязей, оптимизации совместной деятельности, совершенствования коллективного управления и определения общей стратегии развития.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белых В. С., Берсункаев Г. Э. Холдинги и холдинговое законодательство в России // Бизнес, менеджмент и право. 2007. № 1 (13). С. 86–88.
4. Воронова Ю. Е. Правовое положение финансово-промышленных групп в Российской Федерации // Вестник науки. 2019. № 4 (13). С. 41–43.
5. Грузенкин В. В. Как разные типы российских владельцев организуют свой бизнес и как построить систему владения бизнесом в группе. М. : Центр инновационных решений для владельцев бизнеса London Bridge, 2012.
6. Красильникова Т. К. Законодательное регулирование деятельности синдикатов и трестов как объединений корпоративного типа в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 200–209.
7. Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права : учебное пособие. М. : Юрист, 2004.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // Сайт «Gufo.me». URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/>.
9. Осипенко О. В. Российские холдинги. Экспертные проблемы формирования и обеспечения развития. М. : Статут, 2008.
10. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978.
11. Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

Поломошнова А. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ ПРЕДМЕТА РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

В юриспруденции из-за достаточно широкого объема положений принято считать, что структура гражданского права довольно обширна и объемна для понимания, что вызывает споры среди деятелей науки по сей день. Различие понятий структура права и система права необходимо для наиболее точного рассмотрения данного вопроса. Под системой следует понимать определенное подразделение отрасли права на три основных части: общую (которая содержит, как правило, теоретические положения), особенную (описывающая признаки совершения тех или иных преступлений, устанавливающая меры наказания), специальная (чаще всего источники международного права). Естественно, необходимо помнить, что проблема системности окончательно не решена. Вместе с этим с системой гражданского права не происходит таких споров, как о ее структуре, ведь структура гражданского права является одним из сложнейших вопросов в юриспруденции и теории науки.

Позволительно сказать, основываясь на ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации [2, с. 11], что в части взаимодействия двух рассматриваемых отраслей просматривается тесный характер.

Обоснованность взаимодействия двух отраслей права также следует из предмета регулирования. Некоторые научные деятели все-таки придерживаются позиции, что семейное право играет роль правового института гражданского права. Мнение является дискуссионным, с точки зрения автора, поскольку гражданскому законодательству свойственно рассмотрение имущественных и лично неимущественных вопросов.

Все-таки, предметы регулирования двух отраслей имеют свойственные отличия, например, составляющая возмездности отношений в гражданском праве или четко установленный круг субъектов в семейном праве. И, как мы знаем из курса изучения гражданского права, главной формой выражения правоотношений в нем выступает договор, а если рассматривать отношения семейные, то там отсутствует «выделение» каких-либо документов в качестве основных.

¹ © Поломошнова А. А., 2024.

Стоит отметить, что в гражданском и семейном кодексе имеются статьи, явно доказывающие взаимосвязь данных отраслей по направленности нормы. Например, опека и попечительство регулируются ст.ст. 31–40 Гражданского кодекса Российской Федерации [1, с. 22], а в Семейном кодексе (СК РФ) данный вопрос рассматривается в гл. 20 [2, с. 56]. Но вот в Гражданском кодексе норма направлена, скорее, на защиту имущественных и лично неимущественных прав, а семейный кодекс имеет цель воспитания несовершеннолетних.

Место отрасли семейного права среди остальных отраслей является довольно спорным вопросом среди деятелей науки. Общим моментом выступает схожесть. Согласно этому феномену, выделяют следующие позиции:

- 1) семейное право является «продолжением» гражданского права;
- 2) семейное право независимо от иных отраслей права.

Бесспорным является решение о определении места семейного права в общей системе. Как отмечал Н. Л. Бондаренко: «Специфика предмета отрасли права определяет особенности правового регулирования. Исходя из этого, эффективность правовых норм следует определять из места отрасли в системе общего права» [4, с. 21–23].

Определение самостоятельности той или иной отрасли права исходит из метода регулирования и предмета регулирования. В статье автором сделан акцент на предметы регулирования гражданского и семейного права.

Научные деятели, останавливаясь на мнении обособленности семейного права, руководствуются статьей ст. 4 СК РФ, в которой сказано, что применение норм гражданского права к семейным отношениям имеет субсидиарный характер. Из этого следует, что рассмотрение вопросов семейных отношений в первую очередь подзаконно семейному праву, а гражданское должно применяться к регулированию отношений, не указанных в СК РФ.

Не стоит отрицать, что существует несомненное признание среди ученых специфических черт в отношениях семьи, что обуславливает само существование отрасли семейного права. Однако имеется необходимость рассмотрения этих черт для уяснения вопроса, являются ли они уникальными именно для семейного права, а также полными и достаточными для основания полагать, что семейное право является обособленной и самостоятельной отраслью.

Например, в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье имеется отдельная статья (ст. 2), в которой раскрывается предмет конкретно семейного права, а именно:

- права и обязанности семьи;
- порядок и условия заключения брака;
- регулирование [3, с. 10].

Сторонники идеи определения семейного права в качестве подотрасли считают, что семейное право регулирует имущественные и личные неимущественные вопросы, возникающие из отношений семьи. По мнению Н. Д. Егорова, предмет семейного права особенен только в возникновении доверительных отношений между участниками имущественных и личных неимущественных отношений. [5, с. 30]. Исходя из этого, ученый считает необходимым применять к участникам семейных отношений единый метод правового регулирования,

то есть метод гражданского права. Момент отграничения семейного права как отдельной отрасли рассматривается в трудах М. А. Антокольской, которая считает, что «отсутствие на данный момент весомых признаков и критериев отделения семейного права от других отраслей не позволяет сделать вывод о самостоятельности данной отрасли» [6, с. 58].

Исходя из анализа науки юриспруденции, главным аргументом сторонников обособленности семейного права является специфика предмета и его отличные признаки. В правовой науке имеется достаточно аргументов, раскрывающих особенные моменты предмета семейного права.

Анализируя особенности семейных отношений, Т. Т. Алиев отмечает следующее: «Нехарактерным моментов возникновения семейных отношений является такой юридический факт, как событие, что не характерно для гражданского права; семейные отношения имеют длящийся характер, то есть участники обязаны долго взаимодействовать друг с другом для решения того или иного вопроса; прекращение семейных отношений не связано с полным исполнением обязанностей; круг участников установлен законодателем, то есть это связанные биологически или юридически физические лица» [7, с. 81].

Стоит отметить, что между учеными возник настолько крупный спор, что некоторые признаки далеки от правовых характеристик и являются скорее «оценочными». Профессор А. М. Нечаева считает, что «...семейное право несет большую воспитательную нагрузку на участников» [8, с. 5].

Регулирование вопросов об имуществе выражает явную схожесть между гражданским и семейным правом. Из-за «тесного» соприкосновения отраслей права в этом моменте деятелям науки и правоведам довольно сложно найти границы соприкосновения.

Таким образом, соотношение семейного и гражданского права выступает спорным вопросом в юриспруденции и требует решения для наиболее точного регулирования правовых вопросов, возникающих у граждан. Семейное право обладает достаточной совокупностью специфических черт для выделения его в качестве самостоятельной отрасли.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь.
4. Бондаренко Н. Л. К вопросу об эффективности гражданского законодательства // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире. 2017. № 2. С. 3–5.
5. Егоров Н. Д. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1. М. : Проспект, 1999.
6. Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юрист, 1996

7. Алиев Т. Т. О специфике семейных правоотношений на примере анализа соотношений гражданско-правовых и семейных правоотношений // Современное право. 2014. № 11. С. 72–75.
8. Нечаева А. М. Семейное право. М. : Юрайт, 2015.
9. Копыткова Н. В. Правовое регулирование имущественных отношений супругов : монография. Гомель : ГГУ имени Ф. Скорины, 2004.

Помыкалова К. Г.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ УМЕРШИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В настоящее время охват пользователей сети Интернет превышает 62,45 %, а число лиц, использующих социальные сети, составляет около 4,62 млрд, т. е. 58,4 % от общей численности населения мира [4]. Аккаунты в социальных сетях являются масштабной площадкой для извлечения прибыли, платформой для онлайн-общения и иных целей, в связи с чем обладают определенной экономической ценностью.

В законодательстве Российской Федерации отсутствует научная интерпретация понятия «аккаунт», поэтому данное понятие раскрывается как «совокупность данных о пользователе». Касательно вопроса об особенностях регулирования аккаунтов умерших владельцев в социальных сетях, стоит отметить, что иногда создается отдельный аккаунт в память о погибшем человеке, где родственники и друзья могут в интерактивном режиме оставить воспоминания и комментарии, что нередко помогает пережить утрату человека. Для разрешения различных вопросов необходимо исследовать правила, политику и внутренние механизмы конкретной социальной сети. В российских сервисах также существует конкретный порядок действий в случае смерти пользователя [3].

Рассмотрим особенности регулирования данного вопроса, обращаясь к социальной сети «Одноклассники». Так, в «Одноклассниках» страницу умершего могут скрыть по запросу или перевести в определенный режим, при котором главная фотография – «аватарка» становится черно-белой с памятной траурной лентой. Кроме того, если страница будет доступна для просмотра только друзьям, то родственники собственника страницы в социальной сети могут обратиться в техническую поддержку и приложить свидетельство о смерти. Вторым примером может послужить такая социальная сеть, как «Фейсбук» (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*), где рядом с именем человека появляется надпись «светлая память»; данный аккаунт не будет отображаться в разделе «Вы их можете знать». Российское законодательство не содержит конкретную норму, которая регулирует завещания аккаунтов и защиту авторских прав

¹ © Помыкалова К. Г., 2024.

умерших владельцев аккаунтов в социальных сетях. В качестве правовой основы следует использовать ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), которая гарантирует возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан, ведь нередко происходят случаи, когда лицо, будучи умершим, подвергается нарушению своей чести, достоинства и деловой репутации [2].

Говоря о маркетплейсах *Wildberries* и *OZON*, стоит отметить, что платформы запрещают передавать логин и пароль от аккаунта третьим лицам. Но некоторые компании не столь категоричны, например, у *Apple* есть проект «Цифровое наследство», суть которого состоит в том, что можно добавить одного или нескольких цифровых наследников для *Apple ID*. Чтобы система могла удостовериться в подлинности информации, необходимо прикрепить свидетельство о смерти, после чего лицо получит доступ к аккаунту умершего владельца на три года [4]. Если условия сервисов кажутся недостаточно надежными для защиты авторских прав умерших владельцев аккаунтов в социальных сетях, то стоит опираться на общие положения ГК РФ, например на гл. 61. Важно, что аккаунт не удастся завещать целиком родственнику, другу или иному лицу, поэтому необходимо разложить его на составляющие части, а именно: права на интеллектуальный контент, права администрации, лицензия на музыку, база подписчиков и т. д. Как указывалось ранее, российское законодательство не содержит конкретной нормы, связанной с разрешением затронутого автором вопроса, но стоит отметить ст. 1251 ГК РФ «Защита личных неимущественных прав», к которой можно обратиться в случае возникновения различных ситуаций, связанных с нарушением прав умерших владельцев аккаунтов в социальных сетях.

По мнению автора статьи, на основании вышеизложенного существует ряд проблем, с которыми могут столкнуться родственники или друзья умерших владельцев аккаунтов в социальных сетях, при попытке защитить авторские и иные права умершего владельца, таковыми являются:

1. Отказ технической поддержки социальной сети или маркетплейса от предоставления доступа к информации, в случае если какая-либо информация может затрагивать честь, достоинство и деловую репутацию лица. При возникновении различного спама или недостоверной информации на странице у владельца отсутствует возможность каким-либо образом ее опровергнуть или удалить.

2. Использование личного «ник-нейма» или иного неимущественного права владельца в личных целях третьим лицом, которое не могло знать, что данный аккаунт принадлежит умершему лицу.

3. Морально-психологическая составляющая вопроса, которая заключается в том, что зачастую аккаунт, не переведенный на специальный режим, может порождать у друзей или близких лиц, высвечиваясь на просторе «ленты новостей» или в «предложенных заявках», негативные эмоции и воспоминания.

По мнению автора, вышеперечисленные аспекты являются распространенными и не исчерпываются указанным списком. Проанализировав их, автор статьи предлагает один из основных путей решения: изменить социальными сетями

ми и иными интернет-площадками принципы своей работы. Например, установить срок действия определенного аккаунта, при истечении которого он будет автоматически удаляться, дабы избежать казусы, при которых будут нарушаться авторские и иные права владельцев аккаунтов.

Таким образом, можно сделать вывод, что существует множество нерешенных проблем из-за недоработки в деятельности социальных сетей или маркетплейсов. Данные пробелы порождают ряд проблем, решение которых иногда не представляется возможным, поэтому специалисту, разрабатывающему систему работы социальной сети и иных интернет-площадок, стоит подойти к разрешению данного вопроса с наибольшей эффективностью и вниманием.

Список литературы

1. Анипенко К. Наследование аккаунта // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/8/22/nasledovanie_akkaunta.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Митягин К. С. Правовая природа страницы социальной сети // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 5.
4. Сколько стоит реклама у звезд и блогеров в Instagram? // Сайт «Google». URL: <https://goo.gl/yoR4wY>.

Рузанова В. Д.¹,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
(Самарского университета),
кандидат юридических наук, доцент

РАСШИРЕНИЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Современный период развития частного права характеризуется расширением сферы его воздействия на общественные отношения, ранее не подвергавшиеся гражданско-правовому регулированию. Такая тенденция связана, прежде всего, с возрастанием роли информации и развитием технологий. Она находит свое проявление в различных областях жизни общества и экономики. Так, высокими темпами растет влияние частноправовой регламентации на режимы биобанков [3, с. 57–62] персональных, в том числе генетических, данных на развитие медицинской отрасли и др. В доктрине, в частности, предлагается относить персональные данные к числу нематериальных благ, защищаемых гражданским правом [4, с. 77–83]. Последовательное воплощение этой идеи на легальном уровне приведет к формированию комплексного (межотраслевого) института, сочетающего в себе частноправовые и публично-правовые элементы.

Считаем, что одним из перспективных векторов расширения влияния гражданского права сегодня выступает охрана здоровья граждан. Базовыми законодательными актами в этой сфере являются Конституция Российской Федерации, закрепляющая право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41), и Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об охране здоровья). Последний, а также иные акты в сфере здравоохранения устанавливают целый ряд специальных правил, наполняющих гражданско-правовое регулирование конкретным содержанием. Применительно к охране здоровья граждан взаимодействие законодательства о здравоохранении и гражданского законодательства осуществляется по различным направлениям.

Прежде всего, это вопросы создания и функционирования юридических лиц в сфере здравоохранения. Общие правила их создания, функционирования и прекращения деятельности устанавливаются в ГК РФ, а специфика отражается в Законе об охране здоровья (ст.ст. 28, 29.1, 76). Указанный закон, в частности, определяет виды юридических лиц, связанных с охраной здоровья граждан (общественные объединения по защите прав граждан в сфере охраны здоровья, профессиональные некоммерческие организации, создаваемые медицинскими работниками и фармацевтическими работниками, и медицинские организации); содержание специальной правоспособности каждого из видов; особый порядок

¹ © Рузанова В. Д., 2024.

ликвидации медицинских организаций и др. Например, порядок ликвидации медицинской организации зависит от ее подведомственности и от того, является ли она единственной медицинской организацией в данном сельском населенном пункте.

Все более усиливается влияние договорного права на сферу платных медицинских услуг и при реализации программ обязательно медицинского страхования. Как известно, договор оказания медицинских услуг является видом гражданско-правового договора возмездного оказания услуг, указанного в гл. 39 ГК РФ. Характерной чертой договоров в области медицинской деятельности заключается в том, что в них сочетаются частные и публичные начала, связанные с императивным регулированием многих аспектов такой деятельности. В частности, установлены специальные требования к медицинской организации как субъекту договора, касающиеся, например, лицензирования (ст. 9 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»), и к медицинским работникам, касающиеся их квалификации (ст. 69 Закона об основах охраны здоровья). Медицинское законодательство иногда закрепляет особые требования и к гражданину, например, к суррогатной матери как субъекту соответствующего договора (ст. 55 Закона об охране здоровья). При этом гражданин как сторона договора оказания медицинских услуг пользуется всеми правами потребителя (Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»).

Следует иметь в виду, что медицинская помощь строго регламентируется, подчиняется установленному порядку и осуществляется на основе соответствующих стандартов (ст. 32 Закона об охране здоровья). Все это оказывает влияние на требования к медицинской услуге как предмету указанного договора. Так, ее качество как совокупность определенных характеристик должно отвечать специальным установленным критериям качества (ст. 2 Закона об охране здоровья). При этом необходимо различать качество самой услуги и качество условия ее оказания (ст. 79.1 Закона об охране здоровья).

Важно видеть, что медицинская помощь весьма разнообразна: она классифицируется по видам, условиям и форме оказания такой помощи. В связи с этим договоры в данной сфере должны различаться по своему содержанию.

Так, договоры, оформляющие применение персонализированного подхода, в отличие от обычных договоров должны включать дополнительные условия, отражающие его специфику. В связи с этим предлагаем включать в содержание договора оказания медицинской помощи, основанной на индивидуальном подходе, условия о самой возможности применения индивидуализированного метода как одной из основных характеристик предмета договора (т. е. должно быть указано не только собственно, какая медицинская услуга оказывается, но и с использованием какого метода); условия, связанные с использованием (или установлением) сведений о генотипе человека и его генетических данных, в том числе, сведений о состоянии здоровья, являющихся генетическими; условия о повышенных требованиях к квалификации медперсонала, об основаниях и формах ответственности медицинских учреждений и медицинского персонала

за нарушения в сфере применения индивидуальных данных человека, и в первую очередь его генетических данных.

Кроме того, использование генотипирования и других технологий при применении индивидуализированного подхода требует проведения большой подготовительной работы, содержание которой должно быть закреплено в договоре в форме расширения предмета договора и взаимных прав и обязанностей его сторон (например, вопросы определения генотипа человека (если он ранее не был выявлен)). Поскольку цель персонализированной медицины состоит в подборе подходящих лекарственных средств для конкретного больного и разработке схемы лечения в соответствии с его генотипом, то в договоре следует также зафиксировать обязанность медучреждения по совершению перечисленных действий.

Считаем необходимым разработать модельный договор оказания медицинской услуги, основанной на индивидуальном подходе, который должен носить вариативный характер, поскольку имеются существенные особенности применения индивидуализированного метода при осуществлении различных видов медицинской деятельности.

Влияние гражданского права проявляется и в аспекте связи правового положение гражданина как пациента с защитой его прав как субъекта гражданского права. Так, личная и семейная тайна, частным случаем которой является врачебная тайна, являются нематериальными благами и защищаются соответствующими гражданско-правовыми способами (ст.ст. 150, 152.2 ГК РФ). В связи с интенсивным внедрением информационных технологий, в том числе телемедицины [1, с. 126–139] и персонализированной медицины [2, с. 4–10] воздействие гражданского права на медицинскую сферу усиливается. Это происходит, прежде всего, путем его взаимодействия с законодательством о персональных данных, которые, как отмечалось, в доктрине относятся к нематериальным благам (ст. 36.2 Закона об охране здоровья).

Как известно, вопросы возмещения вреда, причиненного жизни и (или) здоровью гражданина при оказании медицинской помощи, являются предметом гражданско-правового регулирования (гл. 59 ГК РФ). При применении соответствующих положений ГК РФ необходимо иметь в виду, что именно законодательство о здравоохранении определяет объекты посягательства (например, дает понятие здоровья), содержание объективной и субъективной сторон правонарушения, повлекшего вред для жизни и здоровья гражданина (ст.ст. 2, 98 Закона об охране здоровья). Если речь идет о платной медицинской услуге, то причиненный исполнителем вред жизни или здоровью пациента должен являться результатом предоставления некачественной платной медицинской услуги (Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 736). Требования же к качеству такой услуги также устанавливаются медицинским законодательством.

Сказанное позволяет заключить, что современное гражданское право активно расширяет сферу своего влияния путем нормирования отношений, ранее не подпадающие под его регулирующее воздействие.

Список литературы

1. Винокурова М. А., Пашнина Т. В. О применении системного подхода в правовом регулировании телемедицинских технологий // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 126–139.
2. Персонализированная медицина: современное состояние и перспективы / И. И. Дедов и др. // Вестник РАМН. 2012. № 12. С. 4–10.
3. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Правовой режим биобанков в отечественном законодательстве // Юридический Вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 1. С. 57–62.
4. Рузанова В. Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3 (69). С. 77–83.

Рузанова Е. В.¹,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
(Самарского университета),
кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО И ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ

В доктрине активно обсуждаются проблемы, связанные с определением «пределов» вмешательства государства в семейные отношения. Однако не менее значимым является и вопрос о роли государства в укреплении семьи, поскольку, как известно, «существование стабильного общества невозможно без устойчивых семейных отношений» [2, с. 197].

Важной составляющей семейного благополучия является создание материальной базы жизни семьи. По справедливому мнению Б. М. Гонгало, особенность имущественных отношений в семейно-правовой сфере состоит в том, что они существуют в неразрывной связи с неимущественными отношениями, а «в ряде случаев развитие имущественных отношений предопределено какими-то неимущественными факторами» [1, с. 188–189]. На имущественное положение семьи оказывает влияние множество факторов, в том числе и поддержка государства семьи, материнства, отцовства и детства.

В таких мерах ярко проявляется как публичный интерес, заключающийся в создании государством благоприятных условий для жизни семьи, так и частный интерес, состоящий в укреплении имущественной базы семьи.

К мерам государственной поддержки, в частности, относятся предоставление земельных участков, материнского (семейного) капитала, установление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и др. Основные правовые проблемы здесь возникают при решении вопросов, связанных с определением правового режима имущества, приобретаемого с использованием указанных мер. Такое положение дел связано, прежде всего, с отсутствием согласованности публично-правового и частноправового регулирования в этой сфере: правила государственной поддержки носят публично-правовой характер и никак не решают вопрос о правовом режиме приобретаемого имущества, являющемся частноправовым. Кроме того, некоторые меры определяются законодательством субъекта Российской Федерации (например, бесплатное предоставление гражданам земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности), а установление режима приобретаемого имущества является прерогативой гражданского зако-

¹ © Рузанова Е. В., 2024.

нодательством, относящегося к ведению Российской Федерации. В таких ситуациях законодатели действуют «как бы параллельно», не согласовывая свои позиции. Таким образом, основная проблема здесь состоит в том, что законодатель не устанавливает связь между публичными правовыми нормами, закрепляющими меры поддержки, и, соответственно, основания возникновения права собственности с частноправовыми нормами, определяющими субъектный состав и вид права собственности на это имущество.

В результате использования государственных мер право на приобретенное имущество возникает либо у супругов (одного из них) или супругов и других членов семьи (как правило, несовершеннолетних детей). Как видим, имеет место неопределенность субъектов права собственности на приобретаемое имущество. Так, до сих пор в доктрине и на практике нет однозначного решения вопроса о том, кто является собственником жилого помещения, приобретенного с использованием накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих. В литературе предлагается считать таковыми либо держателя жилищного сертификата, либо военнослужащего и членов его семьи, либо только супругов [3, с. 16–19].

Длительное время оставался спорным вопрос о правовом режиме жилого помещения, приобретаемого с использованием средств материнского (семейного) капитала. В настоящее время он решен судебной практикой, сформулировавшей положение о том, что жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, является общей долевой собственностью супругов и детей (п. 13 Обзора судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал, утвержденного Президиумом ВС РФ 22 июня 2016 г.). Между тем такой подход не соответствует ГК РФ и СК РФ, поскольку в данном случае у супругов возникает право общей долевой собственности вне брачного договора.

Одной из важнейших мер поддержки государства является бесплатное предоставление гражданам земельных участков из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Основанием возникновения права собственности на данный объект выступает акт государственного органа или органа местного самоуправления. Во всех законах субъектов Российской Федерации детально определяются основания и порядок предоставления гражданам таких земельных участков (ст. 9 Закона Самарской области от 11 марта 2005 г. № 94-ГД (ред. от 20.02.2023) «О земле»). Вместе с тем в некоторых нормативных правовых актах говорится о субъектах и виде возникающего на земельный участок права. Так, в п.1 ст. 32.1 Земельного кодекса Республики Татарстан земельные участки предоставляются (передаются) родителям (родителю) и детям в общую долевую собственность в равных долях. Но поскольку гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации, то субъекты не вправе решать вопрос о правовом режиме указанных объектов. Однако на федеральном уровне до сих пор нет соответствующего легального решения.

Поскольку меры поддержки различны и по условиям, и по правовым последствиям, то сформировать единый правовой режим приобретаемого имуще-

ства, по-видимому, не удастся, однако объединить типичные ситуации вполне реально. Например, если поддержка оказывается семье (например, родителям и несовершеннолетним детям), то очевидно, что все члены семьи, в том числе и супруги, должны иметь право собственности на приобретенное имущество. Единственной конструкцией в действующем гражданском законодательстве, которая может обеспечить интересы членов семьи, является право общей долевой собственности.

В связи с этим мы поддерживаем высказанную в литературе мысль о том, что на имущественные отношения между супругами и остальными членами семьи, возникающие в результате использования мер государственной поддержки, следует распространить режим общей долевой собственности [3, с. 16–19] и предлагаем закрепить данное положение в законодательстве Российской Федерации. При этом следует согласовать нормы ГК РФ и СК РФ относительно вида права собственности супругов: в этом случае у каждого из супругов должно возникать право общей долевой собственности на имущество, приобретенное в период брака, вне брачного договора.

Список литературы

1. Гонгало Б. М. Семейное законодательство: проблемы и перспективы // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 187–193.
2. Летова Н. В. Семья и семейные ценности // Семья и семейные ценности в Российской Федерации: социально-правовой аспект : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. М. : РГ-Пресс, 2019.
3. Тагаева С. Н. Влияние государственной политики, направленной на улучшение жилищных условий, на имущественные отношения супругов // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 16–19.

Рысбекова Б. Р.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Дерюгина Т. В.,
*профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СОТРУДНИКОВ ОВД В РОССИИ И КЫРГЫЗСТАНЕ

В законодательстве и науке вред делят на моральный и материальный [2–3]. В соответствии со ст. 16 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (ГК КР) устанавливается, что моральный вред может проявляться как в форме физических страданий, так и в форме страданий нравственных. Аналогичная норма содержится и в российском законе, в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Рассмотрение морального вреда как «страдания» означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию.

Представленное понятие морального вреда основывается на психическом восприятии незаконного поведения, а если мы ведем речь о сотрудниках внутренних дел, то моральный вред должен возникать в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения их должностных обязанностей. Такое поведение должно находить отражение в сознании потерпевшего на уровне его эмоционального восприятия. Отображение в сознании вызывает негативные эмоции у физического лица, что отражается на его как психическом, так и в ряде случаев физическом состоянии. Таким образом, неправомерное поведение воздействует на эмоциональную сферу потерпевшего, а сам вред может выражаться не только в нравственных, психических, но и физических страданиях.

В научной литературе высказана точка зрения, что моральный вред может быть вызван различными ограничениями, возникшими в результате его причинения (например, ограничение при передвижении в результате потери ног) [1]. С этой точкой зрения следует согласиться.

Судебная практика разработала более полное определение термина «моральный вред». Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 моральным вредом считаются психологические или физические страдания, вызванные действиями (или бездей-

¹ © Рысбекова Б. Р., 2024.

ствием), которые нарушают духовные ценности, личные нематериальные права граждан и их имущественные права.

К ним, в частности, относятся права на жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, приватность, честь, доброе имя, конфиденциальность переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и других сообщений. Сюда также включаются права на свободный выбор места жительства, право на труд в безопасных условиях, право на уважение семейных связей, право на медицинскую помощь, право на использование своего имени.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 8 ноября 2004 г. № 11 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» дается аналогичное понятие морального вреда.

Если мы более внимательно изучим определение, изложенное в Постановлении Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики, то увидим, что понятие «страдания» там не представлено. Однако толкование указанного постановления позволяет нам сделать вывод, что под ним суд понимает претерпевание неблагоприятных последствий в виде физических или психологических травм.

Сотрудники правоохранительных органов в процессе исполнения своих служебных обязанностей могут причинять, в том числе, и моральный вред. Моральный вред может быть вызван неисполнением своих должностных обязанностей указанными сотрудниками. Из этого следует, что моральный вред может быть вызван различными обстоятельствами и неправомерными действиями, в результате которых причиняется моральный вред, к примеру, родственникам как преступника, так и потерпевшего. Также моральные страдания могут быть вызваны неправомерными действиями сотрудника органа внутренних дел в случаях неисполнения либо ненадлежащего исполнения их должностных обязанностей. Спектр объектов нарушения достаточно широк.

В настоящей правовой системе пользуются защитой нематериальные ценности, такие как право на жизнь и здоровье, честь, достоинство, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, которые приведены в основных правовых документах Российской Федерации и Кыргызской Республики, конституциях и гражданских кодексах.

Это перечисление не исключает других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. В соответствии со статьей 12 ГК РФ и статьей 17 ГК КР эти права и блага защищаются в установленных гражданским законодательством случаях и порядке, а также в тех пределах, в которых используются средства защиты гражданских прав в зависимости от характера нарушения указанных нематериальных благ.

Понимание духовных ценностей и личных прав, не связанных с материальными интересами, носит межотраслевой характер, так как выходит за рамки гражданского права [6] и отражается в содержании других отраслей права. Об этом нам говорит и ГК КР в ст.ст. 11, 17 ГК КР. В частности, в различных областях права обеспечивается защита прав на личную и семейную тайну, включая конфиденциальность переписки, телефонных разговоров и телеграф-

ных сообщений, а также конфиденциальность процедур усыновления и искусственного оплодотворения. Другие формы конфиденциальности также устанавливаются законодательством, включая адвокатскую, медицинскую и нотариальную тайну.

«Под вредом в гражданском праве понимается ущерб или неблагоприятные последствия для охраняемых законом прав и интересов, включая как материальный, так и нематериальный вред» [7]. В науке под вредом также понимают нанесение ущерба имуществу индивида или причинение вреда телесному здоровью или даже смерти физического лица [5].

В связи с этим моральный вред может проявляться через эмоциональные травмы, связанные с потерей близких людей, изменением образа жизни, утратой профессиональной занятости, разглашением личной информации, распространением сведений, не соответствующих действительности. Также моральный вред может быть последствием лишения или нарушения субъективных прав физического лица, причинения ему физической боли или нравственных страданий, появления заболеваний, которые вызваны психическими страданиями, и пр. [4].

При причинении вреда сотрудником органа внутренних дел, несмотря на то, что, во-первых, вред может причиняться и правомерными действиями сотрудника, а во-вторых, возмещение правомерно причиненного ущерба предусмотрено законом, моральный вред, причиненный сотрудниками правоохранительных органов, должен быть возмещен только в случае неправомερных действий или бездействий. Такой подход будет в большей мере соответствовать принципу справедливости, а также направлен на соблюдение баланса частных и публичных интересов.

На основе исследования действующего законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики, научной литературы и судебной практики можно сделать выводы относительно понимания морального вреда и его последствий, а также возможности возмещения возникновения морального вреда в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов.

Так, проведенный анализ позволяет говорить о том, что в качестве морального вреда можно понимать, во-первых, нарушение самих материальных благ (жизнь, здоровье и проч.), во-вторых, нарушение личных неимущественных прав (например, права на имя), в-третьих, нарушение имущественных прав (например, порча вещей, которые дороги потерпевшему). Во всех этих случаях человек переживает этическую тяготу, что позволяет ему возместить нравственный вред. Сам вред может быть вызван психологическим дискомфортом или стрессом, страданием, при этом они (указанные последствия) могут наступать как в случае нарушения нематериальных благ, так и личных неимущественных, а также имущественных прав). Также проведенное исследование позволяет нам утверждать, что моральный вред, причиненный сотрудниками органов внутренних дел, может возмещаться только в случае их незаконного поведения (неисполнения или ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей). Моральный вред, вызванный законными действиями сотрудни-

ков правоохранительных органов, в результате которых причиняется вред, не подлежит возмещению.

Список литературы

1. Белякова А. М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987.
2. Дерюгина Т. В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть закона. 2018. № 1 (33). С. 31–39.
3. Маленина М. Н. Компенсация за неимущественный вред // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 5. С. 67–70.
4. Мамажанов К. С., Согаева Л. И. Гражданское право Кыргызской Республики: Общая часть : курс лекций. Бишкек : Маданият, 2012.
5. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. II. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011.
6. Эрделевский А. Споры о компенсации морального вреда // Российская юстиция. 1997. № 2. С. 38–39.
7. Эрделевский А. М. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда // Российская юстиция. 1998. № 6.

Симонова А. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВООТНОШЕНИЕ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Механизмом правового регулирования является определенная система правовых средств, методов, элементов, которые используются с целью эффективного регулирования общественных отношений для формирования правопорядка в обществе и государстве.

Механизм правового регулирования нацелен на обеспечение стабильности общественных отношений, соответствие их требованиям законодательства. С помощью такого механизма возникает возможность беспрепятственного движения интересов правоспособных лиц к благам и ценностям.

Роль элементов механизма правового регулирования заключается в:

- отражении динамики права, процесса его реального функционирования;
- обеспечении комплексного воздействия юридических средств на поведение людей и отношения, складывающиеся между ними;
- выявлении специфических задач и регулятивных возможностей явлений, возникающих в пределах правового поля, связей их с другими процессами и явлениями [1].

Основные элементы механизма правового регулирования – действительно функционирующие, отправные фрагменты юридической системы, где отражены основные этапы влияния норм на общественные отношения. В их числе стадии:

- регламентации взаимодействия субъектов;
- возникновения обязанностей и прав;
- реализации правомочий и выполнения обязательств.

Механизм правового регулирования включает в себя следующие элементы:

- правовая норма. Это исходная основа регулирования. В норме закладывается модель должного поведения субъектов;
- фактический состав (юридический факт). Посредством этого элемента механизм правового регулирования активизируется, приходит в движение;
- правоотношение. Его возникновение обуславливается появлением юридического факта;
- реализация прав;

¹ © Симонова А. А., 2024.

- правоприменительный акт.

Охранительный акт применения права является факультативным элементом механизма правового регулирования. Приведение механизма в движение осуществляется при помощи объединения всех названных компонентов.

В рамках функционирования механизма правового регулирования цели законодателей, а также правоприменителей и конкретных участников отношений сталкиваются друг с другом. Интеграцию всех элементов в единую систему обеспечивает лишь единство интересов этих субъектов. Мотивация, неправильно воспринятая, ошибка при выборе средства регулирования, недобросовестная потребность могут нивелировать усилия нормотворческих институтов и прекратить функционирование отлаженного механизма.

«В соответствии с вышеприведенными основными элементами механизма административно-правового регулирования выделяют следующие условия его функционирования:

- регламентация отношений, в рамках которой принимается необходимая правовая норма;
- возникновение реальных обстоятельств, которые необходимы для действия нормы. Они связываются с появлением юридических фактов.
- движение интересов субъектов к ценностям на практике начинается с события, бездействия/действия, с помощью которых возникают, прекращаются или изменяются правоотношения;
- установление объекта и субъекта отношений, прав и обязанностей. На этом этапе определяется, кто и как будет исполнять требования, закрепленные в норме;
- непосредственная реализация обязанностей и прав. Фактическое совершение определенных действий, направленных на получение результата, заложенного в норме законодателем;
- принятие правоприменительного акта. Этот элемент механизма правового регулирования представляет собой властное веление уполномоченных компетентных структур, гарантирующее реализацию обязанностей и прав субъектов, участвующих в регламентируемых правоотношениях» [2].

Наряду с юридическими нормами и актами реализации прав и обязанностей, правоотношение является одним из основных элементов механизма правового регулирования. Под правоотношением понимают такое взаимодействие субъектов общественных отношений, которое исходит из права, под которым, в свою очередь, понимается не его внутреннее строение, а комплекс источников права, действующих на территории того или иного государства в настоящий момент [3].

В механизме правового регулирования правоотношение выполняет функции, во-первых, выявление определенных лиц, на которых распространяется действие норм права в данный момент; во-вторых, закрепление конкретного поведения, которому должны или могут следовать лица; в-третьих, приведение в действие специальных юридических средств (судом, прокуратурой) с целью обеспечения субъективных прав, обязанностей, ответственности [4].

Таким образом, правоотношение в механизме правового регулирования выступает инструментом «перевода» предписаний юридических норм в субъективные права и обязанности для данных субъектов.

Правовое отношение нацелено на перевод абстрактных прав и обязанностей в русло конкретных (субъективных) прав и обязанностей, на выявление круга лиц, конкретных участников правоотношения.

Являясь особым правовым механизмом (средством), правоотношение позволяет влиять на общественные отношения, экономическое производство и обмен, реагировать оперативно и адекватно на изменения объективного характера, вызовы времени, способствует инициативе участников общественных отношений, достижению позитивных результатов и целей. Правоотношения не существуют постоянно и не являются чем-то непреходящим (возникают, изменяются и прекращаются). Они связаны с материальным и процессуальным правом. Вместе с тем правовые нормы не имеют возможности порождать, изменять или прекращать правоотношения. В таких случаях необходимо наступление специальных обстоятельств, именуемых в литературе юридическими фактами.

В механизме правового регулирования общественных отношений юридические факты занимают главное место, поэтому в исследованиях последних лет им уделяется особое внимание. Под юридическим фактом понимается конкретное жизненное обстоятельство (условие, ситуация), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения [5].

Юридические факты возникают и существуют помимо права, но придание им правового характера законодателем необходимо для их регулирования и упорядочения. Они служат непосредственными поводами, основаниями для возникновения, изменения и прекращения правоотношений.

Все юридические факты классифицируются по различным основаниям. Одним из наиболее популярных являются юридические последствия, по которым выделяют факты: правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие.

Например, в ст. 8 ГК РФ содержатся правообразующие юридические факты.

Правоизменяющие факты – изменение прав или обязанностей одной из сторон, например обмен транспортным средством.

Правопрекращающие факты – прекращение права или обязанности субъекта правоотношения, например окончание студентов вуза.

По волевому признаку выделяют юридические факты, как:

- события – не зависят от воли субъектов отношения деяния (решение суда, стихийное бедствие);

- действия – волевое решение субъекта правоотношения, например заключение договора.

Юридические факты по продолжительности действия во времени могут быть кратковременными (штраф) или длящимися (гражданство).

Юридический факт по своему правовому значению может быть положительным (их наличие порождает изменение, возникновение или прекращение правовых отношений, примером может служить достижение определенного возраста) или отрицательными (вышеуказанные обстоятельства порождает от-

существование данных фактов, например, отсутствие родства между будущими супругами позволяет заключить брак с человеком) [6].

Таким образом, юридический факт является «создателем» любой фазы динамики гражданского правоотношения – возникновения, изменения, прекращения. Итак, большинство ученых рассматривает механизм правового регулирования в качестве системы или совокупности средств, посредством которых упорядочиваются общественные отношения. Одной из важных категорий общей теории права является «правоотношение», выступающего как элемента механизма правового регулирования. Правоотношения понимаются как общественные отношения, которые урегулированы нормами права.

Список литературы

1. Бабаев В. К. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.
2. Правоведение : учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. 4-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2018.
3. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 13-е изд., стер. М. : Дашков и К, 2019.
4. Чшиева Д. Ф. Понятие и значение правоотношений // Молодой ученый. 2019. № 5 (243).
5. Титов Е. В. Понятие юридического факта // Ex jure. 2018. № 4.
6. Кильдеев Р. Р. Роль юридических фактов и фактических составов в механизме правового регулирования // Контентус. 2019. № 9 (86).

Тихонина А. С.¹,

студентка магистратуры

Волгоградского института управления –

филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

Научный руководитель:

Богданова Т. Д.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградского института управления –

филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАКТИКЕ ЮРИСТОВ: ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Искусственный интеллект (ИИ) – это область компьютерных наук, которая занимается разработкой интеллектуальных систем, способных выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Это направление развивается быстрыми темпами, и его влияние на общество становится все более очевидным. В этой статье мы рассмотрим основные этапы развития искусственного интеллекта и его перспективы, а также рассмотрим его соотношение с нейросетью для более детального анализа представленной темы научной статьи.

Искусственный интеллект может быть реализован с использованием различных технологий, включая нейросети. Нейросеть – это тип искусственного интеллекта, который имитирует работу нервной системы живых организмов. Нейросети состоят из слоев нейронов, которые обрабатывают информацию и передают ее дальше по сети. Нейросети используются для решения различных задач, таких как распознавание образов, прогнозирование и управление.

Соотношение между искусственным интеллектом и нейросетями можно описать как общее и частное. Искусственный интеллект является более широким понятием, которое включает в себя различные технологии и методы, в том числе нейросети. Нейросети, в свою очередь, являются одним из видов искусственного интеллекта и используются для решения определенных задач.

Идея создания искусственного интеллекта появилась еще в XVII в., когда французский философ Рене Декарт предложил идею создания «механического человека» [1]. Однако лишь в середине XX в. с появлением первых компьютеров и развитием компьютерных наук стали появляться первые программы, реализующие некоторые функции, характерные для человеческого интеллекта.

Технологии искусственного интеллекта становятся все более распространенными в различных сферах жизни, включая юриспруденцию. В данной статье мы рассмотрим, как искусственный интеллект меняет работу юристов, и как это влияет на профессиональное сообщество.

¹ © Тихонина А. С., 2024.

Использование искусственного интеллекта в юридической практике: искусственный интеллект может помочь юристам в различных аспектах их работы. Можно выделить преимущества искусственного интеллекта, такие как:

- ускоряет процесс работы юристов, позволяя им сосредоточиться на более сложных задачах;
- позволяет снизить стоимость юридических услуг, так как он не требует такого количества человеческих ресурсов, как традиционные методы;
- использование искусственного интеллекта может повысить качество юридических услуг, поскольку он способен анализировать большие объемы данных и находить скрытые закономерности.

Также он может быть использован для создания юридических документов и даже для участия в судебных заседаниях. Но с таким опытом нужно быть аккуратно. Система еще не устроена так, чтобы выдавать все решения и ответы на вопросы без ошибок.

Одним из примеров, подтверждающих возможные пробелы, юрист по имени Стивен Шварц решил обратиться за помощью к чату *GPT*, чтобы найти информацию для судебного заседания. Стивен предстает в суде против авиакомпании в качестве адвоката. Его подзащитному сильно ударили тележкой, которая развозит еду на борту самолета, по ноге. После чего подзащитный подал иск на эту авиакомпанию, заявив о халатности со стороны ее сотрудника. Чтобы подкрепить свои аргументы фактами, он принес в суд материалы: 10 страниц со ссылками на судебную практику по аналогичным заседаниям с комментариями экспертов. Но проблема была в том, что Шварц не сам искал эти решения, а воспользовался чатом *GPT*, чтобы тот нашел их за него. В итоге шесть дел из списка не существовали, *GPT* их выдумал. Адвокату назначили слушание для обсуждения меры наказания за предоставление ложных судебных постановлений и цитат в ходе судебного процесса. После чего его отстранили от практики [2].

Но не стоит выделять только неудачные примеры работы с нейросетью.

На просторах сети появился искусственный интеллект, который нашел практически все фотографии человека в интернете со ссылками на источники, куда были загружены эти фото. Этот сервис называется *PimEyes*, и он уже устроил резонанс в интернет-пространстве [3]. С одной стороны, это опасность для личных данных пользователей интернета, но с другой стороны, загружая свои личные фотографии в интернет, мы должны помнить главное правило цифровой безопасности «все, что когда-то попадет в интернет, оттуда уже не исчезнет».

Стоит отметить плюсы данной системы. Например, эта нейросеть поможет найти мошенников и преступников. К примеру, у гражданина украли телефон, а из улик есть только видеозапись с камер наблюдения. С помощью поиска по фото можно выяснить как минимум как зовут этого человека. А затем уже и остальные данные, которые он указывал в своих профилях в сети или иных сайтах.

В Дубае уже создали государственный центр искусственного интеллекта, в котором воспитывают искусственный интеллект и «учат» его быть полезным для сотрудников. В центре обучают около тысячи госслужащих использовать нейросети, чтобы повысить производительность работников и качество предо-

ставления государственных услуг. Так, принц Арабских Эмиратов заявил, что Дубай будет центром технологических инноваций, а правительство должно стать ведущим в мире по вопросам внедрения искусственного интеллекта в нашу жизнь.

Однако у использования искусственного интеллекта в юридической практике есть и свои ограничения. Например, некоторые аспекты юридического процесса могут быть сложными для него, например, оценка этических аспектов дела или принятие решений, основанных на личных убеждениях.

В целом использование искусственного интеллекта в юридической практике становится все более актуальным. Однако важно помнить о возможных проблемах и ограничениях искусственного интеллекта, а также о необходимости соблюдения этических принципов при использовании этих технологий. Можно с уверенностью сказать, что будущее искусственного интеллекта будет еще более захватывающим и интересным. Уже сейчас ведутся исследования в области квантовых вычислений, которые могут значительно улучшить его производительность. Кроме того, его развитие может привести к созданию новых технологий, которые изменят нашу жизнь к лучшему.

Список литературы

1. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М, 1989.
2. РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20230531/08955498.html/.
3. PimEyes. URL: <https://pimeyes.com/en>.

Трушина И. О.¹,
слушатель Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Левкина Е. С.,
преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

Изучению корпоративного права в современном обществе уделяется большое внимание со стороны ученых и правоприменителей, так как данная подотрасль гражданского права регулирует общественные отношения, связанные с участием в корпоративных организациях и их управлением, что является перспективным направлением в развитии государственной экономики. Особый интерес вызывает использование искусственного интеллекта в корпоративном праве. И. С. Шиткина в своем выступлении на Всероссийском юридическом форуме «Гражданско-правовое регулирование имущественного оборота: основные проблемы и практические рекомендации» отметила, что искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и деликтоспособностью и не может отвечать за себя, а за его деятельность отвечает либо его разработчик, либо владелец, либо пользователь [1], что, несомненно, вызвало бурную дискуссию среди присутствующих. Разделяя позицию автора, отметим, что искусственный интеллект в современных реалиях не достиг того уровня, чтобы брать на себя ответственность за совершенные действия или принятые решения.

Актуальность исследования обуславливает рассмотрение вопросов в области использования искусственного интеллекта в корпоративном праве, а также проблематику привлечения к юридической ответственности за действия искусственного интеллекта, повлекшие причинение имущественного или неимущественного вреда другим лицам при его использовании в гражданско-правовой сфере корпоративными организациями. Ранее в рамках изучения вопроса (тематика) о правовом статусе искусственного интеллекта [2], гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом [3], нами были сделаны некоторые выводы, которые будут использоваться в процессе исследования вопроса об использовании искусственного интеллекта в корпоративном праве:

1. Искусственный интеллект может являться самостоятельным субъектом гражданского права, но на данный момент не обладает полным перечнем при-

¹ © Трушина И. О., 2024.

знаков субъекта права и не имеет законодательно закрепленного правового статуса в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) [2, с. 107].

2. За функционированием искусственного интеллекта должен следить человек и, соответственно, на данном этапе развития права нести юридическую ответственность за нарушения в работе машин должен его непосредственный собственник или правообладатель [2, с. 107].

3. Искусственный интеллект необходимо рассматривать как источник особой опасности (по аналогии с источником повышенной опасности) и предусмотреть отдельную норму в ГК РФ об ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей особую опасность для окружающих, то есть деятельностью искусственного интеллекта [3, с. 154].

Транснациональные корпорации (*Apple, Amazon, Google, Microsoft* и др.) проявляют интерес к возможностям использования искусственного интеллекта в деятельности организаций, вкладывая большие финансовые средства в изучение возможностей ИИ. В Российской Федерации активно финансируется развитие разработок, связанных с использованием искусственного интеллекта. Премьер-министр М. В. Мишустин 9 октября 2023 г. подписал распоряжение о выделении дополнительных финансовых средств на развитие технологий искусственного интеллекта, из них свыше 800 млрд рублей предусмотрено на гранты малым предприятиям [6].

Но несмотря на активное использование искусственного интеллекта в корпоративной деятельности, мало изучены вопросы его применения для решения организационных и управленческих задач.

В соответствии ст. 65.2 ГК РФ отношения между участниками могут регулироваться корпоративным договором, по которому каждый участник обязуется осуществлять свои корпоративные права определенным образом [4, с. 99]. Традиционно участниками корпоративных отношений признаются физические лица, т. е. люди, которые всегда и являлись исполнителями определенных задач. Но развитие искусственного интеллекта достигло того уровня, что машина может выполнять различные задачи, ранее возложенные на человека: совершение вычислительных и текстовых операций, моделирование отдельных функций деятельности и сознания человека и выполнение иных функций в рамках интересов корпоративных юридических лиц. Человек при принятии организационных и иных управленческих решений руководствуется субъективным фактором. Такое решение ввиду человеческого фактора может иметь признаки ненадежности или несправедливости. По мнению Р. Смита, искусственный интеллект может исключить данный фактор при принятии решений и фактически может заменить человека. Возникает логичный вопрос: если искусственный интеллект может выполнять функции человека, то может ли первый (искусственный интеллект) являться участником корпоративных отношений, либо он признается средством достижения определенной цели человеком.

Несмотря на все возможности искусственного интеллекта и его свойство саморазвиваться, которые, несомненно, упрощают работу корпорации и освобождают время для ее сотрудников с целью реализации иных задач, существуют и недостатки в его использовании. Искусственный интеллект не наделен

функцией мыслить, как мыслит человек, и, соответственно, при принятии организационных решений будет руководствоваться исключительно мета-алгоритмами, заложенными в него человеком, и теми комбинациями, которые он вывел самостоятельно, не учитывая возможные риски и иные обстоятельства и минуя человеческий фактор. Т. Таулли, А. Постолит, Н. Сони, И. Энхолм и другие ученые рассматривают перспективы применения в организационном управлении машинного обучения и построения нейронных сетей, которые обеспечат координацию выполнения сложных проектов [5, с. 175]. Но в силу того, что сегодня искусственный интеллект не является обособленным субъектом гражданского права, не имеет правового статуса, предусмотренного действующим законодательством Российской Федерации, он не может быть отдельным участником корпоративных отношений.

Можно предположить, что при условии развития гражданских правоотношений, когда будет принята отдельная норма, в соответствии с которой искусственный интеллект будет наделен правовым статусом и сможет самостоятельно нести юридическую ответственность за свои действия, ИИ сможет быть отдельным участником корпоративных отношений. Но, по нашему мнению, рассуждать об этом сегодня – преждевременно. Риски использования искусственного интеллекта сегодня не изучены в полной мере, поэтому наделение искусственного интеллекта правами в принятии организационных вопросов невозможно. М. Джараи развивает идею взаимодополняемости человека и искусственного интеллекта, что также может быть допустимо, так как технологии ИИ могут обеспечить необходимый объем и широкую номенклатуру информации, которые необходимы для принятия необходимых решений. В таком случае стоит учитывать риск очеловечивания искусственного интеллекта, так как необходимость использования человеческого ресурса будет снижена и не актуальна.

Таким образом, искусственный интеллект в корпоративном праве в современном обществе можно рассматривать как удобный инструмент, позволяющий выполнять механические операции, которые упростят работу корпоративного юридического лица и его сотрудников. Искусственный интеллект не может являться самостоятельным участником корпоративных отношений и не может нести права и обязанности участника корпорации, предусмотренные ст. 65.2 ГК РФ, а также нести юридическую ответственность за свои действия до того момента пока он не будет признан отдельным субъектом гражданского права.

Список литературы

1. Официальный сайт РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/digital_law_news/20230922/309241401.html.
2. Крысанова-Кирсанова И. Г., Трушина И. О. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 104–107.
3. Трушина И. О. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху создания национальной цифровой экосистемы : сборник научных трудов III Всероссийской научно-практической

конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. С. 151–154.

4. Попондопуло В. Ф. Корпоративное право России: общая характеристика // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 2 (43). С. 93–109.

5. Зуб А. Т., Петрова К. С. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // Государственное управление. 2022. № 94. С. 173–187.

6. Официальный сайт Tadviser. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>.

Филиппова В. А.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Актуальность статьи заключается в том, что в настоящее время ряд областей социальной жизни требуют использования биометрических персональных данных. Однако мнение ученых на этот счет является противоречивым, что связано с безопасностью распространения личных данных граждан Российской Федерации. Эксперты Следственного комитета Российской Федерации являются инициаторами использования биометрических данных, поскольку данная практика может помочь правоохранителям в раскрытии и расследовании преступлений. Важным аспектом при создании данной методики является уровень российского законодательства, определяющий степень защищенности биометрических персональных данных. Как известно, на сегодняшний день безопасность не достигает должного уровня.

Прогрессирующее технологическое развитие в XXI в. охватило все сферы жизнедеятельности: нанотехнологии используются в инженерии, медицине, строительстве. Идентификация субъектов осуществляется по физиологическим, биологическим, поведенческим параметрам. Используются технологии распознавания личности по отпечаткам пальцев, манере ходьбы, ДНК и сетчатки глаза. В первую очередь это связано с возрастающей террористической угрозой. В социальной сфере последнее время постепенно вводится практика использования биометрических персональных данных (далее – БПД) при идентификации личности. Такое нововведение требует четкой законодательной базы, которая надежно защитила бы личные данные наших граждан.

Введение в практическую деятельность применения технологий идентификации личности по биометрии было ратифицировано Советом Европы в Конвенции № 108 в 1981 г., а странами Европейского Союза в 1995 г. была принята Директива 95/46/ЕС «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» [5]. Принятие правовых норм было связано с повышением уровня защиты прав граждан, данные которых находятся в открытом доступе и функционируют в гражданском обороте.

¹ © Филиппова В. А., 2024.

По уровню технологической уязвимости персональные данные принято делить на две категории: общие и специальные. Такая трактовка БПД применяется многими странами в национальных правовых актах. Однако ряд стран, в числе которых Российская Федерация (далее – РФ), имеют собственное регулирование оборота БПД, принятое еще до появления мировой судебной практики. В России оборот биометрии регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 572 «Об осуществлении идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» (далее – 572-ФЗ) [3]. В данном правовом акте закрепляется само понятие БПД. Так, к биометрическим данным принято относить сведения, которые тем или иным образом характеризуют физиологические и биологические особенности субъектов, позволяющие идентифицировать личность. Однако в законе имеется пробел относительно видов БПД, которые правомерно используются при установлении личности. Отдельные виды определены специальными актами, например, в Постановлении Правительства РФ от 4 мая 2010 г. № 125: цветное фото лица, изображение папиллярных узоров пальцев рук [4].

Более подробная классификация дана в Разъяснениях Роскомнадзора: дактилоскопия, физиологические данные человека (рост, вес), ДНК-анализы, оболочка глаза, идентификация по лицу (фото- и видеосъемка) и иные характеристики человека. Данная классификация выделена на основании цели использования таких данных – для идентификации конкретного лица. Исходя из чего в ряде случаев такие данные будут считаться биометрическими (при установлении личности), а при определении принадлежности данных к уже установленному лицу – нет.

Использование БПД и, как следствие, создание законодательной базы, регулирующей данную область общественных отношений, вызывает ряд дискуссий. Канадский ученый К. Лиу считает, что выделять БПД как отдельный вид данных субъекта – нецелесообразная практика, поскольку есть устойчивое законодательство, которое регулирует оборот персональных данных в целом [6, с. 23–26]. Противоположная точка зрения у Е. Киндта, исследующего правовое регулирование БПД, который ссылается на необходимость выделения биометрии как отдельной категории, поскольку биометрическая информация имеет свои особенности, которые отличают ее от обычных персональных данных [6, с. 32–35]. Если относить БПД к обычной информации о личности, то создается угроза нарушения прав граждан. В российской науке также нет единого мнения ученых по поводу выделения БПД в специальную категорию данных о личности. Например, И. М. Рассолов в учебнике информационного права выделяет БПД как специальную категорию данных о личности [7]. На основании зарубежной и российской практики можно сделать вывод, что однозначная позиция о правовой природе БПД и выделения их как отдельной категории отсутствует. В российском законодательстве толкование БПД выделено в отдельный закон, но несмотря на это, в норму неоднократно вносились поправки, а в Государственную Думу – новые законопроекты.

В 2022 г. в Закон 572-ФЗ были внесены изменения, касающиеся создания Единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), с помо-

щью которой на основании биологических и физиологических данных можно идентифицировать личность. Создание такой системы связано со следующими факторами: 1) разграничение видов биометрии (образцы отпечатков пальцев, голоса, изображений лица); 2) формирование биометрической базы должно быть основано на добровольных началах; 3) каждый гражданин имеет право отозвать ранее подписанное согласие на обработку БПД; 4) сбор геномной информации находится под запретом; 5) каждый гражданин, давший согласие на обработку его биометрической информации, имеет право проверять все действия, которые совершаются с его данными [3]. Правом сбора и обработки биометрической информации обладают исключительно государственные учреждения и предприятия.

Как правило, национальные правовые акты формируются на основании Международного права. Так, ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет информацию, которая относится к персональным данным личности: пол, национальность, раса и т. д. [5]. Международные нормативные акты ставят перед собой цель: защитить «чувствительную» и уязвимую информацию о личности от дискриминации в условиях информационного оборота. Как известно, с появлением глобальной сети Интернет, увеличилось количество утечки информации, с помощью которой можно идентифицировать личность. Изначально это были пароли и логины в социальных сетях, фото- и видеоматериалы, паспортные данные, что стало предпосылкой ужесточения режима конфиденциальности. Например, во многих социальных сетях используется двухфакторная аутентификация, так называемая «двойная защита». Однако злоумышленники способны завладеть информацией даже при многоэтапном процессе авторизации личности.

Согласно ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ, публичное распространение и дальнейшее использование фотографии гражданина, в том числе изображение его лица, допускается исключительно с согласия этого гражданина [1]. В случае его смерти, персональные данные используются с разрешения его близких родственников. Однако из этого правила следует ряд исключений: 1) если изображение используется в государственных и публичных интересах; 2) если изображение гражданина было получено в результате съемочного процесса (на официальных мероприятиях, спортивных соревнованиях, концертах); 3) если изображение гражданина осуществлялось за вознаграждение. На основании норм гражданского законодательства можно сделать вывод, что использование фотографий граждан возможно исключительно с их письменного согласия (или с согласия их представителей). Обычные фотографии не являются биометрическими данными. Важно отметить, что обычное фотографическое изображение служит исключительно для аутентификации и не применяется для установления личности. Многие государственные и муниципальные учреждения в целях обеспечения безопасности и контрольно-пропускного режима используют систему контроля и управления доступом (СКУД), где электронные документы граждан содержат их изображения. В данном случае фотографии используются для идентификации, т. е. установления личности путем сличения изображения с предъявителем. Операторы используют такую систему биометрических дан-

ных для проверки подлинности пропуска. Таким образом, фотографические данные, используемые для обеспечения доступа на охраняемую территорию и идентификации личности, принято относить к биометрическим данным.

Автором был проведен социальный опрос курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, в котором приняло участие 80 человек. Так, респондентам был задан вопрос: для чего Вы используете биометрические персональные данные? Большая часть опрошиваемых (68,8 %) используют БПД для получения доступа к телефону и приложениям (СБОЛ, ВТБ, *Telegram* и пр.). Лишь 6,3 % оплачивают покупки и проезд в метро с помощью «улыбки». Стоит отметить, что 12,5 % респондентов не используют БПД в целях безопасности (исключение – прохождение на территорию охраняемых объектов, например в университет, по системе СКУД). Проведенное исследование показало, что среди российской молодежи БПД являются относительно нераспространенным видом идентификации. Во-первых, это может быть связано с низким уровнем правосознания в рассматриваемой области. Во-вторых, многие граждане боятся распространять свои БПД, поскольку уровень защиты таких данных является низким, что может стать предпосылкой появления нового вида мошенничества, ответственность за которое еще не введена в Уголовный кодекс РФ.

Таким образом, использование биометрических персональных данных с каждым годом набирает популярность. Вопрос относительно защищенности БПД является спорным, поскольку данная область является недостаточно изученной на законодательном уровне. Однако законодательные силы стремятся урегулировать оборот персональных данных, содержащих биометрию человека.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. 3379 с.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № 125 «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис».
5. Брызгин А. А., Минбалеев А. В. Правовой режим биометрических персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 35–41.
6. Ву Зуи Линь. Экспресс-методы обработки изображений лиц для биометрических систем : автореф. дис. ... канд. тех. Наук. СПб., 2011.
7. Нечаева В. С. Идентификация отпечатков пальцев в биометрической системе безопасности // Вестник магистратуры. 2021. N № 5-3 (116). С. 65–66.

Хаврошина А. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ МИФАХ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Цифровой мир – явление нового времени и главная тенденция мировой культуры. Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), облегчающих жизнедеятельность граждан, порождает ряд противоречий не только в законодательстве, но и в морально-этических аспектах. Несмотря на позитивную направленность технологий ИИ, большинство из них имеют «негативный подтекст», что обусловлено своего рода их неадаптированностью к современным реалиям. Популярность вокруг искусственного интеллекта порождает множество мифов в ведущих СМИ, на уровне руководства компаний, организаций. Одни полагают, что технологии ИИ смогут «поработить людей» и чуть ли не захватить весь мир. Другие считают, что они представляют собой лишь модное слово, «тренд современного общества». На наш взгляд, истина находится где-то посередине.

Автор данной статьи предлагает выделить следующие мнения насчет технологий искусственного интеллекта, а также привести доводы к их опровержению:

1. Искусственный интеллект – неперспективное направление. Искусственный интеллект становится важным фактором оптимизации затрат и обеспечения непрерывности бизнеса во время кризиса *COVID-19*. Эти технологии во многом улучшают взаимодействие с клиентами, за период 2021–2022 гг. «организации сохранили и даже увеличили свои инвестиции в искусственный интеллект» – заявляет главный директор по аналитике *Gartner* Сани Алаибеи [4]. На 2023 г. около 950 млрд \$ вложено в три сегмента: программы обслуживания клиентов, рекомендации по процессу продаж и консультационные системы [7], искусственный интеллект модернизируется и становится более развитым, а статистика показывает заинтересованность людей. Динамика результатов, а именно открытие усовершенствованных компаний с включенными областями искусственного интеллекта, такие как *Google*, *Open AI*, показывает перспективность данного направления.

2. Искусственный интеллект и машинное обучение идентичны. Это не совсем так как минимум в своем функционале. С одной стороны, машинное обу-

¹ © Хаврошина А. А., 2024.

чение можно рассмотреть в качестве разновидности искусственного интеллекта, которое не требует хорошо продуманной стратегии обучения и сбора данных. С другой стороны, искусственный интеллект обладает рядом специфических особенностей: развитие «собственного мышления» [5], возможность принимать решения на основе опыта, саморазвитие и создание собственных программ, что не соотносится с пониманием машинного обучения.

3. Право и искусственный интеллект не совместимы. Технологии искусственного интеллекта в настоящее время в России практически не урегулированы. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [2] является основополагающим на данный момент, хотя имеет ряд недостатков. Например, в нем не закреплены принципы работы и использования технологий искусственного интеллекта, отсюда возникает вопрос, связанный с содержанием правоотношений, где участвует искусственный интеллект. В правовой доктрине особо актуально рассматриваются вопросы наделения технологий ИИ правосубъектностью. Автор представляет возможным рассмотреть ИИ в гражданском праве, во-первых, как электронное лицо, во-вторых, внести соответствующие изменения в ГК РФ [1] в части признания ИИ техническим средством. Здесь же необходимо внести в список объектов авторского права произведения, созданные искусственным интеллектом, и определить возможность признания автором пользователя ИИ.

4. Искусственный интеллект 100 % самообучаем. Анализ современных технологий ИИ позволяет однозначно опровергнуть данный миф. Так, в 2023 г. в Москве студент на защите дипломной работы признался, что работа была написана технологией ИИ, а именно с применением чата *GPT* [6]. Однако из-за отсутствия правовой должной регламентации данного института не принять работу или аннулировать ее преподаватель не может, так как сегодняшний день ИИ не способен написать работу исключительно автономно.

5. ИИ может заменить только рутинные задачи. Помимо обыденных задач, искусственный интеллект внедряется в различные сферы, где точно и специфично воздействует на отраслевые проблемы. Академией управления МВД России была разработана концепция научно-технической политики МВД России до 2030 г., главная цель концепции – усовершенствование и повышение эффективности выполнения оперативно-служебных задач в подразделениях на основании технологий искусственного интеллекта [2].

Использование ИИ в профессиональной деятельности имеет ряд перспектив:

1. Грамотное сопоставление преобразованных изображений с лицами людей позволит разыскивать лиц, пропавших, подозреваемых, в наиболее короткие сроки.

2. При помощи технологий ИИ можно определять государственные регистрационные номера, которые трудно распознать в условиях плохой видимости.

3. При помощи технологий ИИ появляется возможность быстрого и автоматического приема сообщений, поступающих на горячую линию дежурной части.

4. Также ИИ может быстро реагировать и анализировать поступающие в территориальный орган уведомления и обращения граждан, что позволит сделать эту процедуру более эффективной и не затяжной.

5. Человечеству незачем бояться ИИ. Беспилотные автотранспортные средства — это недавно появившаяся категория автотранспортного средства со встроенными механизмами технологий ИИ. Использование беспилотных транспортных средств обусловлено следующими позитивными моментами: способность перевозить грузы в опасных для людей местах (в условиях военных действий или в зоне поражения техногенными катастрофами), экономное и доступное средство передвижения для граждан, так как из стоимости услуги будет вычитаться стоимость работы водителя, более безопасный способ передвижения пассажиров, так как исключает возможность совершения ДТП исключительно из-за человеческих факторов. Однако технологии ИИ, встроенные в беспилотное автотранспортное средство, не позволяют системе распознавания выявлять детей, подростков из-за их маленького роста — это недостаток системы визуализации данных. Также остро встает вопрос «морального выбора», где появляется проблема, должен ли беспилотный автомобиль ставить жизнь пассажира в аварийной ситуации выше, чем жизнь пешеходов, или наоборот [2].

6. Искусственный интеллект никогда не бывает «виноват». Вопросы ответственности также не урегулированы в законодательстве. В современной России наиболее актуально рассматривать момент правового регулирования, связанный с ответственностью внедренных технологий ИИ в контексте уже запущенных экспериментальных автомобилей от программ «Яндекса». Понятие «беспилотное транспортное средство» в законодательных актах не закреплено, отсюда возникает ряд вопросов, касаемых признаков данного автотранспортного средства. В Правилах дорожного движения четко указано о присутствии водителя именно внутри транспортного средства. Отсюда следует вопрос о возможности «запуска» таких автомобилей, об их страховании, о гарантированной безопасности, а также о распределении ответственности. Исследуется необходимость работы таких автотранспортных средств исключительно со вторым водителем, где последний в случае экстренной ситуации попытается сделать все возможное, чтобы избежать ДТП.

Таким образом, не вся информация об ИИ является правдивой. Несомненно, положительных моментов использования технологий искусственного интеллекта значительно больше. Это и ускоренное выполнение задач, возможность экономии человеческих ресурсов, уменьшение рисков влияния «человеческих факторов». Вместе с тем сохраняются проблемы использования такой технологии: отсутствие законодательного определения места ИИ в системе права, возможность причинения вреда гражданам, распределение ответственности и многие другие аспекты не определены в действующем законодательстве и т. д. В связи с этим стоит учитывать рекомендации, предложенные автором по поводу внесения изменений в гражданско-правовое законодательство, направленные на конкретизацию норм, регулирующих использование технологий ИИ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.
3. 8 мифов об искусственном интеллекте» // Сайт «Лайфхакер». URL: <https://lifehacker.ru/vozmozhnosti-iskusstvennogo-intellekta/>.
4. 10 мифов, в которые верят программисты // Сайт «4Brain». URL: <https://4brain.ru/blog/ai-myths/>.
5. Перцептроны и зарождение искусственных нейронных сетей // Сайт «Alget.simulacrum.me». URL: <http://alget.simulacrum.me/tai/l2/index.htm>.
6. Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента // Новостной канал «Комсомольская правда». URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/>.
7. IDC: мировые расходы на ИИ-системы по итогам 2023 года достигнут \$154 миллиардов // Электронное периодическое издание «3ДНьюс». URL: <https://3dnews.ru/1083262/idc-mirovie-rashodi-na-iisistemi-po-itogam-2023-goda-dostignut-154-milliardov>.

Шелепина В. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВЫНУЖДЕННОЕ ПИРАТСТВО – ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

События, произошедшие в период с 2021 по 2023 гг., предопределили современные реалии развития как классических гражданских правоотношений, так и межотраслевых общественных отношений, не исключением является и авторское право. Санкционная политика зарубежных стран против Российской Федерации направлена преимущественно на ограничение распространения различного рода иностранной продукции, в том числе и объектов интеллектуальной собственности. В связи с этим некогда легальные и лицензированные способы просмотра кинолент, прослушивания музыкальных произведений, пользования программным обеспечением и иные формы потребление контента, стали недоступным российским гражданам. Однако по сей день такие объекты авторского права являются уникальными, а их замена либо невыгодна потребителям, либо недоступна априори в связи с отсутствием отечественной альтернативы.

Способом преодоления таких запретов стало онлайн-пиратство, под которым понимается нарушение авторского права посредством незаконного размещения, распространения и просмотра объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет. Данная проблема существует не первое десятилетие, однако по данным «Коммерсантъ» число запросов, связанных с незаконным потреблением контента, с февраля 2022 г. увеличилось на 300–400 % [3]. Динамика роста потребления контента незаконным путем ярко отражает суть возникшего противоречия, поскольку, с одной стороны, пользователь нарушает законодательство, совершая вышеуказанные действия, а с другой стороны, иной легальной возможности потребления контента не существует. Ярким примером представленной дилеммы является использование программного обеспечения (далее – ПО) компании *Microsoft Windows*, которая в настоящее время не продает официальные лицензии на использование своей продукции в России. Тем не менее преобладающая часть компьютеров и ноутбуков работает именно на представленном ПО. В свою очередь, пользователи, которые в силу крайней

¹ © Шелепина В. А., 2024.

необходимости перешли на иную систему, сталкиваются с рядом трудностей, замедляющих и затрудняющих процесс работы.

Одним из решений рассматриваемой проблемы стала концепция вынужденного пиратства, заключающаяся в потреблении недоступного контента в связи с отсутствием интеллектуальной собственности на легальных сервисах и площадках [5, с. 85]. Отметим, что важным критерием такого подхода является невозможность осуществления правомерного пользования интеллектуальной собственностью, а также отсутствие цели извлечения прибыли. Так, множество платформ стриминговых сервисов ограничили возможность регистрации пользователей из России либо исключили способ оплаты банковскими картами банков Российской Федерации, такими являются *Spotify*, *Netflix*, *Nintendo eShop* и др. [1].

Однако автор считает, что дефиниция «вынужденное пиратство» не может в некоторой своей части применяться в рамках реализации права на пользование объектов интеллектуальной собственности, поскольку «пиратство» – деятельность, которая в рамках гражданского, административного и уголовного законодательства Российской Федерации является незаконной и наказуемой. Также отметим, что представленная выше статистика хоть и демонстрирует увеличение роста незаконного потребления контента в корреляции с политикой зарубежных стран, но не исключает вышеуказанные действия до введения санкций. Так, сам факт потребления контента в форме его просмотра и прослушивания не влечет за собой юридической ответственности, однако скачивание ПО в рамках российского законодательства, а именно п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), является нарушением исключительного права на произведение [4]. В связи с вышеуказанными обстоятельствами считаем, что вынужденное пиратство не является способом решения возникших противоречий.

По мнению автора, наиболее уместно будет обратиться к механизму принудительного лицензирования – предоставление лицу права использования результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который принадлежит другому лицу, на основании решения суда и на указанных в решении суда условиях. В настоящее время принудительное лицензирование, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, применимо исключительно к изобретениям, полезным моделям, промышленным образцам или селекционным достижениям.

Представленный механизм, в соответствии с п. 1 ст. 1362 ГК РФ, заключается в предоставлении простой (неисключительной) лицензии на указанные выше объекты патентного права судом лицу, который готов и желает использовать такую интеллектуальную собственность. Важным условием является первичное обращение к патентообладателю и, соответственно, его отказ в предоставлении лицензии, а также неиспользование или недостаточное использование изобретений или промышленных образцов в течение 4 лет со дня выдачи патента, а для полезной модели – в течение 3 лет, что непосредственно приводит к дефициту указанных товаров, услуг и работ на рынке. Представленный механизм показал свою эффективность в рамках лицензирования объектов патентного

права, что во многом решило проблему монополизации интеллектуальной собственности.

19 августа 2022 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”» (далее – Законопроект), в рамках которого предполагается применение принудительного лицензирования к объектам авторских и смежных прав, по аналогии с рассмотренным выше механизмом [6]. В свою очередь, концепция лицензирования интеллектуальной собственности имеет ряд особенностей. Так, получение лицензии возможно в двух случаях:

1. Если иностранный правообладатель необоснованного расторг лицензионный договор, в таком случае лицензия выдается на прежних условиях.

2. Если контент, созданный иностранными авторами, никогда не использовался на территории Российской Федерации. Получение лицензии возможно в судебном порядке по обращению организации по управлению правами на коллективной основе.

Отметим, что принудительная лицензия будет выдаться только на объекты авторских и смежных прав, правообладателем которых является лицом из недружественных стран. А существенное условие – недоступность такой интеллектуальной собственности на территории Российской Федерации и отказ автора в предоставлении лицензии.

Представленный Законопроект был отклонен Государственной Думой ввиду отсутствия отзыва от Правительства Российской Федерации, тем самым была нарушена процедура внесения. В настоящее время ведется доработка Законопроекта, а его итоговая версия в скором времени будет внесена на рассмотрение.

Несмотря на это, проблема правомерного пользования иностранного контента остается под вопросом, а бурная дискуссии между учеными и юристами не прекращается, а лишь набирает обороты. По мнению Н. Андреенова, введение таких поправок остановит востребованность отечественного контента и ПО, а также может привести к симметричному ответу со стороны иностранных правообладателей [2]. По мнению автора настоящей статьи, предлагаемые изменения имеют существенный ряд противоречий. Так, в случае принятия Законопроекта не исключается ответная реакция иностранных правообладателей, в частности, отключение аккаунтов пользователей Российской Федерации на зарубежных сайтах, доступных российским гражданам. Также стоит вопрос о дальнейшем использовании такой интеллектуальной собственности, поскольку для функционирования ПО необходимо техническое обслуживание, обновление контента, внесение изменений в компьютерные коды, что не представляется возможным осуществить без иностранного правообладателя. Как уже отмечалось ранее, на данный момент отечественные разработчики и авторы активно работают над созданием различного рода контента, в том числе фильмов, книг, музыки и ПО. Однако возможность легального потребления интеллектуальной собственности иностранных создателей во многом может уменьшить спрос на отечественные продукты и развитие экономики страны.

Интеллектуальная собственность уникальна, принудительное лицензирование авторского контента против воли правообладателей нарушает существующие принципы гражданского права, что непосредственно влечет утрату значения регуляторов исключительных прав, а механизм, рассмотренный в настоящей статье, напрямую посягает на указанные выше объекты. Принудительное лицензирование объектов авторских и смежных прав может применяться в исключительных случаях в связи с политической ситуацией только при разрешении существенных пробелов. Так, по мнению автора, принудительная лицензия может выдаваться заинтересованным лицам в случае, если без соответствующего объекта авторского права затрудняется инновационное развитие либо отсутствие такой интеллектуальной собственности может поставить под угрозу общественные интересы. Таким образом, применение принудительного лицензирования должно стать исключительной мерой, существующей по принципу сбалансирования частных интересов авторов и потребителей, пусть даже имеющих публичные интересы.

Список литературы

1. Смотреть нечего: как россияне справились с уходом иностранных дистрибьюторов кино и сериалов // «Российская газета»: «RG.RU». URL: <https://rg.ru/2023/01/30/smotret-nechego-kak-rossiiane-spravilis-s-uhodom-inostrannyh-distribiutorov-kino-i-serialov.html>.
2. Контент раздора. Вокруг законопроекта о принудительном лицензировании обостряется дискуссия // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607067>.
3. Граждане раскачивают пиратов. Число нелегальных ресурсов с медийным контентом растет // Kommersant.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6296463>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 13.06.23) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Петрухин Г. В. Проблемы принудительного лицензирования иностранного контента в РФ и его отграничение от пиратства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-3 (80). С. 84–87.
6. Проект федерального закона № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8>.

Шкатова К. А.¹,

*курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Пузырева Е. А.,

*старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

За последние годы в сфере российского и мирового законодательства произошли существенные изменения в контексте финансовых отношений, обусловленные быстрым развитием глобальной цифровой экономики. Перед человечеством открывается перспектива перехода к новой модели экономических отношений и ускоренного развития принципов цифровой экономики, что вызывает необходимость пересмотра привычных методов функционирования банковских платежных систем. Создание и внедрение национальной цифровой валюты представляют собой одно из важных стратегических направлений развития информационных и платежных технологий.

Цифровой рубль представляет собой современную интерпретацию российской национальной валюты, который будет создан в электронной форме и обеспечен стабильностью в своем функционировании, гарантированной государством через Центральный банк России. Цифровой рубль способен полностью выполнять все функции денег в повседневных финансовых операциях.

Эмиссия цифровых рублей будет осуществляться Центральным банком, что подчеркивает значительное различие между ними и криптовалютой, которая лишена физической формы и не имеет единого центра, способного контролировать ее обращение.

Цифровой рубль будет идентифицироваться через уникальный цифровой код. Он не будет иметь физической формы и позволит осуществлять дистанционные платежи и расчеты аналогично безналичным денежным средствам. Денежные средства на цифровом кошельке, разработанном на базе инфраструктуры Центрального банка, будут перемещаться по стандартному пути с банковского счета. В отличие от этого, передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить путем передачи цифрового кода между электронными кошельками.

Важно отметить, что на данном этапе развития информационных технологий в четырех странах, а именно в Китае, Индии, Гане и Уругвае в настоящее время существует цифровые валюты, которые призваны решить такие макроэкономические проблемы, как инфляция и зависимость от международных ва-

¹ © Шкатова К. А., 2024.

лют. Из всех валют дальше всего продвинулся цифровой юань, так как в Китае уже существует 120 электронных кошельков, на основе чего объем транзакций достиг 1,8 триллиона юаней [3]. То есть Россия является одной из первых стран, которая решилась на внедрение национальной цифровой валюты.

Внедрение цифрового рубля планируется поэтапно, поскольку это масштабный проект, требующий значительных усилий. Этот этап включает в себя установку цифровых кошельков, при этом основное внимание уделяется обеспечению удобства для пользователей при работе с цифровыми рублями и разработке интуитивно понятного клиентского интерфейса. Окончательное решение о расширении масштабов цифрового рубля будет принято на основе результатов пилотных испытаний и обратной связи от их участников.

Стоит отметить, что в настоящий момент существует некое правовое регулирование по внедрению и действию цифрового рубля на основе Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о цифровом рубле) и Концепции цифрового рубля, принятой Центральным банком Российской Федерации 8 апреля 2021 г. [2]. Несмотря на то что недавно Федеральным законом о цифровом рубле были внесены поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) о том, что цифровой рубль является объектом гражданских правоотношений и средством расчета, стоит отметить, что в данных законодательных актах не закреплено единого определения цифрового рубля и является правовым пробелом.

В. В. Пшеничников считает, что «цифровой рубль является цифровым кодом, который находит свое отражение на компьютерных носителях информации, воплощающий всеобщий эквивалент с аналогичными функциями наличных и безналичных денег». Это определение было расширено группой ученых, представленной А. В. Иванущенко, Е. А. Плюсинина, А. А. Яцык, которые придерживаются точки зрения, что «цифровой рубль представляет совокупность электронных данных с высокой степенью защиты, содержащихся в информационной системе. Цифровая валюта Центрального банка может быть принята в виде средства платежа и(или) средства сбережения». Вышеуказанные определения более точно описывают особенности и различия цифрового рубля от других виртуальных денег, таких как криптовалюта, где коды также создаются через информационную систему.

В свою очередь Банк России отмечает, что цифровой рубль является третьей формой рубля, сочетающей в себе характеристики наличных и безналичных средств, то есть она будет дополнять, а не заменять форму российской валюты. В своем отчете Банк России подчеркнул, что цифровой рубль будет эмитироваться в цифровой форме наряду с уже существующими формами денег [10].

Важно отличать цифровой рубль от цифровой валюты, которые многие цивилисты и ученые иных областей зачастую отождествляют.

На основе определений данных выше можно выделить следующие особенности цифрового рубля:

1. Использование цифрового рубля не только в онлайн, но и в офлайн-режиме при отсутствии доступа в интернет со специальной инфраструктурой. Предпола-

гаемая разработка по принципу действия схожа с хранением безналичных денежных средств на электронных кошельках, например Яндекс.Деньги, QIWI, PayPai.

2. Неограниченная гражданско-правовая оборотоспособность, т. е. беспрепятственного совершения сделок с переходом цифрового рубля от одного владельца к другому, его отчуждение на возмездной и безвозмездной основе, передаче в залог, а также по наследству. Иначе говоря, любое распоряжение цифровым рублем любым способом, предусмотренным ГК РФ и Федеральным законом о цифровом рубле.

3. Цифровой рубль не может быть отнесен к вещам. Поскольку он является безналичным платежным средством, как и цифровая валюта. То есть с точки зрения цивилистики на цифровой рубль не распространяется право собственности, защиты права собственника и виндикации. Это связано с особенностью внедрения цифрового рубля в гражданский оборот, а именно он представляет собой запись на цифровом счете обладателя цифрового кошелька, а также нематериальный вид цифрового рубля. Для того чтобы стать обладателем кошелька физическому или юридическому лицу, необходимо зарегистрироваться в платформе ЦВЦБ, которая представляет собой новую платежную. Процесс открытия происходит через оформления договора с Центральным банком или банком-посредником.

Операции с цифровым рублем в использовании аналогичны действующим в настоящий момент рау-сервисам либо специальным приложениям дистанционного обслуживания, например онлайн банки.

4. Цифровой рубль в отличии от криптовалюты и цифровой валюты является законным средством платежа, который выпускается и регулируется Банком России на основе Федерального закона о цифровом рубле.

В заключение стоит рассмотреть перспективы внедрения цифрового рубля:

1. Во-первых, уменьшатся издержки на выпуск бумажных денег, которые в настоящее время, в соответствии с оценками проводимыми Центральным банком, составляют 16,4 млрд рублей [13].

2. Юридическим и физическим лицам будет предоставлена возможность заключать смарт-контракты. Н. А. Остарков утверждает, что внедрение цифрового рубля приблизит нас к широкому использованию смарт-контрактов. Эти сделки автоматически выполняются при наступлении заранее определенных условий, что, по его мнению, способствует оптимизации бизнес-процессов, связанных с взаимодействием контрагентов, а также сократит время и издержки при проведении сделок [11].

3. Использование любого банка для осуществления операций с цифровым рублем, а также с фиксированным тарифом за счет того, что цифровой кошелек не привязан к конкретному банку.

4. Безопасность и сохранность размещенных цифровых рублей благодаря специальной платформе Банка России. О чем неоднократно заявлял непосредственно Банк.

Вместе с перспективами внедрения цифрового рубля следует учесть и его недостатки. Например, установленные ограничения, предусмотренные Федеральным законом о цифровом рубле, могут стать неким «тормозом» в процессе

его внедрения, особенно с точки зрения прав потребителей. Также важно отметить отсутствие определенного понятийного аппарата в данном законе, на основе которого функционируют его элементы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120200704001>.
2. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». М. : Эксмо, 2017.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». М. : Эксмо, 2020.
4. Андреева Е. М. Цифровой рубль: современное состояние и перспективы // Актуальные проблемы финансового права в эпоху цифровизации : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 103–111.
5. Василевская Л. Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблемы // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 1. С. 9–19.
6. Габов А. В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 16. С. 55–65.
7. Дерюгина Т. В. Цифровая валюта и цифровой рубль: к вопросу о правовой новации // Цивилист. 2022. № 1. С. 8–11.
8. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.
9. Медведева Т. М., Новоселова Л. А., Новоселов М. А. Правовые риски введения цифрового рубля // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 4. С. 171–184.
10. Названы страны, запустившие цифровые валюты ЦБ // Агентства экономической информации «Прайм». URL: <https://1prime.ru/macroeconomics/2023/0802/841269505.html?ysclid=lmndizmsxp156382651>.
11. Остарков Н. А. Цифровой рубль и перспективы кредитно-денежной политики: конкуренция финансовых технологий в современном мире // Цифровая экономика. 2022. № 45 (21). С. 71–78.
12. Пшеничников В. В. Перспективы эмиссии цифрового рубля и его функционирования в платежном обороте страны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 6. С. 101–109.
13. Структура наличной денежной массы в обращении // Сайт «Банк России». URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/20230101.

Шурина А. А.¹,
курсант Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Малышева Н. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

С развитием цифровых технологий и все большей зависимости от виртуального пространства цифровые права охватывают широкий спектр активов, включая социальные медиа-аккаунты, электронную почту, файлы, фотографии и другое цифровое содержимое. Цифровой мир проникает во все сферы нашей жизни: от коммуникации и развлечений до финансов и здравоохранения. Вместе с возможностями и преимуществами цифровой эры возникают новые вызовы в области защиты прав человека.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами, включая стратегическую цель, закрепленную в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в виде ускорения технологического развития и внедрения цифровых технологий в России. Также требуется разрешить проблемные вопросы, возникшие в результате введенного в действие Федерального закона «О цифровых финансовых активах» и разъяснить юридическую сущность и место цифровых прав в гражданском праве, а также вопрос регулирования наследственных правоотношений.

Стоит начать с того, что определение цифровых прав закреплено в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Цифровыми правами признается совокупность обязательственных и иных прав, использование которых напрямую связано с правилами информационной системы [1]. Тем самым законодатель конкретизирует, что можно отнести к цифровому праву.

В научных трудах известных ученых, таких как А. И. Овчинников, В. И. Фатхи выделены следующие признаки цифровых прав: права создаются благодаря цифровым технологиям, учитываются в информационных системах, обладают экономической ценностью и признаются в законе [9, с. 135].

Часть 1 ст. 1112 ГК РФ разрешает наследование вещей, иного имущества, имущественных прав и обязанностей. С октября 2019 г. ст. 128 ГК РФ включила в состав имущества цифровые права, указав на их коммерческую ценность и допустив тем самым их наследование [1].

¹ © Шурина А. А., 2024.

Некоторые отечественные ученые высказывают отрицательную точку зрения на передачу цифрового права. Например, М. А. Рожкова указывает, что цифровое право относится только к «электронной форме существующих субъективных гражданских прав» [10, с. 6]. Другие же считают, что цифровые права могут быть переданы от одного лица другому на тех же условиях, что и сам объект, который эти права подтверждает.

Автор считает, что передача цифровых прав по наследству в настоящее время возможна. Он полагает, что допустимо использование различных способов наследования цифровых прав, например:

1. Наследование по завещанию, в котором будет указано конкретное волеизъявление лица, а также ключи, предоставляющие доступ к использованию и распоряжению цифровым правом.

2. Наследование путем установки владельцем доверенного лица, которому будет предоставлен доступ к цифровым активам после смерти и которое будет распоряжаться имуществом в интересах умершего.

3. Наследование по законному порядку передачи имущества, который будет разработан законодателем, что позволит минимизировать разногласия и проблемы, возникающие в настоящий момент.

В современном цифровом мире, где мы все более зависим от технологий, возникает важный вопрос о том, что происходит с нашими цифровыми активами после смерти. Одной из основных проблем, связанных с этим, является соотношение между правом на переход цифровых активов по наследству и правом на тайну частной жизни. Цифровые активы, такие как электронная почта, социальные медиа-аккаунты, файлы в облаке являются частным имуществом и содержат личную информацию. Вопрос заключается в том, кто должен иметь доступ к этим активам после смерти человека. С одной стороны, люди могут хранить личную информацию в своих цифровых активах и не желать, чтобы она попала в руки других даже после смерти. С другой стороны, возникает потребность в передаче цифровых активов наследникам или управление ими после смерти владельца, ведь активы могут представлять значительную финансовую или эмоциональную ценность для семьи, наследников или бизнес-партнеров.

Таким образом, соотношение тайны частной жизни и права на переход цифровых активов по наследству является насущной проблемой. Нужно учитывать одновременно два критерия, а именно права наследников и желание владельца о нераспространении личной информации даже после своей смерти. Предлагая пути для решения данной проблемы, автор приходит к выводу о том, что можно попробовать добавить в завещание пункт о передаче цифровых прав, где владелец сможет внести отметку о согласии передачи конкретному лицу цифрового права, а также укажет, в какой степени лицо, которому будет передано право, сможет использовать его. Важно найти баланс между защитой прав потребителей и безопасностью данных, а также учитывать соображения конфиденциальности и этического использования цифровых активов.

В статье В. Б. Наумова рассматриваются основные проблемы, связанные с наследованием цифровых прав в нашей современной цифровой обществе:

1. Отсутствие ясных правовых норм: страны не имеют точного понимания о том, какие права можно передавать или наследовать в цифровой среде, что приводит к юридической неопределенности и спорам при попытке получить доступ к аккаунтам умершего человека.

2. Конфиденциальность и безопасность данных: сервисы и платформы имеют политику конфиденциальности, которая ограничивает доступ к аккаунтам только владельцам или уполномоченным лицам. Это может создать препятствия для наследников, желающих получить доступ к данным и цифровому наследию умершего.

3. Технические сложности: активы могут храниться в облаке, на удаленных серверах, требующих специального доступа или знания паролей. В некоторых случаях компании-провайдеры услуг не предоставляют механизмы для передачи аккаунтов умерших пользователям, что усложняет процесс наследования.

4. Несоответствие границам: интернет не знает границ, и это создает вызовы при наследовании цифровых прав. Люди могут использовать сервисы и хранить данные на серверах, расположенных в других странах [8, с. 34].

Автор считает, что проблемы передачи цифрового имущества возникают из-за пробелов в законодательстве, а именно отсутствия в законах и иных нормативных правовых актах четкой структуры передачи наследования данных прав.

А. А. Волос предлагает следующие варианты наследования цифровых прав для решения вопроса о наследовании цифровых прав:

1. Полный запрет наследования цифровых прав. Данный вариант возможен только в случае, если законодательством будет предусмотрена личная и неразрывная связь субъекта и объекта, которую нельзя будет разрушить даже после смерти лица.

2. Разработка в первую очередь законодательства для передачи по наследству цифровых прав, а также создание регулирования. Например: стоит возложить обязанности по контролю за переходом цифровых прав к наследникам или на лицо, которое будет контролировать переход данных прав законным способом.

3. Расширить возможности сайтов и программ интернет, где в самих приложениях будет возможность составлять завещания на конкретные страницы и сайты.

4. Позволение гражданам распоряжаться на случай смерти своими интеллектуальными правами будет гарантировать принцип свободы завещания и наследственного правопреемства [2, с. 29].

Автор полагает, что полный отказ от наследования цифровых прав влечет возникновение огромного количества споров по вопросам наследования цифровых прав. Необходимо продолжать искать пути решения проблем в данной сфере и стремиться к разработке единой системы наследования цифровых прав.

С. В. Лебедев предлагает принятие следующих мер для успешного наследования:

1. Создание цифрового завещания: документа, где лицо указывает свои предпочтения относительно распоряжения своим цифровым наследием.

2. Хранение паролей и аккаунтов: необходимость хранить список аккаунтов, логинов и паролей в надежном месте, которое можно передать наследникам или доверенным лицам.

3. Обращение в службу поддержки платформы: обращение за помощью в службу поддержки или к провайдеру услуг для получения помощи.

4. Помощь юриста или адвоката: юрист сможет оказать профессиональную помощь в оформлении завещания и решении возникающих проблем [7, с. 274].

Автор придерживается позиций о разработке цифрового завещания, позволяющего учитывать волю владельца, а также обращение за помощью к квалифицированным специалистам, которые смогут давать четкие рекомендации и оценивать шансы на возможность получения наследства, в случае отсутствия воли умершего лица.

В разных странах существуют различные подходы к регулированию наследования цифровых прав. Некоторые страны имеют законы, которые регулируют доступ к цифровым активам умершего человека, в то время как другие оставляют это на усмотрение платформ и провайдеров услуг. За рубежом предлагают некоторые законодательные решения. Например, использование электронного завещания, при котором пользователь сможет самостоятельно решать судьбу своих активов, социальных сетей. В некоторых странах, таких как США, были приняты законы, направленные на регулирование передачи цифрового наследия. Например, Универсальный закон о доступе к цифровому наследию обеспечивает наследникам доступ к аккаунтам и контенту пользователя в случае смерти или нетрудоспособности. Крупные технологические компании, такие как *Apple*, *Google* и *Facebook* (принадлежит компании *Meta Platforms*, которая признана экстремистской в Российской Федерации. *Здесь и далее по тексту*), начали разрабатывать политики по передаче цифровых активов по наследству. Например, *Apple* предлагает возможность указать контактное лицо, которое получит доступ к вашему аккаунту после смерти. *Google* разработал сервис *Google Inactive Account Manager*, который позволяет выбрать, что произойдет с вашими активами в случае длительного бездействия на аккаунте.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп. от 06.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Агеев В. Н. Потенциал применения цифровых финансовых активов // Финансовый журнал. 2020. № 6.
3. Волос А. А. Цифровизация общества и объекты наследственного правопреемства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 25–33.
4. Гук В. А. К вопросу о наследовании цифровых объектов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 4. С. 64–65.
5. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

6. Иванов А. А. Много оттенков серого: абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории) // Закон. 2019. № 5.
7. Карцхия А. А. Актуальные аспекты законодательства о цифровых правах // Фонд развития правовой культуры. 2021. № 96.
8. Лебедков С. В. Цифровая смерть: к вопросу о наследовании цифровых активов // Вопросы российского и международного права. 2021. № 10А. С. 272–283.
9. Наумов В. Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–39.
10. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3. С. 134–139.
11. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в Российском Гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.
12. Соболев А. С. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Молодой ученый. 2021. № 50. С. 333–335.
13. Федотов М. А. Информационное право : учебное пособие / под ред. М. А. Федотова. М. : Юрайт. 2020.
14. Харитонов Ю. С. Наследование цифровых активов // Нотариальный вестник. 2020. № 1. С. 5–16.

Яготинцева Т. Ю.¹,
*старший консультант отдела
по противодействию коррупции
аппарата Губернатора Волгоградской области*

ГОСУДАРСТВО КАК ПОТЕРПЕВШАЯ СТОРОНА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ВСЛЕДСТВИЕ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Сторонами деликтного правоотношения, как и любого обязательственного отношения, выступают кредитор, который в обязательствах из причинения вреда именуется потерпевшим, и должник, соответственно, причинитель вреда.

Гражданское законодательство не дает определения понятия «потерпевший», хотя оно довольно часто употребляется в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации. Поэтому для установления легального смысла данного понятия обратимся к другим отраслям отечественного законодательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации [7]. Согласно ч. 1 ст. 25.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред [3].

На основе анализа норм гражданского законодательства можно сделать вывод, что потерпевшим в деликтных правоотношениях является лицо, чье право нарушено и чьему имуществу или нематериальному благу причинен вред, и которое в связи с этим наделяется правом требовать возмещения такого вреда в полном объеме.

Такой подход к определению потерпевшей стороны в деликтных обязательствах традиционен в научной литературе. Так, Е. Н. Агибалова указывает, что «потерпевшим (кредитором) признается лицо, которому причинен имущественный ущерб и (или) моральный вред и принадлежит право требовать возмещения причиненного вреда» [1, с. 6]. А.И. Фаргиева в своей статье определяет, что «потерпевшее лицо является стороной деликтного обязательства, имуществу или личности которого нанесен вред противоправными действиями другого лица... имея право требовать возмещения вреда, причиненного ему в результате деликта, потерпевший выступает в этих правоотношениях кредитором» [5, с. 128].

В гражданском законодательстве потерпевшими в деликтных правоотношениях, в том числе вытекающих из совершения правонарушений коррупционной направленности, являются физические и юридические лица. Вместе с тем,

¹ © Яготинцева Т. Ю., 2024.

на наш взгляд, с учетом характера и самой сущности коррупционных нарушений, объектом посягательства которых является нормальный порядок функционирования государственных органов, порядок осуществления государственной власти, в ряде случаев потерпевшим может выступать и государство.

Исходя из положений ст. 124 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), государство в лице Российской Федерации и субъектов Российской Федерации является субъектом гражданского права и выступает в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами [2].

Суды безоговорочно признают, что коррупционными преступлениями причиняется вред интересам общества и государства, а в некоторых случаях расценивают внесение виновным лицом благотворительных взносов на счет государственного бюджетного учреждения как возмещение причиненного таким преступлением вреда [4].

По нашему мнению, целесообразно признание государства потерпевшей стороной в случае приобретения должностным лицом государственного органа имущества на доходы, полученные незаконным способом.

В соответствии со ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры могут обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из определенных законом должностей, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно [6].

Обращение в доход государства имущества по указанному выше основанию возможно после осуществления контроля за расходами должностного лица. Процедура контроля за расходами заключается в определении соответствия или несоответствия расходов должностного лица, а также его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по сделкам, совершенным ими в течение календарного года, предшествующего году представления сведений, общему доходу этого лица и его супруги (супруга) за три предшествующих года, и установлении законности источников средств, за счет которых совершены такие сделки.

Замещая должность в органе власти, осуществляя полномочия по реализации государственной политики в обществе, выступая представителем государства и при этом совершая коррупционное правонарушение посредством личного имущественного обогащения незаконным путем, должностное лицо наносит вред авторитету государственной власти, имиджу государственных органов в обществе, умаляет кредит доверия населения государственным структурам, что в свою очередь затрудняет исполнение государством его непосредственных

функций. Такие действия со стороны должностных лиц государственных органов подрывают легитимность государственной власти, причиняя вред его репутации, что требует признания государства субъектом рассматриваемого правоотношения (потерпевшим).

В свою очередь предусмотренный законодательством механизм обращения в доход государства приобретенного на незаконные доходы имущества должностного лица, основанный на норме ст. 235 ГК РФ, учитывая его сущность и целевую направленность, можно рассматривать как процедуру возмещения вреда, причиненного государству.

Подводя итог, можно говорить о достаточно широком круге потерпевших от коррупционных правонарушений – исходя из анализа законодательства и судебной практики такой статус может быть присвоен как физическим и юридическим лицам, так и государству. В целях повышения эффективности правоприменения в данной сфере, на наш взгляд, необходимо устранить пробел в законодательстве, закрепив статус государства как потерпевшего в случаях совершения должностными лицами коррупционных правонарушений и приобретения имущества на незаконные доходы и установив основания для возмещения причиненного государству вреда.

Список литературы

1. Агibalова Е. Н. Деликтные обязательства : учебное пособие. Волгоград : Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 июня 2022 г. № 77-2922/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Фаргиева А. И. Проблемы определения гражданско-правового статуса потерпевшего лица // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 128–130.
6. Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6953.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.